

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1890.

№ 23.

ДЕКАБРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Открытіе Тобольской епархіи и первый Тобольскій Архіепископъ Кипріанъ (окончаніе). Профессора Императорскаго Харьковскаго Унверситета Доктора Исторіи <i>П. Буцинскаго</i>	689—672
Критика и исторія относительно жизни Іисуса Христа <i>Ж.</i>	673—706
Очеркъ православнаго Церковнаго права (продолженіе). Профессора <i>М. А. Остроумова</i> (въ особомъ приложеніи).	65—80
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Метафизическія воззрѣнія кн. Сергѣя Трубецкаго. Свящ. <i>Т. Бутковича</i>	442—473
Ученіе Аристотеля и его школы (перипатетической) о Богѣ (продолженіе). <i>И. Корсунскаго</i>	474—492
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Отчетъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1889/90 учебный годъ (продолженіе).—Отъ Харьковскаго комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Епархіальныя извѣстія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., л. № 16.

1890.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, — однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоука и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія; полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪУПЛАТЪ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени» на Екатерининской улицѣ, въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ на Московской ул. и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, д. № 16, и во всѣхъ конторахъ «Новаго времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкой.

Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI. 3

Дозволено цензурою. Харьковъ, Декабря 15 дни 1890 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

ОТКРЫТІЕ ТОВОЛЬСКОЙ ЕПАРХІИ

и

ПЕРВЫЙ ТОВОЛЬСКІЙ АРХІЕПИСКОПЪ КИПРІАНЪ.

(Окончаніе *).

III.

Что же сказать о религіозно-нравственной и общественной дѣятельности перваго сибирскаго архіепископа?

Въ этомъ отношеніи Кипріану открывалось широкое поле дѣятельности; правительство возложило на него массу обязанностей и надѣлило его большими полномочіями какъ относительно дѣлъ церковныхъ, такъ и гражданскихъ. Тогдашній московскій патріархъ Филаретъ Никитичъ, какъ мы уже упоминали, отправляя въ Сибирь Кипріана, заповѣдалъ ему «достойно пасти словесное стадо, заботиться о чистотѣ вѣры завоевателей и русскихъ пришельцевъ, обращать ко Христу идолопоклонниковъ и магометанъ, да проповѣдь слова Божія растеть и множится». Но въ то же время ему данъ былъ наказъ, который частнѣе и полнѣе раскрываетъ его обязанности на мѣстѣ новаго служенія. Къ сожалѣнію этого наказа до насъ не сохранилось, но что онъ существовалъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ дѣло о розыскѣ его, которое мы читали въ архивѣ¹⁾.

*.) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1890 г. № 21.

1) Въ 1642 г. четвертый сибирскій архіепископъ Герасимъ писалъ къ Михаилу Федоровичу: «Велѣно ему быть въ Тобольскѣ на мѣстѣ Нектарія, а наказа,

Тѣмъ не менѣе мы можемъ въ значительной степени возстановить наказъ, опредѣляющій права и обязанности перваго сибирскаго архіепископа, то по частнымъ царскимъ грамотамъ, посылаемымъ Кипріану во время его продолжительнаго путешествія въ Сибирь и во время пребыванія его въ Тобольскѣ, то по сохранившемуся до насъ наказу, данному второму сибирскому архіепископу Макарію; ибо несомнѣнно, что этотъ послѣдній наказъ, какъ во многомъ напоминаетъ наказъ, данный первому казанскому архіепископу Гурію, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и былъ повтореніемъ наказа, полученнаго Кипріаномъ. Изъ этихъ историческихъ данныхъ оказывается что вѣдѣнію Кипріана подлежало не только вообще архіерейское дѣло, какъ оно поставлено было въ московской Руси, но ему принадлежалъ и высшій контроль надъ всѣмъ тѣмъ, что вѣдала въ Сибири свѣтскія власти — воеводы, головы и разные приказные люди.

Ему предписывалось: архимандритовъ, игуменовъ, протопоповъ, поповъ, дьяконовъ и весь народъ поучать, чтобъ жили по заповѣдямъ Божиимъ, св. апостоловъ и св. отецъ; судить какъ весь причтъ церковный, такъ и мірскихъ людей во всякихъ духовныхъ дѣлахъ, а боярину и воеводамъ въ то не вступаться; услышитъ архіепископъ какое безчинство въ сибирскихъ людяхъ, или въ самихъ бояринѣ, воеводахъ и дьякахъ и ему о томъ поучать съ умиленіемъ, а не стануть слушать—говорить съ запрещеніемъ, если же и послѣ поученія и запрещенія не уймутся, то писать къ царю и его отцу патриарху...; —всячески заботиться о распространеніи въ Сибири христіанской вѣры; быть печальникомъ и защитникомъ какъ русскаго, такъ и пнородческаго сибирскаго населенія; принимать подъ свое покровительство пнородцевъ, даже винов-

---

даннаго Кипріану, нѣтъ въ софійской казнѣ, послѣ Нектарія не засталъ. И государь велѣлъ бы дать ему наказъ — по чемъ ему въ Сибири архіепископскія свои вѣдати и духовныя дѣла исправлять». Тогда царь обратился къ Нектарію, находившемуся въ то время на покоѣ въ Ниловой пустынѣ, съ вопросомъ—куда дѣлся наказъ, данный Кипріану. На это Нектарій отвѣчалъ, что пріѣхавъ въ Тобольскъ, онъ не нашелъ его, а сказывали ему приказные люди, что тотъ наказъ Кипріанъ взял съ собой въ Москву. См. А. М. Ю. Сиб. Прик. Столб. № 119 л. 1, 3 в др.

ныхъ въ дѣлахъ «кровавыхъ и убійственныхъ», если только они обратятся къ архіепископу за помощію,—таковыхъ боярину и воеводамъ не выдавать, а держать ихъ у себя въ крѣпости до государева указа; держать совѣтъ съ свѣтскими властями о великихъ государевыхъ дѣлахъ, кромѣ дѣлъ уголовного характера; напоминать боярину и воеводамъ, чтобъ они слѣдили за безопасностью въ городѣ: ночью дѣти боярскіе и всякіе люди съ огнемъ не сидѣли бѣ и съѣздовъ бы у нихъ ночныхъ и корчемнаго пѣтя не было, и днемъ жили бы смиренно, не бражничали бѣ, и въ городѣ и въ воротахъ держали бѣ береженіе великое. «А увѣдаетъ архіепископъ у боярина, или воеводѣ и дьяковъ какое небреженіе, а людямъ отъ кого насильство и напрасные налоги, и архіепископу говорить о томъ боярину, воеводамъ и дьякамъ дважды и трижды... и не послушаютъ они, то писать къ государю и патриарху...».

Это—общія черты наказовъ, даваемыхъ всѣмъ сибирскимъ архіепископамъ. Однако ими еще не исчерпывались обязанности Кипріяна, которыя возлагало на него правительство. Такъ въ грамотѣ отъ 20 февраля 1621 г. Михаилъ Федоровичъ писалъ ему: «Тебѣ бѣ, богомольцу нашему, въ Тобольскѣ и тобольскомъ уѣздѣ велѣтъ поразсмотрѣть надъ нашими служилыми и торговыми людьми, надъ посольными и пашенными крестьянами—кто сколько пашни пашетъ на себя и на насъ, какими угодами владѣютъ и какими торгами торговые люди промышляютъ и что съ торговъ и пашень какихъ податей платятъ... можно ли на нашихъ старыхъ пашенныхъ крестьянъ прибавить вновь пашни, можно ли вновь прибрать и сколько гулящихъ людей на наши пашни, и какъ ихъ устроить на льготу, или на подмогу; да по своему усмотрѣнію и по совѣту съ бояриномъ нашимъ съ товарищами положить на торговыхъ людей оброкъ, смотря по ихъ торгамъ и тамошнему дѣлу и пр. По нашему указу послано тобольскому воеводѣ 500 р. денегъ и велѣно дать ихъ новоприборнымъ крестьянамъ въ подмогу и на сѣмена, и тебѣ бѣ богомольцу нашему смотрѣть о томъ, какъ учтется дѣлать и будетъ ли о томъ воеводское радѣніе и нѣтъ ли у пашен-

ныхъ крестьянъ какихъ напрасныхъ налоговъ: не заставляють ли ихъ воеводы на себя пашни пахать, или дѣлать какія издѣлія... И о всемъ томъ писалъ бы къ намъ въ Москву...»¹⁾.

Далѣе, въ той же грамотѣ мы находимъ очень интересное извѣстіе: Михайлъ Ѳедоровичъ пишетъ Кипріану, что уже послано четыре указа тобольскимъ воеводамъ о томъ, чтобы они въ Тобольскѣ и во всѣхъ сибирскихъ городахъ велѣли переписать жилецкихъ, торговыхъ и пашенныхъ крестьянъ съ именами и прозвищами, гдѣ кто поселился, какими занимается торгами и промыслами, какими владѣютъ землями и на какомъ основаніи и т. п., словомъ, чтобы воеводы составили переписныя книги и прислали ихъ въ Москву. Но воеводы мало обратили вниманія на эти указы! Только одинъ дьякъ тобольскій Булыгинъ прислалъ переписныя книги, касающіяся Тобольска, да и тѣ оказались совершенно невѣрными. И вотъ Михайлъ Ѳедоровичъ проситъ Кипріана, чтобы онъ «отъ себя велѣлъ бы написать къ воеводамъ турпнскому, тюменскому и верхотурскому о составленіи ими переписныхъ книгъ. Но въ то же время изъ этого документа видно, что московское правительство слишкомъ извѣрилось въ сибирскихъ воеводахъ; они не надѣялись, что даже по отпискѣ ихъ архипастыря воеводы вѣрно произведутъ перепись городамъ и селамъ. Поэтому Михайлъ Ѳедоровичъ совѣтуетъ Кипріану, чтобы онъ самъ о всемъ, что подлежитъ переписи, *тайно* и всякими мѣрами развѣдалъ и распросилъ служилыхъ людей русскихъ и инородцевъ, ясачныхъ татаръ, остяковъ, вогуловъ и пашенныхъ крестьянъ²⁾.

Изъ сказаннаго видно, что кругъ обязанностей перваго сибирскаго архіепископа былъ обширенъ и касался не только дѣлъ религіозно-нравственныхъ, но и гражданскихъ; ему должно было быть не чуждо всякое государево дѣло; онъ могъ всюду вмѣшиваться, всѣмъ руководить и о всемъ доносить правительству. Теперь посмотримъ, насколько дѣйствительно

1) А. М. Ю. Ден. Столъ кн. № 11 801 л. 120—127 см. гр. царя Михаила къ Кипріану отъ 21 февраля 1621 г.

2) Ibid. л. 172.

Кипріянь оправдалъ возлагаемыя на него надежды, какъ онъ воспользовался своими широкими полномочіями и въ чемъ выразились результаты его кратковременной дѣятельности въ сибирской епархіи.

При оцѣнкѣ дѣятельности Кипріяна необходимо имѣть въ виду, что ему пришлось дѣйствовать среди самаго развращеннаго общества, которое только можно себѣ представить: донесенія самого Кипріяна и грамота патріарха Филарета рисуютъ намъ самую мрачную картину нравовъ русскихъ сибиряковъ. Вскорѣ по своемъ пріѣздѣ въ Тобольскъ, именно 10 сентября 1621 г., Кипріянь, извѣщая патріарха о своемъ благополучномъ прибытіи въ этотъ городъ, писалъ къ нему: «Во всѣхъ городахъ и острогахъ, мимо которыхъ ѣхалъ, дворишки ставлены худые и тѣсныя, хоромишки всѣ крыты соломою, сбиты хоромина на хоромину, улицы тѣсныя сажени по полторы, а площадей нигдѣ нѣтъ и пожарныхъ запасовъ, парусовъ, богровъ и трубъ нѣтъ ни въ которыхъ городахъ; люди живутъ самовольно, у приказныхъ людей въ непослушаніи, а приказные люди даютъ имъ приманку для своего прибытка, а правымъ обычаемъ ничто не дѣлается, какъ на Руси въ иныхъ городахъ; у приказныхъ людей ведется нарядъ, а у посадскихъ людей послушанье съ нимъ, но толкъ съ обѣихъ сторонъ тотъ, чтобы тѣснить татаръ, вогуловъ и остяковъ во всякихъ промыслахъ и рыбныхъ ловляхъ; продасть ли кто что, или купить—пошлину берутъ великую не какъ на Руси. Да и чернымъ людямъ и пашеннымъ крестьянамъ—великое притѣсненіе во всѣхъ городахъ—бьютъ челомъ и плачутся, а защититъ отъ сильныхъ людей некому. Воевода Челящевъ, будучи въ Кетскомъ острогѣ, разогналъ вогуловъ и тамошнихъ жильцовъ и козаковъ. Да въ Сибири боярскіе дѣти, казаки и воеводскіе люди изъ всѣхъ городовъ ѣздятъ и подводы берутъ у татаръ, остяковъ и вогуловъ безъ наказовъ самовольствомъ и запасы у нихъ грабятъ, въ проводники берутъ у нихъ женъ и дѣвокъ, безчестятъ и позорятъ ихъ» и т. п. Еще Кипріянь въ этомъ же донесеніи упоминаетъ, что во время пути въ Тобольскъ онъ видалъ по сибирскимъ городамъ поповъ и тѣ «попы—воры и бражники, да и быть имъ

нельзя, только быть имъ по великой нуждѣ, потому что перемѣнить некъмъ»¹⁾.

Въ другомъ донесеніи (1621 г. ноябрь) патріарху Кипріанъ писалъ, что «во всѣхъ сибирскихъ городахъ всякіе люди—служилые, казаки и казачьи жены и всякихъ чиновъ люди стригутся въ болѣзняхъ въ чернцы и черницы, и постригшись живутъ въ своихъ домахъ по прежнему съ своими мужьями, а мужья съ женами, а иные многіе и монашеское платье снимаютъ и живутъ съ мірскими людьми вмѣстѣ и по прежнему всякое дурно дѣлаютъ... Да сибирскіе казаки, будучи на Москвѣ и по городамъ, какъ назадъ поѣдутъ, подговариваютъ женокъ и дѣвокъ, знаменуются образами, что они женятся на нихъ, но привезши въ Тобольскъ, продаютъ ихъ воеводамъ, нѣмцамъ, татарамъ и пашеннымъ крестьянамъ въ работу»... Далѣе Кипріанъ пишетъ, что женки и дѣвки, видя свою погибель, бьютъ ему челомъ на тѣхъ служилыхъ людей въ насильствѣ и подговорѣ, а когда онъ хочетъ наказать послѣднихъ за насильство и растлѣніе по правиламъ св. отцовъ, или дать свободу женкамъ и дѣвкамъ, то служилые люди приходятъ къ нему съ великимъ шумомъ и говорятъ, что будто у нихъ есть царская грамота, чтобъ имъ дѣлать такъ, какъ они дѣлаютъ. Да и бояринъ М. Мих. Годуновъ съ товарищами утверждаютъ, что у нихъ въ разрядѣ есть грамота, которою велѣно такъ дѣлать... «А которые попы и мірскіе люди, продолжаетъ Кипріанъ, пріѣзжаютъ въ Москву и бьютъ челомъ о церковномъ строеніи—о книгахъ, ризахъ, колоколахъ, иконахъ и т. п. и тѣ попы и мірскіе люди, выманя, то церковное строеніе пропиваютъ»... Изъ того же документа мы узнаемъ, что въ Сибири въ то время многіе русскіе люди ходили безъ крестовъ, ѣли «всякую скверну» вмѣстѣ съ инородцами, жили «не по закону» съ калмыцкими, татарскими и вогульскими женами, кровосмѣсничали и т. п.²⁾.

О нравственной распущенности сибирскаго общества, конечно, московское правительство давно знало, хотя, можетъ

1) Ibid. л. 142—151 см. гр. Мих. Фед. къ Кипріану отъ 1621 г. ноябрь.

2) Ibid. лл. 213—225.

быть, и не имѣло объ этомъ такихъ подробныхъ свѣдѣній, которыя сообщилъ Кипріанъ. Но донесенія этого архіепископа вполнѣ раскрыли ему глаза, а главное заставили его серьезнѣе взглянуть на дѣло и принять мѣры къ искорепенію нравственныхъ безобразій «въ далекой государевой вотчинѣ». На основаніи донесеній Кипріана патриархъ написалъ къ сибирской паствѣ учительную грамоту и въ 1622 г. отправилъ къ Кипріану съ тѣмъ, чтобы онъ прочелъ ее въ Тобольскѣ предъ всѣмъ народомъ, а списки съ нее разослалъ и по другимъ сибирскимъ городамъ. Въ этой грамотѣ, между прочимъ, Филаретъ Никитичъ какъ бы дѣлаетъ упрекъ Кипріану, что послѣдній ему «о томъ ни о чемъ не пишетъ» и что онъ, патриархъ, якобы узналъ о нравственной распущенности русскихъ сибиряковъ изъ рассказовъ воеводъ и приказныхъ людей. Но мы впрочемъ ранѣе этой учительной грамоты приведемъ донесенія Кипріана, чтобы оправдать этого архіепископа, и мы сейчасъ увидимъ, что Филаретъ Никитичъ въ своемъ учительномъ посланіи почти буквально повторяетъ то о нравственномъ состояніи сибирскаго общества, о чемъ уже писалъ ему Кипріанъ. Упомянутая патриаршая грамота, прежде всего, указываетъ на то, что въ сибирскихъ городахъ многіе служилые и жилецкіе люди живутъ не по христіански, не по преданіямъ св. апостоловъ и св. отцовъ, а по своей волѣ, по своимъ сквернымъ похотямъ: многіе русскіе люди и иноземцы, принявшіе православіе, крестовъ на себѣ не носятъ, постныхъ дней не хранятъ, а ѣдятъ мясо и «всякія скверны» вмѣстѣ съ татарами, остяками и вогулами. Затѣмъ эта грамота отмѣчаетъ факты крайне отвратительнаго половаго разврата, господствовавшаго какъ среди свѣтскаго общества, такъ и въ сибирскихъ монастыряхъ: многіе православные люди живутъ съ некрещеными инородками какъ бы съ своими женами и дѣтей съ ними приживаютъ; иные женятся на сестрахъ двоюродныхъ и родныхъ, на дочеряхъ своихъ, «блудомъ посягаютъ» на своихъ матерей и дочерей, «чего, говорится въ грамотѣ, въ поганыхъ и незнающихъ Бога не обрѣтается, о чемъ не только писать, но и слышать гнуство». Изъ того же документа видно, что многіе служилые люди, отправляясь по дѣламъ службы

въ Москву, или въ другіе города, закладываютъ своихъ женъ на сроки, а тѣ люди, у которыхъ онѣ бываютъ въ закладѣ, живутъ съ ними и «блудъ творятъ беззасорно» до тѣхъ поръ, пока мужа ихъ не выкупятъ. Если же по истеченіи условленнаго срока мужа не выкупятъ заложенныхъ своихъ женъ, то кредиторы продаютъ послѣднихъ «на воровство и на работу всякимъ людямъ». Нѣкоторые же «бѣдныхъ и убогихъ вдовъ и дѣвицъ безпомощныхъ берутъ къ себѣ для воровства насильно и у мужей работныхъ людей отнимаютъ женъ и держатъ у себя для воровства и крѣпости на нихъ воровскіе берутъ за очно; а тѣ люди, у которыхъ женъ поотнимаютъ, отдаются въ холопи, въ неволю всякимъ людямъ и женятся на иныхъ женахъ, а отнятыхъ женъ выдаютъ за другихъ мужей, или продаютъ, или отдаютъ въ закладъ и въ холопи всякимъ людямъ. А попы сибирскихъ городовъ черные и бѣлые не только такія беззаконія не запрещаютъ, но и говорятъ молитвы, а иныхъ вѣнчаютъ безъ знаменъ, не по христіанскому закону». Монастыри также вели соблазнительную жизнь и до пріѣзда Кипріана въ Сибирь монахи и монахини жили вмѣстѣ въ одномъ и томъ же монастырѣ. Поэтому тамъ царилъ полнѣйшій развратъ: монахини развратничали и съ монахами и съ мірскими людьми. Многіе монахи и монахини снимали съ себя чернецкое платье и жили въ однихъ домахъ съ мірскими людьми и въ своей жизни ничѣмъ не рознились отъ этихъ послѣднихъ. Далѣе патріархъ пишетъ, что служилые люди, когда пріѣзжаютъ въ Москву съ государевою денежною и соболиною казною, то подговариваютъ многихъ женокъ и дѣвокъ, привозятъ ихъ въ сибирскіе города и держатъ вмѣсто женъ, а иные продаютъ ихъ литовцамъ, нѣмцамъ и татарамъ. «А воеводы, читаемъ въ той же грамотѣ, того не брегутъ и тѣхъ людей отъ такого воровства, незаконныхъ и скверныхъ дѣлъ не унимаютъ и не наказываютъ, покрывая ихъ для своей бездѣльной корысти, а иные воеводы и сами такимъ ворами потакаютъ и попамъ приказываютъ говорить имъ молитвы и вѣнчать ихъ насильно»... Историческія данныя свидѣтельствуютъ, что сами воеводы подавали примѣръ къ разврату и творили всякія беззаконія. Про на-

рымскаго воеводу тобольскій воевода писалъ въ Туринскъ, что «онъ женъ служилыхъ людей бралъ насильно къ себѣ на постель, а когда мужья ихъ хотѣли писать на него грамоту и обратились съ этою цѣлію къ своему попу, то воевода билъ кнутомъ и попа и служилыхъ людей»...

Такова была печальная картина нравственнаго состоянія сибирскаго общества до открытія въ Сибири архіепископской кафедрѣ. Многія другія данныя указываютъ еще на паденіе религіознаго чувства у русскихъ людей, переселившихся за Уральскій хребетъ, а такъ какъ религія для мало образованнаго человѣка служитъ главнымъ сдерживающимъ началомъ въ его страстяхъ, то при недостаткѣ религіозности, онъ уже не стѣсняется въ проявленіи своихъ дикихъ инстинктовъ и «творитъ, какъ говорится въ грамотѣ Филарета, всякія беззаконія беззасорно». Упадокъ религіознаго чувства у русскаго сибиряка объясняется очень легко. Въ Сибири, особенно въ городахъ, лицомъ къ лицу столкнулись люди разныхъ національностей, разныхъ религій и разныхъ нравственныхъ понятій: тамъ были язычники, магометане, лютеране, католики и наконецъ русскіе православные; туда ссылались плѣнные поляки, литовцы и нѣмцы, принимавшіе участіе въ смутной эпохѣ, а мы знаемъ, что въ эту ужасную эпоху не только наши враги, терзавшіе русскую землю, забыли Бога, для которыхъ ничего не было святаго и которые были болѣе похожи на звѣрей, чѣмъ на людей, но многіе и изъ русскихъ людей, малороссійскіе и донскіе казаки, вели себя не лучше враговъ. Многіе изъ этихъ изверговъ были плѣнены, сосланы въ Сибирь и поверстаны въ службу, и такимъ образомъ вошли въ составъ сибирскаго населенія; туда же ссылались на службу и на государеву пашню «воры», «разбойники», «душегубцы» и другіе преступники. И эта смѣсь элементовъ не могла не отразиться самымъ губительнымъ образомъ и на «приборныхъ», «переведенцахъ» и вольныхъ переселенцахъ изъ русскихъ людей, на ихъ религіозныхъ и нравственныхъ понятіяхъ ¹⁾.

¹⁾ См. наше изслѣд. «Заселеніе Сибири...» стр. 284, 285.

Очевидно, что съ такимъ развращеннымъ обществомъ Кипріану трудно было бороться и научить его жить по заповѣдямъ Божиимъ. Архипастырская дѣятельность перваго сибирскаго архіепископа началась еще до пріѣзда въ Тобольскъ. Мы выше упоминали, что Кипріану вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ пришлось пробыть въ первомъ сибирскомъ городѣ Верхотурѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ и это время онъ не сидѣлъ безъ дѣла, но употребилъ его съ пользой. Едва только онъ прибылъ въ этотъ городъ, какъ къ нему посыпались разныя челобитныя отъ городовъ и селъ: одни жаловались на отсутствіе храма Божія, другіе писали въ челобитныхъ, что храмъ есть, но нѣтъ священника и храмъ стоитъ «безъ пѣнія» уже два или три года; иные жаловались, что нѣтъ ладану, церковнаго вина, мѣры, свѣчей и всякаго другого «церковнаго строенія», а въ концѣ этихъ челобитныхъ читаемъ обыкновенный припѣвъ сибирскаго населенія, что младенцы умираютъ безъ крещенія, взрослые — безъ покаянія и причащенія, что некому хоронить, вѣнчать и т. п. Изъ Березова, Тары, Сургута, Томска, Кетскаго острога, Мангазеи и Нарыма жаловались, что многіе русскіе люди желали бы «посхимиться», но не у кого, черныхъ поповъ нѣтъ, а постригшимся жить негдѣ, потому что въ этихъ сибирскихъ городахъ нѣтъ монастырей. Кипріанъ по мѣрѣ возможности старался удовлетворить эти жалобы: однихъ благословлялъ строить храмы, другимъ посылалъ антмины, воскъ для свѣчей, ладонъ, церковное вино и пр. Эти-то просьбы Кипріану легко было удовлетворить: онъ везъ съ собой изъ Москвы 17 пудовъ воску, пять ведеръ вина церковнаго, пудъ ладану и пудъ еиміаму. Но гдѣ было взять бѣлыхъ и черныхъ поповъ, въ которыхъ такъ нуждалось сибирское населеніе?! Крестыяне Табаринской слободы напр. били челомъ царю, что они уже нѣсколько лѣтъ «живутъ скотски, помираютъ безъ даровъ и покаянія, мертвыхъ погребаютъ въ пустыхъ мѣстахъ, роженицы безъ молитвъ и младенцы некрещенными живутъ многое время; они по обѣщанію воздвигнули храмъ во имя Преображенія Господня, а совершить храмъ нечѣмъ: образовъ, колоколовъ, книгъ и попа нѣтъ...» Въ отвѣтъ на эту жалобу

Михаиль Ѳедоровичъ писалъ Кипріану, что изъ Москвы посланы въ Табаринскую слободу—книги, образа, колокола, сосуды церковные, ризы, стихари, поручи, кадила... «а тебѣ бы богомольцу нашему послать туда попа, обѣщая ему нашу денежную и хлѣбную ругу»¹⁾. Но Кипріанъ взялъ съ собою въ Сибирь только трехъ бѣлыхъ священниковъ, а чтобы удовлетворить просьбы сибиряковъ, ихъ нуженъ былъ цѣлый десятокъ: въ одинъ городъ Тару требовалось послать двухъ священниковъ, о присылкѣ священниковъ просили жители Томска, крестьяне невьянскіе, тагильскіе и др. Кипріанъ жалуется на этотъ недостатокъ духовенства царю и патриарху и проситъ прислать священниковъ въ Сибирь изъ Руси, но охотниковъ не было, а къ указамъ не всегда можно было прибѣгать. Нужно было обратиться къ мѣстному населенію, изъ него выбирать «добрыхъ и грамотныхъ людей» и посвящать въ священники, но и эта мѣра не давала особыхъ результатовъ. Еще 14 янв. 1621 г. Михаиль Ѳедоровичъ предписывалъ тобольскимъ воеводамъ: «если въ Tobольскѣ, или иныхъ сибирскихъ городахъ дѣти или племянники или братья поповъ, дьяконовъ, посадскихъ и жалецкихъ людей, знающіе грамоту, захотятъ идти къ сибирскому архіепископу Кипріану въ пѣвчіе, дьяки и поддьяки, то вы дозволили бѣ имъ, а по неволѣ никого брать велѣли бѣ...»²⁾. Но на дѣлѣ оказалось, что сибирскіе жители не только не хотѣли идти къ архіепископу въ пѣвчіе, дьяки и поддьяки, но немногіе соглашались стать и священниками, а изъ этихъ немногихъ—большею частію пьяницы да бражники и едва умѣющіе читать. И это понятно почему. Жизнь бѣлыхъ священниковъ въ Сибири была непривлекательна, доходы отъ прихожанъ были ничтожны, государево жалованье было незначительно (за малыми исключеніями священники получали въ годъ только 5 р. денегъ и 5 четей хлѣба, т. е. нашихъ 20 мѣръ), семейному человѣку прокормиться имъ нельзя, да и его не всѣ получали, а заниматься земледѣліемъ было затруднительно, то за недостаткомъ рабочихъ рукъ, то

1) А. М. Ю. Ден. Ст. кн. № 11801 л. 116.

2) Ibid. л. 46.

вслѣдствіе воеводскихъ притѣсненій. Жалобы на воеводу отъ бѣлаго духовенства были постоянныя; изъ нихъ оказывается, что воеводы насильно брали священниковъ «для письма и выдѣла» государева «пятиннаго хлѣба» и это въ то время, когда у бѣлыхъ поповъ, дьяконовъ начиналась уборка собственныхъ пашень; крестьянъ, которыхъ они призывали и сажали на свои пашни, воеводы насильно отбирали и сажали на государевыхъ пашняхъ и т. п. И Кипріанъ и другіе сибирскіе архіепископы жаловались, что воеводы бьютъ бѣлыхъ поповъ батогами, сажаютъ въ тюрьмы и даже «отставляють отъ церквей Божіихъ»¹⁾. При такихъ условіяхъ трудно было ожидать, чтобы люди грамотные, да еще «добрые» пожелали стать священниками въ Сибири, такіе люди легко могли занять тамъ на государевой службѣ мѣсто дьяка или подьячаго, которое доставляло несравненно болѣе доходовъ, чѣмъ должность священническая.

Тѣмъ не менѣе архіепископъ Кипріанъ дѣлалъ, что могъ; нужда заставляла терпѣть на священническихъ мѣстахъ бражниковъ и пьяницъ, нужда заставляла и посвящать въ дьяконы и священники такихъ людей, которые совершенно были недостойны этого званія и посылать ихъ въ разныя мѣста Сибири.

Особенное вниманіе Кипріанъ обратилъ на сибирскіе монастыри. Послѣдніе были основаны людьми неизвѣстными,

---

¹⁾ А. М. Ю. Сиб. Прил. Ст. № 571 (неномер.). Такія челобитныя какъ напр. слѣдующая, намъ попадались въ архивѣ очень часто. «Царю... Михаилу Федоровичу бьютъ челомъ ящѣе твои богомольцы изъ Сибири верх. у. Тагвля Преображенія Спасова... полъ Иванище, дьячекъ Тренка, пономарь Антипка; пожалованы мы, ящѣе богомольцы, на кормлю вмѣсто денежныя и хлѣбныя руги, дано намъ земли и сѣнныхъ покосовъ, а пахати намъ тое землю не кѣмъ: которыхъ, государь, гулящихъ людей прврживаешь себѣ въ полове и даетъ имъ сѣменной хлѣбъ, скоть, лошади, коровы и тѣхъ нашихъ половничешковъ твои государевы воеводы и приказные люди, изгоняючи насъ отъ твоего богомолья, у насъ тѣхъ нашихъ половничешковъ отымають въ твою государеву пашню въ крестьяне безъ твоего государева указа, мимо вольныхъ людей и тѣ наши пашнишка залустѣли; а призвать и подрядить въ половничешка... невозможно; блудя такіе самосильственные изгоны никто въ полове нерядитси. И намъ, твоимъ государевымъ богомольцамъ, кормитца нечѣмъ, помираемъ голодною смертію и т. д.

случайнымъ; съ именами этихъ основателей не связано никакого религіознаго подвига, который могъ бы служить примѣромъ для монашествующихъ. О сибирскихъ монастыряхъ можно сказать то же самое, что сказалъ одинъ русскій лѣтописецъ про монастыри, основанные на Руси князьями и боярами: «они не таковы, какъ тѣ, которые поставлены слезами, постомъ и бдѣніемъ». Съ тамошнею монастырскою жизнью Кипріанъ познакомился уже въ Верхотурьѣ и, конечно, былъ пораженъ распущенностію монашествующихъ. Тамъ находился одинъ монастырь во имя Николая Чудотворца, основанный въ самомъ началѣ 17 в. чернымъ попомъ Іоною; въ немъ жило вмѣстѣ нѣсколько монаховъ и монахинь, а другіе постриженные проживали въ домахъ мірскихъ людей. Въ этомъ монастырѣ архіепископъ не нашелъ ни игумена, ни строителя и храмъ монастырскій стоялъ «безъ пѣнія», потому что не было священника; подобныя же свѣдѣнія онъ получалъ и о другихъ сибирскихъ монастыряхъ. Изъ одной царской грамоты мы видимъ, что Кипріанъ ревностно заботился о лучшемъ устройствѣ монастырской жизни въ Сибири. Такъ, въ Никольскій верхотурскій монастырь онъ поставилъ — въ игумены Германа, постриженника Троицы-Сергіева монастыря, — въ строители старца Макарія, постриженника Іосифова монастыря и въ священники старца Θεодосія; отписалъ имъ этотъ монастырь и приказалъ «вѣдать и строить имъ за одинъ съ братіей». Кромѣ того по совѣту съ верхотурскимъ воеводою и посадскими людьми Кипріанъ поставилъ за острогомъ храмъ во имя Покрова Пресвятыя Богородицы и устроилъ при немъ дѣвичій монастырь, куда перевелъ всѣхъ верхотурскихъ монахинь. Будучи же въ Верхотурьѣ Кипріанъ послалъ на р. Невью соловецкаго старца Серапіона ¹⁾ чернаго попа Христофора и старчика служебника Семіона и велѣлъ имъ воздвигнуть тамъ храмъ Преображенія Господня и монастырь при немъ, давъ имъ изъ своихъ запасовъ 30 ч. хлѣба, а лѣсъ на храмъ и кельи велѣлъ возить тамошнимъ жильцамъ ²⁾.

¹⁾ Того самаго, о которомъ мы выше упоминали, что онъ бѣжалъ отъ Кипріана, но потомъ былъ схваченъ и присланъ въ Верхотурье.

²⁾ Таково было происхожденіе Невьянскаго Боголюбскаго монастыря. Храмъ

Далѣе въ Рождественскій монастырь на р. Тагилѣ въ верх. у. Киприанъ послалъ игумена Авраамія и въ строители старца Варлаама; въ Тюмень въ Преображенскій монастырь послалъ игумена Авраамія, постриженника ростовскаго митрополита Варлаама Рогова и съ нимъ строителя старца Іону, постриженника Бѣлозерскаго монастыря и келара старца Онуфрія, постриженника новгородскаго Антоніева монастыря; въ Тобольскъ въ тамошній Никольскій или Успенскій монастырь послалъ архимандрита Меодія и съ нимъ строителя старца Θεодосія, постриженника Ярославскаго монастыря и чернаго дьякона Θεрапопта, постриженника Печерскаго монастыря; въ Березовѣ ¹⁾ въ старый Воскресенскій монастырь послалъ игумена Тарасія, постриженника Корезинскаго монастыря (Сольвыч. у.); въ старый Введенскій монастырь ²⁾, находящійся въ верх. у. при р. Невѣ (sic), послалъ въ строители старца Стахея, постриженника Новгородскаго Юрьева монастыря и съ нимъ чернаго попа Θεопемта, постриженника Горипцаго монастыря (въ Переяславѣ Зал.) и верхотурскаго старчика Исидора. Затѣмъ, по приѣздѣ во второй сибирскій городъ Туринскъ, Киприанъ поставивъ въ тамошній Покровскій монастырь въ игумены чернаго священника Макарія и съ нимъ отпустилъ двухъ старцевъ. Донося объ этихъ распоряженіяхъ патріарху, Киприанъ въ то же

началъ строить Серапіонъ въ 1622 г. на одномъ острову между рѣчками Тетерью и Моленкой. Но постройка подвигалась очень медленно: къ 1624 г. срублено было только 12 вѣнцовъ храма Преображенія Господня, да келья и кѣльи. Послѣ постройки храмъ былъ освященъ не во имя Преображенія Господня, какъ благословилъ Киприанъ, а во имя Богоявленія; вотъ почему и монастырь сталъ называться Богоявленскимъ. Къ концу первой половины 17 вѣка въ немъ уже было 19 монах. См. А. М. Ю. Сиб. Пр. № 65 л. 265.

1) Изъ одного донесенія самого Кипріяна видно, что въ Березовѣ въ это время не было монастыря; но это послѣднее извѣстіе вѣроятно нужно понимать такъ, что Березовскій монастырь находился въ совершенномъ запустѣніи и чтобы возобновить въ немъ жизнь, посланъ игумень Тарасій.

2) Этотъ монастырь замѣчательнъ тѣмъ, что онъ былъ основанъ, какъ оказывается изъ донесенія Кипріяна, бояриномъ Иваномъ Пякитичемъ Романовымъ во время ссылки его въ Сибирь Борисомъ Годуновымъ. Но мы не знаемъ, какаго рѣчка называлась Неввою, во всякомъ случаѣ это не Невья или Нейва; въ документѣ мѣсто этого монастыря опредѣляется такъ: «при р. Невѣ, недобъзкая дву динць до Верхотурья».

время просилъ его ходатайствовать предъ царемъ и о матеріальномъ обеспеченіи этихъ монастырей. Въ отвѣтъ на это донесеніе Михайль Ѳедоровичъ прислалъ Кипріану грамоту, въ которой писалъ, что въ Тобольскъ, Верхотурье, Туринскъ, Тюмень и Березовъ къ тамошнимъ воеводамъ посланы указы, чтобы «они архимандрита, игуменовъ, строителей, келаря, черныхъ поповъ, которые тобою посланы въ старыя и новыя монастыри и старцевъ и старицъ тѣхъ монастырей устроили нашимъ годовымъ жалованьемъ—денежною и хлѣбною ругою, пашнями, сѣнными покосами, рыбными ловлями и всякими угодыями...»¹⁾.

По прибытіи въ Тобольскъ, Кипріанъ нашелъ безпорядки и въ тамошнемъ Успенскомъ монастырѣ; въ послѣднемъ, также какъ и въ верхотурскомъ монастырѣ, монахи и монахини жили вмѣстѣ и вели соблазнительную жизнь. Кипріанъ основалъ въ Тобольскѣ въ нижней части города подъ горою новый монастырь во имя Знаменія Пресв. Богородицы; сюда были переведены старцы Успенскаго монастыря, а старицы остались жить въ послѣднемъ. Тотъ же архіепископъ рѣшилъ было основать монастырь въ Мангазеѣ и вскорѣ по прибытіи въ Тобольскъ послалъ туда для этой цѣли архимандрита Меѳодія со всякимъ церковнымъ строеніемъ, но неизвѣстно почему, только это намѣреніе Кипріана не осуществилось²⁾.

Вообще сибирскіе монастыри очень многимъ обязаны первому сибирскому архіепископу: онъ далъ имъ лучшее устройство, запретивъ монахамъ и монахинямъ жить вмѣстѣ, основалъ для послѣднихъ особыя монастыри, тѣмъ и другимъ монашествующимъ строго запретилъ жить въ мірскихъ домахъ, а нѣкоторые монастыри, только благодаря его ходатайству, получили казенную ругу и надѣлены землей и разными угодыями.

Но самымъ труднымъ было дѣломъ для Кипріана—поднять нравственный уровень сибирскаго населенія, ввести свой ар-

¹⁾ А. М. Ю. Ден. Ст. Кн. № 11801 лл. 136—141.

²⁾ Ежемѣс. сочиненія и извѣстія 1764 г. лив. стр. 409. Здѣсь Миллеръ говоритъ, что Кипріанъ послалъ въ Мангазею игумена Тимофея, но это невѣрно: изъ одной отписки тобольскаго воеводы Сулешова видно, что отправленъ былъ туда именно арх. Меѳодій.

хіерейскій судъ и расправу, создать архипастырскій авторитетъ какъ среди инородческаго міра, такъ и среди русскихъ переселенцевъ и вообще нравственно повліять на свою сибирскую паству. Въ этомъ дѣлѣ онъ встрѣтилъ почти непреодолимые препятствія и прежде всего потому, что ему не пришлось найти поддержки ни среди тамошнихъ свѣтскихъ властей, ни среди тамошняго духовенства. Явившись на мѣсто службы, Кипріанъ сразу почувствовалъ себя одинокимъ при выполненіи тѣхъ обязанностей, которыя возлагалъ на него архіепископскій санъ, а «одинъ въ полѣ—не воинъ». На тамошнее бѣлое духовенство онъ не могъ рассчитывать: оно было и слишкомъ малочисленно и къ тому же распущено не менѣе свѣтскаго общества. Черныхъ поповъ было совсѣмъ мало, а о монастыряхъ и говорить нечего послѣ того, какъ мы привели донесенія самого Кипріана и учительное посланіе патріарха Филарета.

Первому сибирскому архіепископу на первыхъ же порахъ своего служенія пришлось вступить въ борьбу съ собственнымъ штатомъ священно-и церковнослужителей, съ своими старцами, приказными и дворовыми людьми, встрѣтить съ ихъ стороны рѣзкую оппозицію всякимъ его нравственнымъ стремленіямъ. Мы сейчасъ увидимъ, что она не только не способствовала возвышенію авторитета своего архіепископа, а напротивъ, всячески старались унизить его въ глазахъ тамошняго общества, дискредитировать его санъ и самую личность. Мы уже говорили о той неприятной встрѣчѣ, которая произошла у Кипріана съ его штатомъ въ Верхотурьѣ, но это было только началомъ враждебныхъ отношеній къ архіепископу невольныхъ переселенцевъ въ Сибирь. Нужно замѣтить, что жители Тобольска не особенно радостно встрѣтили новыхъ пріѣзжихъ. Уже въ сентябрѣ 1621 г. Кипріанъ писалъ патріарху, что они находятся въ великой нуждѣ — «всякихъ чиновъ люди всегда приходятъ съ великимъ шумомъ и враждою и тѣснятъ протопопа съ братіей, церковниковъ и служебниковъ и съ дворовъ ихъ сгоняютъ... да и другая нужда ихъ тяготитъ: пріѣхали они въ Тобольскъ поздно, огородовъ нѣтъ и капустъ посадить негдѣ». Вслѣдствіе этого донесенія Кипріана, Ми-

хаиль Ѳедоровичъ указалъ, чтобы протопопъ, попы и всѣ церковные люди ставили свои дворы, а пока построятъ, стояли бы у всякихъ тобольскихъ людей «перемѣняясь по чети года»; велѣлъ также отвести имъ мѣста и подъ огороды. Затѣмъ протопопъ съ товарищами били челомъ государю о соли, и Михаилъ Ѳедоровичъ велѣлъ тобольскому воеводѣ давать—протопопу, протодьякону и попу по 10 п. соли на годъ, дьяконамъ по 7 п., пономарямъ по 4 п. и т. д. Но скоро оказалось, что дѣйствительной причиной жалобъ протопопа съ товарищами, церковниковъ и служебниковъ было не плохое матеріальное ихъ положеніе въ Tobольскѣ, а исключительно желаніе поскорѣе возвратиться на Русь. Въ новой отпискѣ Кипріанъ писалъ царю и патриарху: «тѣ попы съ нимъ, архіепископомъ, въ соборѣ въ церковныхъ службахъ быть не хотятъ и въ церкви не служатъ и его ни въ чемъ не слушаютъ, да кромѣ того выставляють на него ропоть великій и государева денежнаго и хлѣбнаго жалованья не взяли и живутъ самовольствомъ». Вѣроятно еще не получивъ этой отписки Кипріана, Михаилъ Ѳедоровичъ писалъ ему: «вѣдомо намъ стало, что протопопъ Иванъ, ключарь Игнатій, попъ Иванъ Гнѣздинскій, попъ Антонъ, воскресенскій попъ Иванъ и дьяконъ Лука ѣдутъ изъ Сибири безъ нашего указа и мы велѣли ихъ поворотить»¹⁾. А изъ донесенія Кипріана въ 1623 г. однако видно, что и послѣ этого они не хотѣли служить и не брали жалованья: «намъ де за церковную службу, говорили эти попы архіепископу, приняться нельзя, потому что доброхоты ихъ пишутъ изъ Москвы, что имъ однолично вскорѣ быть на Москвѣ по пражному». Михаилъ Ѳедоровичъ и патриархъ Филаретъ, получивъ это донесеніе Кипріана, указали: «тѣхъ бездѣльниковъ и воровъ поповъ за ихъ воровство и ослушаніе... розослать изъ Tobольска въ дальніе сибирскіе города въ Мангазею, въ Кетскій и Кузнецкій острожки порознь тотчасъ безсрочно и быти имъ въ тѣхъ городахъ въ рядовыхъ попахъ». Но этотъ указъ не былъ исполненъ: замѣнить этихъ поповъ

¹⁾ А. М. Ю. Дев. Ст. кн. № 11801 л. 186 см. гр. царя къ Кипріану отъ 1622 г. февр. 24.

было некѣмъ, а между тѣмъ они, вѣроятно испугавшись еще болѣе далекаго заточенія, помирились съ своимъ положеніемъ, приняли государево жалованье и начали отправлять свои обязанности. Они жили въ Тобольскѣ еще при Алексѣѣ Михайловичѣ, какъ это видно изъ ихъ челобитной къ этому государю о прибавкѣ имъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья¹⁾.

Не лучше себя вели въ Тобольскѣ и разные старцы, пѣвчіе дьяки, приказные и дворовые люди. данные Кипріану. И на нихъ съ самаго приѣзда въ Тобольскъ архіепископъ жалуется, что они просятъ въ Москву и «приходятъ къ нему зоговоромъ съ шумомъ...» А когда Кипріанъ ихъ не отпустилъ, то «25 генваря 1622 г. во время заутрени келейникъ, старецъ Никифоръ, пѣвчіе дьяки четыре человѣка, приноровя ключъ, отомкнули замокъ у сѣней, взломали ящикъ и вытащили изъ него денегъ 90 р., а также украли однорядку англійскаго сукна, ферязь, кафтанъ бархатный, сапоги сафьяновые да у пѣвчихъ дьяковъ вытащили изъ подголовы двѣ книги, стихиръ и иные переводы путные и демественныс...» Затѣмъ, накупивъ самопаловъ и пороху и соединившись съ другими архіепископскими людьми, побѣжали изъ Тобольска на Русь. Но и этимъ лицамъ бѣгство не удалось: въ Верхотурьѣ ихъ схватили и снова отправили къ архіепископу. А на допросѣ у верхотурскаго воеводы четыре изъ бѣглецовъ человѣка объявили, что если ихъ опять отошлютъ къ архіепископу, то они отравятъ послѣдняго. Тѣмъ не менѣе, не смотря на эту угрозу, ихъ отослали. Тогда они инымъ образомъ рѣшили избавиться отъ службы въ Сибири и возвратиться на Русь. По наущенію архіепископскаго приказнаго человѣка тотъ же старецъ Никифоръ съ товарищами начали обвинять Кипріана въ какомъ-то великомъ духовномъ преступленіи и подали извѣтъ тобольскому воеводѣ, въ которомъ писали, что они знаютъ за архіепископомъ «великое государево дѣло», но объявятъ его только самому патриарху. А такъ какъ воевода Годуновъ питалъ вражду къ архіепископу и радъ былъ случаю причинить ему какое-нибудь зло, то, выслушавъ кляузы челобитчиковъ,

¹⁾ См. наше изслѣд. «Заселеніе Сибири...» стр. 187.

онъ дѣйствительно отправилъ ихъ въ Москву. Здѣсь сдѣлали имъ допросъ и они скоро сознались, что затѣяли дѣло на Кипріана напрасно и просили помилованія. По поводу этого дѣла Михаилъ Ѳеодоровичъ и патріархъ Филаретъ писали Кипріану: «мы тебя оборонили и учинили имъ наказаніе: старца послали на смиреніе въ Кирилловъ монастырь, а келейника и пѣвчихъ отослали къ тебѣ и быть имъ по прежнему, потому что повинились; а воеводамъ писали съ онакою, что они то учинили не дѣломъ, что плутни тѣ слушали и вѣрили имъ и велѣли на воеводахъ взять прогоны вдвое». Но отъ однихъ «оборонили», а другіе — ризничій чернецъ Ѳеодосій и старцы Христофоръ, Андрианъ и Авраамій скоро прислали и съ своей стороны извѣтную челобитную, въ которой объявляли, что знаютъ за архіепископомъ «великія духовныя дѣла» и просили, чтобы взяли ихъ для допроса въ Москву. Упомянутый ризничій, будучи однажды посаженъ въ крѣпость «на смиреніе», ушелъ оттуда и, прибѣжавъ въ церковь, гдѣ служилъ Кипріанъ, «вопилъ во всѣ люди», что архіепископъ мучитъ его въ цѣпи и желѣзахъ не по винѣ, а за то, что онъ знаетъ за нимъ архіепископомъ государево дѣло ¹⁾).

Съ такими-то людьми пришлось первому сибирскому архіепископу служить въ Tobольскѣ, нести тягость архіерейскаго служенія! Тѣмъ менѣе онъ могъ найти себѣ помощниковъ среди тамошняго духовенства: по его словамъ, это все были воры, бражники и пьяницы. Напримѣръ о вознесенскомъ попѣ Кондратіѣ тобольскіе воеводы доносили въ Москву, что онъ самовольно сломалъ въ Вознесенской церкви мѣсто, устроенное для архіепископа: софійскій попъ Яковъ упрекалъ тобольскаго воскресенскаго попа Алексѣя въ порчѣ патріарха Филарета Никитича и подавалъ извѣтную челобитную въ духовномъ дѣлѣ на Кипріана; а попъ Алексѣй жаловался на того же попа Якова, что онъ хочетъ убить его дочь, свою жену, изодралъ скуфью на четверо, передѣлываетъ свое поповское платье на дворянское, держитъ подъ постелью панагію, спалъ на ней и топталъ ее ногами и пр. и пр. ²⁾).

1) А. М. Ю. Дев. Ст. лл. 191, 196, 215, 264.

2) Ibid. лл. 254, 256.

Много можно было бы привести и другихъ подобныхъ фактовъ изъ жизни сибирскаго духовенства, но и приведенныхъ достаточно чтобы видѣть, какія ненормальныя отношенія установились между первымъ сибирскимъ архіепископомъ и подчиненнымъ ему духовенствомъ; какъ мало послѣднее обращало вниманія на святительскій авторитетъ Кипріана даже въ самомъ Tobольскѣ и творило всякія беззаконія на его глазахъ. Кипріанъ постоянно жалуется царю и патріарху, что «духовный чинъ ни въ чемъ его не слушаетъ и затѣваетъ на него разные заговоры», а царь и патріархъ совѣтуютъ ему «смирять его всякими мѣрами», надѣяться на ихъ милость и не обращать вниманія на доносы и заговоры, а воеводамъ предписываютъ давать архіепископу по первому его требованію «приставовъ на непослушниковъ». Но воеводы сами «потакали» духовному и всякому мірскому чину не слушать архіепископа, сами стали во враждебное къ нему отношеніе. Не встрѣтилъ Кипріанъ сочувствія въ Сибири и со стороны населенія и особенно со стороны служилаго класса, который тамъ былъ господствующимъ. И причины такого враждебнаго настроенія къ архіепископу сибирскихъ властей и служилыхъ людей для насъ понятны. Они хорошо понимали, что Кипріанъ будетъ печальникомъ за всѣхъ обиженныхъ, будетъ писать царю и патріарху о всѣхъ ихъ беззаконіяхъ и его донесенія будутъ по-дѣйствительнѣй, чѣмъ жалобы на нихъ посадскихъ людей, крестьянъ и инородцевъ. И Кипріанъ напередъ предугадывалъ, что его донесенія о беззаконіяхъ воеводъ и служилаго класса вызовутъ со стороны послѣднихъ ожесточеніе противъ него и, кажется, старался скрывать отъ сибирскаго населенія содержаніе своихъ отписокъ въ Москву. Этимъ только и можно объяснить дѣйствительный смыслъ упрека, сдѣланнаго Кипріану патріархомъ въ учительномъ посланіи: «а ты намъ о томъ ни о чемъ не пишешь». Но скрыть оказалось невозможнымъ и сибиряки поняли, что учительное посланіе Филарета Никитича и грозныя грамоты Михаила Ѳедоровича написаны на основаніи донесеній ихъ архіепископа: воевода тобольскій Годуновъ въ письмѣ къ пелымскому воеводѣ прямо выразился, что государь и патріархъ

писали въ Сибирь по грамотѣ архієпископа. А потому и буря негодованія, вызванная въ сибирскомъ населеніи упомянутымъ посланіемъ Филарета, главнымъ образомъ была направлена на Кипріяна. Объ этомъ негодованіи мы можемъ судить по одной царской грамотѣ къ Кипріяну, написанной по поводу донесенія послѣдняго патриарху о томъ, какъ встрѣчено было въ Сибири его учительное посланіе. «Писалъ ты къ отцу нашему Филарету Никитичу и прислалъ челобитную, а въ челобитной написано, что въ 1622 г. апрѣля 30 дня прислана къ тебѣ отца нашего Ф. Н. для сибирскихъ людей учительная грамота отъ правилъ св. апостоловъ и св. отецъ, чтобъ всякіе люди впередъ жили по христіанскому обычаю, а беззаконіе всякое отложили и велѣно тебѣ ту грамоту прочесть всѣмъ людямъ вслухъ, созвавъ въ соборную церковь боярина нашего и воеводу М. М. Годунова съ товарищами, дворянъ, дѣтей боярскихъ и всякихъ служилыхъ и жилецкихъ людей. И какъ ты, богомолецъ нашъ, ту учительную грамоту началъ читать ¹⁾ и въ то время многіе бездѣльники, бражники и воры и зернщики и мятежники боярскіе дѣтишки по его (боярина Годунова) наущенію пришли невѣжливымъ обычаемъ, пьяные съ дубинами, Никита Кочеть съ товарищами и грамоту отца нашего слушали воровскимъ обычаемъ, не снявъ шапки (это въ церкви-то!) и подняли мятежъ великій и стали на тебя, богомольца нашего, шумѣть и задоръ чинить и говорить предъ тобою невѣжливо. А ты говорилъ о томъ боярину нашему Годунову предъ товарищами его... чтобъ онъ тѣхъ воровъ велѣлъ унять и онъ твоего совѣта не послушалъ: самъ тѣхъ воровъ не унялъ и товарищамъ своимъ унимать не велѣлъ. И тѣхъ воровъ началъ было унимать софійскій протопопъ, но они и его безчестили и бояринъ и воеводы за то имъ ничего не учинили» ²⁾. Но этого мало: многіе тобольскіе жители, чтобы вы-

¹⁾ Считаемо нужнымъ упомянуть, что эта грамота подана Кипріяну уже распечатанною и стало быть съ содержаніемъ оной нѣкоторые познакомились ранѣе, чѣмъ самъ Кипріянъ. Когда объ этомъ узналъ Михайль Федоровичъ, то предписалъ «обыщникамъ» Ивану Спасителю и Орефу Башмакову «бить предъ разрядомъ батогами пешадно» Данила Низовцова, привезшаго эту грамоту въ Тобольскъ.

²⁾ Ibid. л. 246 см. гр. Мих. Фед. къ Кипріяну отъ 5 февраля 1623 г.

разить свое презрѣніе къ учительному посланію патріарха, показать какъ они относятся къ его религіозно-нравственнымъ наставленіямъ и сколь мало боятся своего архіепископа, «на той же недѣли объявились въ великихъ духовныхъ дѣлахъ». Кипріанъ, донося объ этомъ, не упоминаетъ, въ какія именно великія прегрѣшенія впали «многіе люди» въ Тобольскѣ, но онъ былъ слишкомъ ими возмущенъ: негодуя на воеводу за то, что они этимъ преступникамъ «учинили наказаніе слегка», замѣчаетъ, что ихъ слѣдовало бы «огнемъ сжечь».

Такъ нравственно одичали русскіе въ Сибири и особенно служилой классъ!

Если Кипріанъ не могъ пользоваться своею архіепископскою властью въ Тобольскѣ, имѣтъ тамъ нравственное вліяніе, то тѣмъ менѣе можно было ожидать, чтобы жители другихъ сибирскихъ городовъ подчинялись его суду и расправѣ, слушали его наставленія. Но, пожалуй, можно предположить, что тобольскіе жители такъ непріязненно относились къ Кипріану, будучи подучаемы воеводой Годуновымъ, а что въ другихъ сибирскихъ городахъ воеводы уважали его санъ, относились къ нему съ благоговѣніемъ и къ тому же побуждали своихъ подчиненныхъ. Но историческія данныя говорятъ иное и рѣшительно свидѣтельствуютъ противъ такого предположенія: и въ другихъ городахъ воеводы отнеслись враждебно къ своему архипастырю и, значитъ, и тамъ авторитетъ послѣдняго ставился низко. Мы уже упоминали, что туринскій воевода не принялъ игумена, назначеннаго Кипріаномъ въ туринскій Покровскій монастырь и самого архіепископа обругалъ, но изъ Тобольска Кипріанъ жаловался царю, что «тѣхъ поповъ и игуменовъ, которыхъ онъ послалъ, не принимаютъ ни въ которыхъ городахъ». Нуженъ былъ особый царскій указъ, чтобы заставить сибирскихъ воеводъ помириться съ назначеніями Кипріана. Дѣло въ томъ, что не одною личною ненавистью тобольскаго воеводы Годунова къ Кипріану объясняется вражда между ними, и безъ того столкновеніе между воеводскою властью и архіепископскою было неизбежно. По приѣздѣ въ Сибирь Кипріанъ немедленно разослалъ по разнымъ городамъ боярскихъ дѣтей въ качествѣ своихъ приказныхъ людей «де-

сятильниковъ», чтобъ они творили судъ и расправу «по духовнымъ дѣламъ» какъ надъ городскимъ, такъ и сельскимъ населеніемъ. Кругъ обязанностей этихъ десятильниковъ былъ обширный; дѣла подлежащія ихъ вѣдѣнію, въ распущенномъ сибирскомъ обществѣ, можно сказать, возникали ежеминутно. Но сибирское населеніе уже привыкло по всѣмъ дѣламъ суда и расправы обращаться къ воеводамъ и продолжало то же дѣлать и при архіепископскихъ приказныхъ людяхъ, а воеводы не хотѣли поступаться своими правами и по прежнему разбирали всякія дѣла.

Кипріанъ въ своихъ грамотахъ ¹⁾ къ сибирскимъ воеводамъ

¹⁾ Одну изъ такихъ грамотъ мы нашли въ архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ, въ портфеляхъ Миллера. Въ виду особеннаго интереса этого документа мы считаемъ нужнымъ привести его здѣсь буквально. «Царя Государя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всея Русіи воеводамъ, сыновомъ нашего смиренія, великимъ господамъ Ивану Никитичу, Ѳедору Володиміровичу преосвященный Кипріанъ, архіепископъ Сибирскихъ и Тобольскихъ, благословляя и Бога моли челою бьетъ, По государеву цареву и великаго князя М. Ѳ. в. Русіи указу и по благословенію великаго государя, святѣйшаго Ѳиларета Никитича, патріарха московскаго и в. Русіи и по нашему благословенію посланъ въ Мангазею, на Тазъ и на Туруханъ и въ Песиду софійскій сынъ боярскій Василій Стоговъ съ наказомъ, а велѣно ему на Тазу и на Туруханѣ и въ Песивѣ (sic) по нашему указу вѣдати и судити во всякихъ нашихъ духовныхъ дѣлѣхъ, а которыя наши духовныя дѣла приказаны ему Василю вѣдати и судити противъ государевыхъ царевыхъ и в. кн. М. Ѳ. в. Русіи указовъ и грамотъ и противъ указовъ же и грамотъ в. г. св. Ѳилар. Н. патр. Москов. и в. Русіи, а которые въ ихъ государскихъ указѣхъ и грамотахъ написаны судныя духовныя дѣла судити и то написано въ сей нашей грамотѣ, именно: дворянъ и дѣтей боярскихъ и всякихъ служилыхъ и жильцкихъ и торговыхъ приѣзжихъ людей и игуменовъ и строителей, черныхъ поповъ и дьяконовъ и мірскихъ бѣлыхъ поповъ и дьяконовъ и кто въ клиросѣ стоитъ, чернцы, черницы, дѣвцы, попадей, поповичевъ, легче проскурницъ, прошеника, бабъ, кума, куму, брата и сестръ, названныхъ вдовицъ, задушныхъ челоуѣкъ монастыревъ, больницъ и кто порты чернецкіе свержетъ, во всѣхъ крестьянскихъ людяхъ роспусты, смилное, умычки, пошибаніе, застатіе промежу мужемъ и женою, о жводѣ ихъ въ племяни или въ снатовствѣ поимитца, вѣдовство, бледня и зелье и еретичество, зубояжа отца и матеръ бьетъ сынъ или дща, или уречетъ скверными словами, прилагаетъ отца и матеръ, или сестры, или дѣти, или племя тяжутца о задницу, церковная татьба, съ мертвенцы совлачатъ, гробная татьба, кресты посякаютъ или изъ крестовъ трески емлютъ, въ церковь скачатъ псы или плотки безъ великія нужы введетъ или что неподобное ино церкви здѣетъ. Это все, господа, наши духовныя дѣла и вамъ бы, господа, по государеву цареву и вел. кн. М. Ѳ. всея Русіи указу и по грамотамъ и по указу жъ и грамотамъ вел. государя св. Ѳил. Н. патріарха московскаго и всея Русіи въ тѣ наши духовныя дѣла, ни въ

довольно подробно перечисляетъ всѣ тѣ дѣла, которыя должны были вѣдать его приказные люди, просить ихъ не вмѣшаться въ эти духовныя дѣла, не стоять за преступниковъ и помогать архіепископскимъ десятильникамъ въ томъ случаѣ, если преступники не захотятъ идти подъ ихъ судъ. Но на практикѣ выходило такъ, что каждый обращался туда, куда ему было выгоднѣй: напр. истецъ шель за судомъ и управой къ десятильнику, а отвѣтчикъ искалъ защиты у воеводы, или наоборотъ; слѣдствіемъ же этого было неизбѣжное столкновение между этими двумя властями. И вотъ Кипріанъ въ первый же годъ своего служенія въ Сибири начинаетъ жаловаться царю и патриарху, что воеводы и другіе государевы приказные люди вступаются въ его архіепископскій судъ, покрываютъ всякихъ беззаконниковъ и беззаконницъ и не даютъ его десятильникамъ судить ихъ въ духовныхъ дѣлахъ, а люди всякихъ чиновъ, надѣясь на заступничество воеводъ «живутъ блудно и творятъ всякія беззаконія беззасорно». На эти жалобы царь отвѣчаетъ указами сибирскимъ воеводамъ, чтобы они и государевы приказные люди въ духовныя дѣла не вступались, слушали бы въ этихъ дѣлахъ архіепископа и его десятильниковъ, а служилыхъ и всякихъ чиновъ людей унимали отъ всякаго беззаконія, тѣхъ же, которые не станутъ слушать архіепископа и его десятильниковъ, чтобы наказывали смотря по винѣ. Но не одни воеводы и приказные люди мѣшали духовнымъ властямъ въ Сибири творить судъ и расправу. Кипріанъ жалуется, что и простые люди — стрѣльцы, казаки и другихъ чиновъ люди «не даютъ разводитъ незаконно сожигельствующихъ, скрываютъ всякія вины беззаконниковъ

которыя не вступатца и у приказнаго нашего тѣхъ нашихъ духовныхъ дѣлъ никакихъ не отнимати и за воровъ не стояти и воровъ не укрывати, а которые люди учнутъ приказному нашему въ нашихъ духовныхъ дѣлахъ ставитца сильны и подъ судъ неучнутъ ходити и вамъ бы, господа, на тѣхъ олушниковъ приказному нашему Василію давати государевыхъ приставовъ и отсылати тѣхъ ослушниковъ къ приказному нашему да и дворець бы, господа, пожаловати дати ему Василію гдѣ стояти, а милость Софѣ и Премудрости Божіей ѿ великихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ и нашего смиренія благословеніе есть и будетъ съ вами. Писанъ въ Тобольску мѣста 7132 февраля 1 дня см. Портф. Миллера № 477 тетр. 1.

и беззаконницъ; въ монастыряхъ черницы живутъ съ женами и онѣ хотѣлъ развести ихъ и учинить имъ наказаніе по правиламъ св. отцовъ и за тѣхъ беззаконниковъ стоятъ всякихъ чиновъ люди». И по поводу этихъ жалобъ Михаилъ Ѳедоровичъ шлетъ грамоты къ сибирскимъ воеводамъ и въ нихъ дѣлаетъ имъ строгій выговоръ за нерадѣніе. «Вѣдомо намъ стало, читаемъ въ грамотѣ къ березовскому воеводѣ, что въ сибирскихъ городахъ служилые и всякихъ чиновъ люди учинили межъ собою совѣтъ, въ духовныхъ дѣлахъ, богомольца нашего, архіепископа Кипріана и его десятильниковъ слушать и подъ судъ къ нему ходить не хотятъ, а научаютъ межъ себя на архіепископа служилыхъ и всякихъ чиновъ людей во всѣхъ сибирскихъ городахъ шумѣть, а вы, воеводы, въ томъ имъ по-токаете... и въ пьянствахъ у васъ многіе люди быются и рѣжуются до смерти, а вы про то не сыскиваете»¹⁾. Но всѣ эти грамоты оставались мертвой буквой для воеводъ и разныхъ служилыхъ людей. Тогда московское правительство рѣшило въ 1622 году послать въ Тобольскъ Ивана Спасителява и Орефа Башмакова въ качествѣ слѣдователей «обыщниковъ», чтобы они на мѣстѣ познакомились съ отношеніями тобольскаго воеводы Годунова къ Кипріану, разузнали о причинахъ шума и брани, которыми сопровождалось чтеніе въ соборной церкви учительнаго посланія патріарха и пр. Къ сожалѣнію, этого «обыска» до насъ не дошло и мы ничего не знаемъ о результатахъ упомянутаго слѣдствія.

Съ 1623 г. положеніе Кипріана въ Тобольскѣ измѣнилось къ лучшему: воевода Годуновъ былъ удаленъ, а на мѣсто его присланъ бояринъ Ю. Я. Сулешовъ, человекъ добросовѣстный, дѣятельный и энергичный; ему Сибирь очень многимъ обязана. Между нимъ и архіепископомъ съ самаго его приѣзда въ Тобольскъ установились хорошія отношенія, которыя не прекращались до самаго отъѣзда Кипріана изъ Сибири. Кажется, населеніе тобольское и особенно служилый классъ съ неудовольствіемъ смотрѣло на подобное отношеніе новаго воеводы къ архіепископу, и нашлись между ними люди, которые хотѣ-

¹⁾ См. наше изслѣд. «Заселеніе Сибири...» стр. 288—289.

ли вызвать ссору между этими властями, такую же вражду, которая существовала при прежнемъ воеводѣ. Но этого имъ не удалось. Мы выше упоминали, что священникъ Кондратій сломалъ въ Вознесенской церкви мѣсто, устроенное для Кипріана, но мы ничего не сказали о мотивахъ, которыми руководился въ данномъ случаѣ тотъ священникъ, а они очень интересны. Изъ одной царской грамоты къ Кипріану оказывается, что этотъ Кондратій сломалъ архіепископское мѣсто не проста, а съ цѣлью поссорить своего архіепископа съ новымъ воеводой. Сдѣлавши свое дѣло, онъ объявилъ Кипріану, что сломалъ мѣсто по повелѣнію воеводы Сулешова, а послѣднему сказалъ, что сдѣлалъ это «по благословенію» архіепископа. Будь иныя отношенія между этими властями, не существоуй взаимнаго довѣрія между Кипріаномъ и Сулешовымъ, ложь Кондратія произвела бы свое дѣйствіе и вызвала бы сначала пререканія, а потомъ и вражду. Но архіепископъ и воевода объяснились и поступокъ этого священника не прошелъ ему даромъ. На допросѣ онъ «повинился», что «солгалъ» тому и другому и хотѣлъ этою ложью «учинить ссору» между ними. «И мы и отецъ нашъ Филаретъ Никитичъ, пишетъ Михайль Ѳедоровичъ къ Кипріану, слушали то дѣло и совѣтовались о томъ, и отецъ нашъ указалъ того попа Кондратія за его вину, что онъ межъ тебя, богомольца нашего, и боярина Ю. Сулешова хотѣлъ учинить ссору, отъ службы отлучить и священническая не дѣйствовать и божественной литургіи не служить, скуфью съ него снять на 4 мѣсяца и посадить во смиреніе на цѣпь, да въ мукосѣйню на 2 недѣли...»¹⁾

Благодаря Сулешову, авторитетъ сибирскаго архіепископа поднялся и его святительскій судъ сдѣлался болѣе дѣйствительнымъ, но только въ Tobольскѣ. Въ другихъ же сибирскихъ городахъ, гдѣ дѣйствовали архіепископскіе десятильники, этотъ судъ по прежнему имѣлъ мало значенія. И Кипріанъ попрежнему жалуется, что его десятильниковъ нигдѣ не слушаютъ,

¹⁾ А. М. Ю. Ден. Ст. кп. № 11801 л. 254 см. гр. Мих. Ѳ. къ Кипріану отъ 1623 г 15 декабря.

воеводы вступаютъ въ духовныя дѣла, не даютъ десятильникамъ приставовъ на ослушниковъ и пр. Въ свою очередь и воеводы доносятъ въ Москву, что архіепископскіе приказные люди всякимъ уѣзднымъ и городскимъ людямъ дѣлаютъ притѣсненія и обиды, берутъ взятки и т. п.

Словомъ, между архіепископскими приказными людьми, какъ представителями церковной власти и сибирскими воеводами, какъ представителями свѣтской власти, установились самыя враждебныя отношенія и это не могло не отразиться печальнымъ образомъ на выполненіи первымъ сибирскимъ архіепископомъ той высокой задачи, которую возложилъ на него патриархъ Филаретъ. И въ самомъ дѣлѣ: что могли сдѣлать архіепископскіе приказные люди и даже самъ архіепископъ, если имъ не помогала свѣтская власть, которая только одна и располагала матеріальной силой?! Напр. въ 1623 г. старицы тюменскаго женскаго монастыря жаловались архіепископскому десятильнику на свою игуменью въ духовномъ дѣлѣ, что она «живетъ не по иноческому обѣщанію» и ссылались на одного ярыжку, какъ на свидѣтеля грѣшныхъ поступковъ игуменьи. Десятильникъ потребовалъ къ допросу этого ярыжку, но послѣдній не захотѣлъ предъ нимъ дать никакихъ показаній, говоря, что онъ можетъ объявить про духовное дѣло игуменьи только самому архіепископу. Тогда десятильникъ обратился къ воеводѣ съ тѣмъ, чтобы онъ посадилъ на-время ярыжку въ тюрьму, но воевода отказалъ ему въ этомъ. Что значилъ послѣ этого судъ приказныхъ людей архіепископа?! И чѣмъ эти приказные строже относились къ своимъ обязанностямъ, тѣмъ сибирское населеніе болѣе ихъ ненавидѣло и на ихъ нравственный надзоръ не обращало никакого вниманія и продолжало жить такъ же какъ и жило прежде. Киприанъ скоро оставилъ тобольскую архіепископскую кафедру и, вѣроятно, съ полнымъ сознаніемъ, что его заботы поднять нравственное состояніе сибирскаго населенія были совершенно безплодны. И дѣйствительно, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только заглянуть въ документы, относящіеся къ послѣдующему времени.

Что же касается миссіи Кипріана — распространенія слова Божія между невѣрными — то за отсутствіемъ матеріала мы

не можемъ судить о томъ, насколько она была успѣшна. Мы выше упоминали, что царь и патріархъ возлагали на Кипріана особенныя надежды въ дѣлѣ распространенія христіанства между сибирскими инородцами и давали ему для этого большія средства. И тобольскимъ воеводамъ Михаилъ Ѳедоровичъ предписывалъ: «Какъ архіепископъ Кипріанъ пріѣдетъ въ Тобольскъ и если иноземцы — татары, остяки, самоѣды и вогулы захотятъ креститься въ православную вѣру греческаго закона, а въ ихъ платьяхъ крестить нельзя и архіепископъ станетъ присылать къ вамъ за платьемъ для тѣхъ людей, то вы посылали бѣ: лучшимъ людямъ сукна на однорядки, на страфильныя, а меньшимъ людямъ сукна летчину, кафтаны, шапки, рубашки, порты и сапоги; покупали бѣ (эти вещи) у торговыхъ людей и платили за нихъ деньги изъ нашей казны...»¹⁾

Несомнѣнно, что отдѣльные случаи крещенія инородцевъ во время Кипріана бывали и число новокрещенцевъ все болѣе и болѣе увеличивалось, но мы не можемъ сказать, насколько этотъ архіепископъ лично способствовалъ обращенію ко Христу сибирскихъ язычниковъ и магометанъ. Знаемъ только, что со времени Кипріана началъ вводиться въ Сибири обычай -- отдавать новокрещенцевъ въ монастыри «подъ начало» для наученія ихъ истинамъ христіанской религіи. Очевидно, что этотъ архіепископъ, заботясь объ устройствѣ сибирскихъ монастырей и ходатайствуя предъ царемъ о матеріальномъ обезпеченіи оныхъ, смотрѣлъ на монастыри глазами святителя Гурія, какъ на разсадники христіанскаго просвѣщенія между инородцами: «да орютъ сердца людей, писалъ Гурій, о монахахъ Грозному, и да сѣютъ въ нихъ сѣмя слова Божія»²⁾. Положимъ, что сибирскіе монастыри по своему нравственному состоянію въ то время не были похожи на тѣ, которые основаны Гуріемъ въ бывшемъ Казанскомъ царствѣ и монахи сибирскіе слишкомъ были далеки отъ того идеальнаго о нихъ представленія, которое имѣлъ этотъ святитель, но тѣмъ не

¹⁾ А. М. Ю. Деп. Ст. кн. № 11801 л. 41 см. гр. Мвх. Ѳедор. въ Тобольскъ отъ 1621 г. 15 лнв.

²⁾ Ист. Р. Церкви Макарія т. VI стр. 342.

менѣе, будучи руководимы такимъ энергичнымъ архіепископомъ, какимъ былъ Кипріанъ, и сибирскіе монахи могли бы оказать услугу дѣлу распространенія христіанства между сибирскими инородцами и сами подняться до той нравственной высоты, которая требуется отъ монашествующей братіи. Но къ сожалѣнію, Кипріанъ пробылъ въ Tobольскѣ только около трехъ лѣтъ и за это короткое время, конечно, не могъ нравственно очистить сибирскіе монастыри и внушить имъ заботу о христіанскомъ просвѣщеніи язычниковъ и магометанъ, а его ближайшіе преемники и сами мало объ этомъ заботились. Знаемъ также, что Кипріанъ былъ очень доступенъ сибирскимъ инородцамъ и едва только онъ пріѣхалъ въ Tobольскъ, какъ цѣлыя толпы татаръ, остяковъ и вогуловъ начали приходить къ нему съ разными просьбами. Эта доступность архіепископа могла сближать его съ инородцами и давать ему возможность бесѣдовать съ ними о ихъ религіозныхъ заблужденіяхъ и приводить ихъ къ вѣрѣ во Христа. Кипріанъ былъ очень внимателенъ къ разнымъ остякамъ, вогуламъ и татарамъ и, какъ мы выше видѣли, доносилъ въ Москву о многихъ жалобахъ на притѣсненія, которыя они терпятъ отъ воеводъ и разныхъ приказныхъ людей. Въ этихъ донесеніяхъ онъ однажды писалъ: «сибирскіе воеводы выбираютъ толмачей по себѣ, для своего пристрастія и всякое насильство и продажи дѣлаются отъ толмачей вмѣстѣ съ ними; татары, вогулы и остяки бьютъ челомъ воеводамъ и приводятъ новыхъ толмачей, но воеводы послѣднихъ не принимаютъ и старыхъ не оставляютъ; вслѣдствіе такихъ воеводскихъ притѣсненій многіе инородцы побросали свои дома и разбѣжались въ дальнія мѣста и даже новокрещенцы оставляютъ свои дворы и женъ, измѣняютъ и бѣжатъ къ калмыкамъ». Само собою понятно, что подобное «печалораніе» Кипріана было не по сердцу сибирскимъ воеводамъ и, кажется, тобольскій воевода Годуновъ скоро отнялъ у него толмачей, чрезъ которыхъ онъ только могъ объясняться съ инородцами. По крайней мѣрѣ уже чрезъ годъ послѣ приведеннаго донесенія, Кипріанъ жаловался Михаилу Федоровичу, что «приходятъ къ нему на дворъ всякіе люди -- вогулы, остяки, татары и калмыки, а толмача нѣтъ» и

просилъ разрѣшенія выбрать для него толмача изъ посадскихъ людей ¹⁾).

Теперь спрашивается, куда же дѣвались прежніе толмачи, чрезъ которыхъ Кипріанъ бесѣдовалъ съ разными инородцами въ первый годъ своего пребыванія въ Тобольскѣ?! Отсутствіе толмачей при немъ въ послѣдующее время и можно объяснить только вмѣшательствомъ воеводы Годунова, запрещеніемъ съ его стороны разнымъ людямъ «толмачить» при архіепископѣ. При такомъ положеніи трудно было ожидать отъ Кипріана особенныхъ успѣховъ въ дѣлѣ обращенія ко Христу разныхъ сибирскихъ язычниковъ и магометанъ!

Кипріанъ вникалъ и въ нужды русскаго населенія и дѣлалъ о нихъ подробныя донесенія въ Москву. «Приходятъ разныхъ городовъ торговыя люди, писалъ онъ вскорѣ по прибытіи въ Тобольскъ, и бьютъ челомъ на воеводъ, что во всѣхъ городахъ, изъ Мангазеи ѣдучи, отъ воеводъ имъ задержанье великое и продажа дѣлается: въ Мангазеѣ они даютъ десятую пошлину, а въ Березовѣ, и въ Тобольскѣ, и въ Тюмени, и въ Япанчинѣ (Туринскѣ), и въ Верхотурьѣ и въ Соликамскѣ и въ Сольвычегодскѣ товары у нихъ распечатываютъ и пересматриваютъ и лучшіе выбираютъ на себя и во всякомъ городѣ задержанье имъ бываетъ по мѣсяцу и больше и они терпятъ отъ этого большіе убытки; пошлину съ товаровъ берутъ большую и сказываютъ, что это на государя... И имъ отъ воеводскихъ насилій и отъ продажъ и отъ задержанья впродъ въ сибирскіе города ни съ какими товарами ѣздить невозможно»... Доносилъ также Кипріанъ и о посадскихъ людяхъ и о крестьянахъ и о тѣхъ притѣсненіяхъ, которыя они испытываютъ отъ воеводъ, подьячихъ и разныхъ приказныхъ людей. Такъ что, если бы всѣ эти свѣдѣнія, заключающіяся въ отпискахъ этого архіепископа къ Михаилу Ѳедоровичу и патриарху собрать въ одно цѣлое, то можно было бы, даже не имѣя подъ руками другихъ документовъ, составить довольно ясное

¹⁾ А. М. Ю. Дев. Ст. кн. № 11801 л. 259.

представленіе о положеніи въ Сибири русскихъ людей и инородцевъ и о разныхъ сибирскихъ властяхъ въ его время. Вообще Киприанъ по приѣздѣ въ Тобольскъ скоро ориентировался въ общественныхъ дѣлахъ Сибири, легко замѣчалъ недостатки въ нихъ и не только умѣлою рукою описывалъ ихъ правительству, но и предлагалъ мѣры къ уничтоженію этихъ недостатковъ. Говоря, напр., о разныхъ злоупотребленіяхъ въ Сибири, вслѣдствіе которыхъ страдаетъ и русское и инородческое населеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ «государева казна», онъ замѣчаетъ: «въ сибирскихъ городахъ подьячіе живутъ годовъ по 20 и больше и живучи разбогатѣли, дворы и деревни поставлены у нихъ большіе, а воеводъ они не слушаютъ и всякое насиліе всѣмъ людямъ дѣлаютъ большое... и если только изъ всѣхъ сибирскихъ городовъ подьячихъ не перемѣнить, то впредь быть смутѣ великой...»¹⁾. Намъ даже кажется, что такъ называемый «распорядокъ» воеводы Сулешова, т. е. его распоряженія о пошлинахъ съ торговыхъ и промышленныхъ людей, имѣвшія цѣлью улучшеніе состоянія торговли и промысловъ въ Сибири, о сборѣ ясака съ инородцевъ, его мѣры для развитія земледѣлія въ этомъ краю и т. п. во многомъ соотвѣтствовали донесеніямъ Киприана объ этихъ предметахъ московскому правительству. Этотъ архіепископъ вникалъ во всѣ стороны жизни сибирскаго населенія, всякое земское и государево дѣло не чуждо было ему и потому правительство очень цѣнило его донесенія. Такъ, въ одной царской грамотѣ къ Киприану отъ 1621 г. нояб. читаемъ: «ты, богомолецъ нашъ, то учинилъ гораздо, что о нашемъ дѣлѣ радѣешь и всякихъ людей нужу разсмотришь и намъ о томъ вѣдомо чинишь...». Царь и патріархъ особенно довѣряли Киприану и даже обращались къ нему за совѣтомъ по разнымъ дѣламъ, касающимся Сибири. Напр. въ 1621 г. бывший томскій воевода Федоръ Боборыкинъ подалъ обширный проектъ, въ которомъ предлагалъ правительству — уничтожить сибирскіе города Березовъ, Сургутъ и Кетскъ, уменьшить число служилыхъ людей въ Туринскѣ и Тюмени и значительно увеличить военныя силы въ

¹⁾ Ibid. л. 148.

Тобольскѣ и въ Томскѣ, доказывая, что въ такомъ случаѣ содержаніе служилыхъ людей въ Сибири сократится на половину, а «прибыль государя» увеличится въ нѣсколько разъ и пр. Правительство, выслушавъ мнѣнія объ этомъ проектѣ нѣсколькихъ воеводъ, бывшихъ въ разныхъ сибирскихъ городахъ, отправило все дѣло къ Кипріану и просило его высказать о немъ свое мнѣніе ¹⁾).

Въ заключеніе обзора дѣятельности перваго сибирскаго архіепископа слѣдуетъ еще упомянуть, что онъ же и положилъ начало сибирскому лѣтописанію. «Во второе лѣто своего архіепископства, говоритъ одинъ лѣтописецъ, вспомнивъ объ атаманѣ Ермакѣ Тимофеевѣ и о дружинѣ его «храбровавшихъ» въ Сибири надъ нечестивыми агарянами, повелѣлъ онъ пастыръ добрый распросить ермаковыхъ казаковъ, какъ они съ атаманомъ Ермакомъ пришли въ Сибирь и гдѣ у нихъ съ погаными были бои... ²⁾. Свѣдѣнія, сообщенныя ермаковыми сподвижниками, были записаны и послужили главнымъ матеріаломъ для нѣкоторыхъ сибирскихъ лѣтописцевъ при составленіи ими описаній похода славнаго Ермака съ дружиною. По повелѣнію того же архіепископа Ермакъ и его сподвижники, погибшіе въ битвахъ съ татарами, были внесены въ синодикъ для вѣчнаго ихъ поминовенія.

Мы упомянули, что съ прибытіемъ новаго воеводы въ Тобольскъ, положеніе Кипріана улучшилось, но онъ уже усталъ отъ борьбы, которую велъ съ Годуновымъ, съ своимъ штатомъ и служилыми людьми, ему уже стало тягостно архіепископское служеніе въ Сибири. Вслѣдствіе этого лѣтомъ 1623 года Кипріанъ отправилъ просьбу къ патриарху Филарету Никитичу о разрѣшеніи ему побывать въ Москвѣ, чтобы «видѣть очи государя». Въ отвѣтъ на эту просьбу Кипріанъ уже въ началѣ сентября того же года получилъ слѣдующую грамоту отъ царя Михаила. «Писалъ къ отцу нашему Филарету Никитичу, что ты намъ служишь и о нашихъ дѣлахъ радѣешь и самовольниковъ унимаешь, а о томъ скорбишь, что ты долго нашихъ очей не видалъ и мы совѣто-

¹⁾ Ibid. лл. 156—172 см. гр. Мях. Федор. къ Кипріану отъ 1621 г. дек. 19 дни.

²⁾ Русская Вивл. т. III, см. «Записки къ Исторіи Сибири».

вавъ съ отцомъ нашимъ Ф. Н. тебя пожаловали — тебѣ быть къ Москвѣ видѣть наши государскіе очи и ты бѣ, богомолецъ нашъ, какъ къ тебѣ сія наша грамота придетъ, ѣхалъ къ намъ къ Москвѣ видѣть государскіе очи по зимнему пути, или какъ твое время будетъ, а съ собою взялъ бы людей сколько тебѣ надобно, да ризницу, да дьяковъ пѣвчихъ и поддьяковъ, а о подводахъ на чемъ тебѣ изъ Тобольска ѣхать къ Москвѣ послана къ тебѣ отъ насъ подорожная, велѣно тебѣ дать 30 подводъ и къ боярину нашему Ю. Я. Сулешову съ товарищами отъ насъ писано и велѣно тебя изъ Тобольска отпустить къ Москвѣ по твоей волѣ и подводы дать по подорожной...»¹⁾

Однако Кипріанъ почему-то не спѣшилъ воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ, и онъ былъ въ Тобольскѣ еще въ февралѣ 1624 года. Но мы вполне довѣряемъ извѣстіямъ сибирскихъ лѣтописцевъ, что Кипріанъ выбылъ изъ Тобольска 5-го февраля 1624 г. и возраженіе противъ этого Миллера считаемъ неосновательнымъ, потому что въ сборникѣ царскихъ грамотъ къ сибирскимъ архіепископамъ мы уже не встрѣчаемъ грамотъ къ Кипріану послѣ 3-го февраля 1624 года и, значитъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ уже получилъ опредѣленные свѣдѣнія о выѣздѣ этого архіепископа изъ Тобольска²⁾.

Въ октябрѣ 1623 г. Кипріанъ получилъ новую грамоту отъ царя, которую велѣно ему взять съ собою въ Москву извѣтчиковъ на него чернецовъ Ѳеодосія, Христора, Андріана, Авраамія, попа Якова и двухъ подьячихъ. «А для береженья твоего, писалъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, и для послушавья дворовыхъ твоихъ людей велѣно боярину нашему и воеводамъ и

1) А. М. Ю. Ден. Ст. кн. № 11801 л. 267—268 см. гр. къ Кипріану отъ 10-го сентября 1623 г.

2) Миллеръ утверждаетъ, что Кипріанъ пробылъ въ Тобольскѣ п весь 1624 г. и въ подтвержденіе своего мнѣнія ссылается на грамоты Кипріана, разосланныя имъ къ сибирскимъ воеводамъ, — грамоты о бракосочетаніи Михаила Ѳеодоровича съ М. В. Долгорукою, совершившемся 19 сентября 1624 г. (см. Ежемѣс. Сочиненіи 1764 г. Гевн. 415 стр.). Но дѣло въ томъ, что Кипріанъ, уѣзжая изъ Тобольска, не оставлялъ еще свою архіепископскую каведру, а завѣдывалъ ею до назначенія ему преемника и стало быть долженъ былъ сношаться съ своею паствою и въ то время, когда уже находился въ Москвѣ.

дьякамъ послать съ тобою, богомольцемъ нашимъ, изъ Тобольска до Москвы сына боярскаго добраго, чтобъ тебѣ отъ дворовыхъ твоихъ людей въ дорогѣ безчестья и непослушанья и сопротивленья не было...» Послѣдняя царская грамота къ Киприану помѣчена 3 числомъ февраля 1624 г.; въ ней Михаилъ Федоровичъ писалъ о томъ, чтобы Киприанъ не бралъ съ собою попа Якова, а самъ произвелъ дознаніе о его поступкахъ и опредѣлилъ ему соотвѣтственное наказаніе. «А будетъ тебя сія наша грамота не застанеть въ Тобольскѣ.. а прежняя (отъ 15 декабря) застала, то ты бѣ богомольецъ нашъ тѣхъ поповъ Якова и Алексѣя велѣлъ держать у себя подъ запрещеніемъ по правиламъ св. отецъ, а самъ ѣхалъ бы къ намъ въ Москву...»¹⁾ Оставивъ свою сибирскую паству, Киприанъ болѣе уже не возвращался къ ней. По приѣздѣ въ Москву, онъ скоро былъ назначенъ митрополитомъ Крутицкимъ и это мѣсто занималъ до октября 1626 г.: въ это время онъ вмѣстѣ съ патриархомъ свидѣтельствовалъ драгоцѣнный подарокъ, присланный персидскимъ шахомъ—Срачицу Христову (нѣкая часть полотняна по пяди въ ширину и длину), былъ свидѣтелемъ многихъ исцѣленій отъ этой святыни и составилъ стихиры и канонъ на праздникъ Ризы Господней. Съ 1626 г. и до конца своей жизни Киприанъ занималъ митрополию Новгородскую; онъ умеръ 17 декабря 1634 г.²⁾

II. Буцинскій.

1) А. М. Ю. Ден. Ст. кн. № 11801 см. лл. 264—266, 268—271.

2) Ежегвс. Сочин. Іюль 1761 г. стр. 239.

КРИТИКА И ИСТОРИЯ

ОТНОСИТЕЛЬНО ЖИЗНИ ИСУСА ХРИСТА ¹⁾.

Имя Иисусъ Христосъ есть великое историческое имя. Много есть именъ, за которыя люди умирали, но это Имя есть единое, боготворимое всѣми народами, всѣми племенами и во всѣ вѣка.

Носящій это Имя извѣстенъ цѣлому міру. Даже дикарямъ и вырождающимся племенамъ человѣческаго рода апостолы неустанно возвѣщаютъ, что Онъ умеръ за нихъ на крестѣ, и отверженцы человѣчества спасаются, полюбивъ Его. Равнодушные люди нашего вѣка и тѣ даже не могутъ не признать, что никто, лучше Его не относился къ низшимъ и угнетеннымъ.

¹⁾ Предлагаемая нами статья заимствована нами изъ «Revue des Deux Mondes» (1-er Octobre 1890) и составляетъ отдѣльныя страницы изъ новопозданной книги аббата Дидона о жизни Иисуса Христа. Мы ожидаемъ появленія этой книги въ русскомъ переводѣ, уже обѣщанной въ нашей литературѣ, съ живѣйшимъ интересомъ и сами обѣщаемъ познакомить нашихъ читателей, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторыми наиболѣе замѣчательными главами ея. Глубина христіанскаго чувства, сила разумнаго убѣжденія и обширность научныхъ изысканій дѣлаютъ ее выдающимся явленіемъ современной западно-европейской литературы. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ «Revue des Deux Mondes» по поводу помѣщаемой нами статьи: «кто знакомъ съ современной критикой и экзегетикой, какъ французской, такъ и нѣмецкой, тому не безъинтересно будетъ узнать какіе доводы противопоставляетъ вѣра, рѣшаясь выступать изъ своего святынища, чтобы публично предъявить свои права. Было бы противъ свободомыслія и еще болѣе противъ довѣрія къ силѣ истины побояться ихъ изложенія. Прибавимъ, что въ трудѣ О. Дидона нѣтъ ни одного слова, которое могло бы уязвить, раздражить или оскорбить кого бы то ни было. Поэтому мы не сомнѣваемся, что читатели, наши, каковы бы ни были образъ ихъ мыслей, не посѣтуютъ на насъ за то, что мы рѣшились ихъ напечатать». Но этого мало. Мы же убѣждены, что никакое свободомысліе не можетъ представить никакихъ, сколько-нибудь основательныхъ возраженій противъ предлагаемой нами статьи».

Ред.

Самые прославленные гени прошедшаго были бы забыты, если бы памятники—дворцы, обелиски, гробницы—или начертанные на папирусахъ, пергаментахъ, камняхъ, монументахъ и медаляхъ,—свидѣтельство ихъ современниковъ, не сохранили для насъ какого-либо воспоминанія о нихъ. Иисусъ же вѣчно живетъ въ сознаниі вѣрующихъ въ Него. Вотъ свидѣтельство о Немъ; вотъ незыблемый, несокрушимый Его монументъ.

Церковь, основанная Имъ, наполняетъ Его Именемъ всѣ вѣка и пространства. Она знаетъ и любитъ Его, она обожаетъ Его; какъ Онъ живетъ въ ней, такъ и она живетъ въ Немъ. Онъ ея догматъ; ея законъ нравственный, ея культъ. Она возвѣщаетъ всѣмъ безъ различія, безъ исключенія, что Онъ есть Единный Сынъ Божій, ставшій человѣкомъ, будучи зачатъ отъ Духа Святаго въ утробѣ Дѣвы. Что Онъ пришелъ въ міръ пострадать и умереть для нашего спасенія и побѣдить смерть Своимъ воскресеніемъ. Что Онъ восшелъ къ Отцу, дабы уготовить намъ мѣсто близъ Себя. Что Онъ вновь придетъ на землю судить живыхъ и мертвыхъ и даровать добрымъ жизнь вѣчную, а злыхъ низвергнуть во мракъ и духовную смерть.

Этотъ символъ вѣры есть въ одно и то же время догматическій и историческій перечень, и самый догматъ, и всенародная исторія Иисуса. Вѣрующему достаточно этого, чтобы жить. Въ немногихъ, простыхъ, но глубокихъ словахъ онъ узнаетъ, что самое важное событіе для человѣчества есть пришествіе на землю Христа, что Богъ любитъ человѣка, ибо желаетъ спасти его отъ зла и отдать ему Самого Себя. Что любовь къ ближнему есть высочайшій его долгъ, потому что Учитель его умеръ изъ-за этой любви; что онъ долженъ быть твердъ въ добрѣ, потому что Учитель его будетъ ему судіею, что нечего ему бояться смерти, потому что Учитель его побѣдилъ ее и сотворилъ его для жизни вѣчной.

Вѣрующему въ это ученіе и въ этого Христа не страшень жизненный путь: онъ имѣетъ орудіе и для защиты себя на этомъ пути и для возвышенія. Ничто не остановитъ его роста. Ученикъ Иисуса властелинъ міра не съ матеріальной, конечно, или животной точки зрѣнія,—насиліе не въ духѣ его распятаго Учителя,—но съ точки зрѣнія справедливости, добра, самоза-

бвенія, жертвы и нравственнаго достоинства. Сѣя эти добродѣтели, какъ сѣмена жизни, онъ подготавливаетъ и обогащаетъ человѣческую почву и дѣлаетъ ее способною ко всякаго рода культурѣ и къ обильной жатвѣ.

Но такъ какъ разумъ человѣка мыслящаго требуетъ уясненія себѣ основныхъ догматовъ вѣры, требуетъ пониманія ихъ по мѣрѣ своихъ несовершенныхъ и всегда ограниченныхъ познаній, ищетъ отразить нападки философіи, науки и враждебной литературы, поэтому онъ желаетъ знать въ подробности человѣческую и божественную жизнь Іисуса, слова, которыя Онъ говорилъ, законъ и ученіе, которые Онъ далъ; какъ Онъ благовѣствовалъ, боролся, страдалъ и умеръ.

Исторія Іисуса, есть основаніе вѣры. Евангельское ученіе, богословіе, христіанская нравственность, богопочтеніе, іерархія или церковь, все утверждается на ней. Благодаря неуныннымъ трудамъ ученыхъ, нравственное ученіе Іисуса стало мало-помалу предметомъ отдѣльныхъ, цѣльныхъ и хорошо организованныхъ наукъ, отвѣчающихъ законнымъ стремленіямъ вѣрующихъ, которые, будучи людьми вѣры, желаютъ, тѣмъ не менѣе, быть людьми и науки. Необходимо, слѣдовательно, чтобы жизнь Іисуса Христа была рассказана согласно требованіямъ исторіи.

Этой-то важнѣйшей потребности и старается удовлетворить предлагаемый мною трудъ.

Сторонники такъ называемой нынѣ критической школы отвѣчаютъ: «догматическій и традиціонный Христосъ, Христосъ апостоловъ и истолкованныхъ по ученію Церкви Евангелій не есть и не можетъ быть историческимъ Христомъ. Этотъ идеальный Христосъ, Богъ и человѣкъ, воплотившееся Слово, зачатый неслыханнымъ чудомъ, называющій Себя едиnorodнымъ Сыномъ Божиимъ въ отвлеченномъ, относительномъ смыслѣ, творящій чудеса, говорящій, какъ Его заставляетъ говорить четверо-Евангелие, воскресающій черезъ три дня послѣ смерти и возносящійся на Небо въ виду своихъ учениковъ, не можетъ быть реальнымъ человѣкомъ. Такой Христосъ существуетъ только въ благочестивой фантазіи вѣрующихъ, создававшей Его по частямъ.

Истинный же Иисусъ, Иисусъ историческій родился, какъ родятся и всѣ люди. Онъ жилъ также, какъ всѣ живутъ и не творилъ никакихъ особенныхъ чудесъ. Правда, что нравственное Его учение было нѣсколько чище, религія менѣе несовершенна, но и Онъ, подобно всѣмъ реформаторамъ, которые гибнутъ отъ упорства своей среды, палъ точно также жертвою Иудеевъ, умеръ, какъ умираютъ всѣ люди, не воскресалъ никогда и не живетъ въ Богѣ.

Я возмущенъ,—да простятъ мнѣ это выраженіе,—не только какъ вѣрующій христіанинъ, но и просто, какъ безпристрастный человѣкъ, этимъ противорѣчіемъ между догматомъ и исторією, возведеннымъ въ принципъ и противопоставляемымъ, какъ предварительный вопросъ, касательно жизни Иисуса, Бога и Человѣка. Убѣжденный вполне, что Иисусъ былъ Самъ невидимый Богъ въ существѣ человѣческомъ, подобномъ намъ, я, какъ историкъ, вижу Его живущимъ именно въ этой двойной Его природѣ.

Вопросъ о божественности Иисуса Христа служить предметомъ разногласія для величайшихъ умовъ, начиная съ самаго пришествія Христова, и этому не будетъ конца. Но одно то уже есть удивительный феноменъ, что Иисусъ только могъ возбудить такую проблему, которая не разрѣшается никогда человѣчествомъ, проблему, которая по всей вѣроятности никогда не перестанетъ волновать міръ. Обращаясь къ людямъ безъ предубѣжденія, къ истиннымъ критикамъ, къ людямъ широкихъ воззрѣній, я прошу ихъ относительно этого обратить вниманіе на исторію. Это упорное противорѣчіе по поводу Иисуса было предсказано. Оно будетъ продолжаться, пока существуетъ міръ. Оно огорчаетъ христіанина, но не удивляетъ и не смущаетъ его. Въ немъ онъ видитъ знаменіе своего Учителя. Оно началось еще при жизни Христа. Когда ученики, отвѣчая Ему, говорили: «Ты Сынъ Бога живаго», Іудеи говорили: «это пророкъ», а другіе, болѣе слѣпые, видѣли въ Немъ даже хулителя и мятежника.

Послѣ вознесенія, когда апостолы проповѣдывали въ синагогахъ іудейскихъ Мессію Бога и человѣка, исполненнаго премудрости и силы Божіей, Назареи и Евіониты видѣли въ Немъ только человѣка.

Борьба за этотъ вопросъ продолжалась много вѣка. Языческій философъ Цельсъ, хотя и не отрицалъ чудесъ Его, осмѣивалъ однако Его ученіе, называя его нелѣпымъ, а Его крестную смерть позорною. Оригенъ же, опровергая Цельса, провозглашалъ могучимъ голосомъ божественность своего Учителя.

Съ тѣхъ поръ прошли вѣка. Распятый рось, разрушая язычество, затемняя философію, развѣнчивая власть, побѣждая царства, смягчая варварство и творя новый міръ!

Кто же былъ правъ: Іудеи-ли, предавшіе Іисуса проклятію и смерти? язычники-ли, которые подобно Тациту, Светонію и намѣстнику Виѳаніи, Плинію Младшему, презирали Его и Его учениковъ, считая ихъ презрѣнной сектой? философы-ли, подобно Цельсу, противопоставлявшіе Ему свою мудрость? или апостолы, боготворившіе въ Іисусѣ Сына Божія?

Если бы Іисусъ дѣйствительно былъ только человѣкъ, опозоренный Іудеями и язычествомъ, какъ могъ бы Онъ провести такую глубокую черту по землѣ? Какъ могъ бы Онъ основать религію, охватившую весь міръ?

Это необъяснимо и *всеобще* доказываетъ, что Іисусъ дѣйствительно есть Тотъ, Кѣмъ признаетъ Его Церковь.

I.

Первое условіе всякой научной исторіи состоитъ въ томъ, чтобы освѣтить ее мудрой, *ясновидящей* и безпристрастной критикой.

Не должно однако смѣшивать критику съ исторіей; хотя онѣ и нераздѣльны одна отъ другой, но тѣмъ не менѣе должны стоять особо.

Въ самомъ общемъ смыслѣ критика есть ничто иное, какъ проявленіе существеннѣйшей способности всякаго мыслящаго существа — сужденія. Критиковать и судить — синонимы, потому что какъ сужденіе, такъ и критика имѣютъ предметомъ одно, — отличать истину отъ лжи. Это первое изъ правъ и необходимѣйшее изъ обязанностей разума. Какую бы область ни испытывала она, будь то религія, философія, наука, литература,

эстетика или даже математика, разумъ обязанъ всегда внимательно отдѣлять подлинность отъ видимости, истину, часто невѣроятную, ото лжи, иногда столь благовидной.

Критика, слѣдовательно, не есть какая-либо спеціальная наука, она скорѣе — необходимое условіе всякой науки. Она входитъ даже въ логику, указывающую человѣку законы правильного мышленія и здраваго смысла. Эти простыя соображенія обличаютъ тщеславіе людей, присвоившихъ себѣ монополію критики. Критическая школа, — это школа, принадлежащая всему міру. Каждый можетъ и долженъ имѣть на нее права. Не должно забывать однако, что критиковать черезъ мѣру, хотѣть обо всемъ судить, даже о томъ, что хорошо неизвѣстно, очень обыкновенная слабость развитыхъ умовъ. Мудрый конечно сдерживаетъ такое грубое, неумѣренное хотѣніе и позволяетъ себѣ судить только о томъ, что знаетъ, никогда не забывая, что знаніе человѣческое ограничено, а незнаніе безмѣрно.

Можно быть превосходнымъ критикомъ въ философіи и очень плохимъ въ религіи, или исторіи. Многія человѣческія знанія требуютъ не только наблюдательности, но и долгаго опыта. Нравственныя доктрины будутъ гораздо лучше изслѣдованы человѣкомъ простымъ, но живущимъ въ добрѣ, нежели скептикомъ, который не имѣетъ и понятія о суровыхъ радостяхъ самопожертвованія. Святые люди, живущіе Словомъ Иисуса, поймутъ его гораздо лучше, нежели знатоки греческаго языка, которые отрицаютъ его святость и не имѣютъ къ нему никакого влеченія. Тонкій цѣнитель вина, напримѣръ, замѣтитъ въ немъ такіе оттѣнки, которые ускользнутъ отъ химика.

Въ примѣненіи къ исторіи критика имѣетъ свою, хорошо опредѣленную роль. Такъ какъ исторія имѣетъ въ виду передачу событій, а событія извѣстны намъ по документамъ, составленнымъ свидѣтелями, болѣе или менѣе знакомыми съ этими событіями, то критика, поэтому, должна изслѣдовать все: и событія, и документы, и свидѣтелей.

Нѣкоторыя событія нелѣпы: критика ихъ не принимаетъ, нѣкоторые документы извращены или подозрительны, критика ихъ отмѣчаетъ и отдаляетъ; если же нѣкоторые свидѣтели недостойны довѣрія, она изобличаетъ ихъ и открываетъ ихъ ложь.

Что касается жизни Иисуса, то предварительная критика имѣетъ право и обязана отыскать документы и свидѣтелей относительно этой жизни, рассмотреть достоверность и древность первыхъ и свидѣтельское достоинство другихъ; она должна изслѣдовать природу фактовъ, заключающихся въ документахъ и передаваемыхъ свидѣтелями.

Эти проблемы около вѣка тому назадъ были предметомъ такихъ споровъ въ Германіи, Швеціи, Англіи и Франціи, что цѣлые томы были бы недостаточны для ихъ изложенія. Одно даже опроверженіе ошибочныхъ рѣшеній заняло бы цѣлый томъ. Здѣсь мы коснемся только главнѣйшихъ рѣшеній и укажемъ нѣкоторыя изъ извѣстныхъ заключеній, вкратцѣ проводя ихъ причины.

II.

Писанія, которыя знакомятъ насъ въ подробностяхъ съ событіями и словами Иисуса, съ Его рожденіемъ, жизнію и смертію, съ Его ученіемъ, съ Его постановленіями и съ Его Миссіею, не многочисленны: нѣсколько апостольскихъ Посланій нѣсколько главъ Дѣяній и главнѣйшимъ образомъ четыре книги, извѣстныхъ подъ именемъ каноническихъ Евангелій.

Не смотря на свою многочисленность, эти писанія заключаютъ въ себѣ неисчерпаемое богатство, по обилію проводимыхъ ими событій и словъ. Первое достоинство ихъ, какъ свидѣтельствъ, это — глубочайшая ихъ древность. Составленные въ годы близко слѣдовавшіе за событіями, они представляютъ простое и правдивое изложеніе воспоминаній, оставленныхъ въ душѣ учениковъ наставленіями, заповѣдями, примѣрами и личностью отшедшаго Учителя. Два года съ половиною постояннаго общенія съ Нимъ, преобразовали ихъ мало-по-малу. Одно изъ существенныхъ дѣлъ Иисуса, предшествовавшее всѣмъ другимъ, безъ котораго другія не могли бы достигнуть цѣли, состояло въ томъ, чтобы запечатлѣть въ сознаніи учениковъ вѣрный и живой Свой образъ. Не они ли должны были возвѣщать о Немъ всякому созданію? А чтобы возвѣщать о Немъ, не должны ли были они Его знать? Онъ Одинъ могъ научить ихъ этому познанію.

Онъ не скрылъ ничего отъ нихъ. Онъ считалъ ихъ, какъ и говорилъ, Своими друзьями.

Онъ открылъ имъ Себя вполнѣ. Они признали въ Немъ еди-нороднаго Сына Божія и Сына Человѣческаго, рожденнаго отъ жены, они слышали слова Его, исполненныя мудрости и свя-тости, видѣли небо отверзтымъ надъ Нимъ и ангеловъ Бо-жіихъ восходящихъ и нисходящихъ на Сына Человѣческаго; они были свидѣтелями Его неотразимаго и Божественнаго мо-гущества; они поняли сокровенную причину Его страданій, скорби, добровольнаго уничтоженія, неуспѣха у избраннаго Имъ народа и Его смерти. Они видѣли также славу воскресшаго, славу, блескъ которой, сокрытый отъ міра, былъ явленъ лишь однимъ ученикамъ. Они были проникнуты видимо и внутренно Его духомъ. Облеченные этою сверхъестественною силой, они чувствовали себя намѣстниками Христа, непобѣдимыми рас-пространителями Его вѣры, продолжителями Его дѣла. И эти Галилеяне, простые, невѣжественные, робкіе, безъ малѣй-шаго колебанія, безъ малѣйшей боязни черезъ пятьдесятъ дней послѣ Его смерти; въ томъ же самомъ городѣ, гдѣ былъ рас-пятъ ихъ Учитель, принялись проповѣдывать Его имя передъ лицомъ того самаго народа, который требовалъ Его казни и того Синедріона, который подготовилъ ее. Они называли Его «Святымъ», «Праведнымъ», «Начальникомъ жизни». Они съ глубокою скорбію укоряли ихъ за Его убіеніе, они свидѣтель-ствовали, что Богъ воскресилъ Его, называли Его Послан-никомъ Божиимъ, Пророкомъ, провозвѣщеннымъ чрезъ Моисея, они объявили во всеуслышаніе, что чудеса, которыхъ они бы-ли орудіями, совершались силою Іисуса Назаряя, и въ безстра-шіи своей вѣры они указывали на Него, какъ на камень, от-вергнутый строителями, но ставшій краеугольнымъ въ рукахъ Божіихъ, и какъ на Единаго Спасителя, дарованнаго людямъ.

Ихъ слово, ихъ безстрашіе, ихъ убѣжденіе и ревность были неотразимы. Ни запреты, ни угрозы, ни побои, ни оковы и мученія не могли ихъ остановить. Они называли себя свидѣ-телями Воскресшаго и, взывая къ совѣсти своихъ враговъ, го-ворили, что Духъ Святой, котораго Богъ даетъ всѣмъ пови-нующимся Ему, будетъ Самъ свидѣтельствовать истину ихъ словъ.

Эта-то апостольская проповѣдь и есть первое Евангеліе. Оно излилось изъ душъ непосредственныхъ учениковъ Іисуса, подъ наитіемъ Святаго Духа. Это слово—божественное. Его не измыслило человѣческое сознаніе, оно было отголоскомъ словъ Самого Іисуса.

Никто не можетъ отрицать его древность и подлинность.

Историкъ, привыкшій вызывать прошедшее при помощи свидѣтельствъ, видитъ учениковъ Іисуса, собранныхъ въ память и въ честь своего учителя. Ихъ единеніе тѣмъ тѣснѣе и сердечнѣе, чѣмъ отчужденнѣе они во враждебной средѣ. Сами по себѣ они—ничто и ничего не имѣютъ. Вся ихъ сила въ силѣ Божіей. Все знаніе ихъ сводится къ одному имени: Іисусъ-Христосъ. Вся ихъ мудрость въ Немъ. Все ихъ сокровище—Онъ. Вся участь ихъ ограничивается Имъ. А такъ какъ подобное состояніе существуетъ только вѣрою, то вѣра все для нихъ. Она безмѣрна. Ихъ жизнь не принадлежитъ имъ болѣе. Она принадлежитъ Христу. Они считаютъ себя Его собственными членами и сознаютъ, что никакая власть ни на небѣ, ни на землѣ не можетъ отличать ихъ отъ Его любви. Никогда болѣе мы не встрѣтимъ подобного психологическаго феномена. Какое бы вліяніе ни оказывали люди высшаго настроенія на другихъ соприкасающихся съ ними людей, они не достигнуть никогда такого полного уподобленія ихъ себѣ.—развѣ только по одному внѣшнему виду,—не будучи въ состояніи проникнуть ихъ своимъ духомъ, какъ бы новою, живою, личною силою. Въ этихъ-то собраніяхъ продолжалась вновь вся жизнь Іисуса. Ученики Его, какъ бы поглощенные безпредѣльною любовью, дѣлились воспоминаніями о Немъ, передавали другъ другу Его дѣянія, повторяли Его наставленія и сообщали все новообращеннымъ. Малѣйшія подробности послѣднихъ дней его столь трогательнаго поприща, Его заключеніе, судъ надъ Нимъ, Голгофа,—всѣ эти раздирающія душу сцены, возникаютъ вновь. Никогда такъ, какъ теперь, Іисусъ не жилъ еще въ ихъ сознаніи. Сосредоточенность силы воспоминанія объ отсутствующихъ или отшедшихъ, есть особенное свойство разлуки, или смерти. Они вновь какъ бы возрождаются въ насъ, и, смотря въ глубь души, мы какъ бы

вновь находимъ. видимъ и слышимъ ихъ. Иисусъ же дѣйствительно былъ посреди ихъ. Они жили съ Нимъ въ молитвѣ, въ исполненіи добродѣтелей, которымъ Онъ училъ ихъ и словомъ и примѣромъ. Вотъ гдѣ надо искать начала перваго устнаго Евангелія, составляющаго первую проповѣдь апостоловъ и источникъ Евангелій написанныхъ.

Апостолы скоро ощутили потребность закрѣпить поученія своего Учителя и начертать исторію Его жизни. Первые вѣрующіе должны были пламенно желать сохранить въ своей памяти «благую вѣсть», проповѣдуемую имъ посланниками Иисуса, а эти посланники въ свою очередь, покидая новообращенныхъ, новыя общества, ими организованныя, желали оставить имъ свидѣтельство болѣе прочное, нежели устные слова. Писанное Евангеліе отвѣчало, слѣдовательно, этой потребности и необходимости.

III.

Нельзя съ точностью опредѣлить продолжительность времени, протекшаго между началомъ апостольской проповѣди и появленіемъ перваго писаннаго памятника. Это время вѣроятно было очень коротко. По всеобщему церковному преданію появленіе перваго Евангелія относится къ 33—40 годамъ христіанской эры. Авторъ этого Евангелія былъ одинъ изъ апостоловъ, Матеей мытарь. Оно было написано еврейскими буквами для евреевъ Палестины и Иерусалима на употребительномъ тогда у нихъ аримейскомъ языкѣ — смѣсь халдейскаго съ сирійскимъ, которымъ говорилъ и Иисусъ. Основная идея, сосредоточивавшая въ себѣ всю вѣру апостоловъ, главнѣйшимъ образомъ заключалась въ томъ, что Иисусъ былъ Мессія Израильскій, предсказанный пророками. Они старались убѣдить въ этомъ всѣхъ Іудеевъ, и проповѣдь ихъ есть ничто иное, какъ всенародное засвидѣтельствованіе этой истины, что и доказывается нѣкоторыми отрывками рѣчи, сохранившейся для насъ въ Дѣянїяхъ. Что говорилъ Петръ, то же говорили и его друзья, одушевляемые такой же вѣрой. Едва оставилъ ихъ Иисусъ, какъ вѣрные Его повелѣнїямъ, они тотчасъ появились

въ Иерусалимѣ и во всѣхъ Палестинскихъ синагогахъ, свидѣтельствуя свою вѣру въ Него, какъ въ истиннаго Мессію.

Первое Евангеліе внушено этой идеею. Она душа его. Она сводитъ къ единству всѣ его части.

Немудрено въ этомъ убѣдиться, разсматривая приводимыя авторомъ мѣста изъ пророчествъ, которыхъ собственный его рассказъ служить лишь комментариемъ и историческимъ подтвержденіемъ. Эта книга, доказывающая происхожденіе Іисуса отъ Давида, могла бы просто и прямо быть названа Его родословіемъ, ибо самымъ важнымъ признакомъ Мессіи въ глазахъ Іудеевъ, было слово: «Сынъ Давидовъ».

Торжественная нагорная проповѣдь вполнѣ приличествуетъ законодателю новыхъ временъ; многочисленныя притчи о царствіи небесномъ открываютъ пришедшаго благовѣствовать нищимъ; обличеніе фарисеевъ и пророчество о будущей судьбѣ Иерусалима и вселенной, проявляютъ судію, владыку вѣковъ и народовъ.

Этимъ рѣзко выдающимся характеромъ книги объясняется, независимо отъ ея апостольскаго происхожденія, ея первенство передъ другими Евангеліями и то дѣйствіе, какое она имѣла въ благовѣствованіи Іудеямъ. Дѣйствительно ли Іисусъ есть Мессія, предвозвѣщенный пророками? Да или нѣтъ? Вотъ вопросъ, бывший предметомъ горячихъ споровъ между вѣрующими и Іудеями. Евангеліе Св. Матѳея отвѣчало на него съ торжествующею ясностью.

Всѣ названія, приписываемыя пророками Мессіи, оправдались на Іисусѣ. Евангелистъ доказываетъ это самую жизнь Учителя. Книга его представляетъ собою въ одно и то же время и живой образъ Іисуса и доказательство, всенародную апологію Его Небесному посланничеству. Нарѣчіе, на какомъ оно было написано, было почти непонятно внѣ Палестины, а между тѣмъ вопросъ о подлинности Мессіи въ лицѣ Іисуса интересовалъ не только Иерусалимскихъ, Іудейскихъ, Идумейскихъ и Галилейскихъ іудеевъ, но и принадлежащихъ къ «разсѣянью». А такъ какъ эти послѣдніе говорили по гречески, то Евангеліе на сиро-халдейскомъ языкѣ было для нихъ непонятно и требовало перевода. По свидѣтельству Папія, многіе

принялись тогда за это дѣло, и греческій переводъ неизвѣстнаго автора явился вскорѣ за появленіемъ означеннаго подлинника. По авторитету ли переводчика, или по согласію церкви, онъ вошелъ во всеобщее употребленіе и вскорѣ затмилъ первоначальный текстъ, который исчезъ послѣ разрушенія Иерусалима вмѣстѣ съ небольшимъ числомъ іудейскихъ христіанъ, у которыхъ онъ былъ въ употребленіи. Изложеніе его, если и уцѣлѣло въ рукахъ Евіонитовъ и Назареевъ, то безъ сомнѣнія, было измѣнено, подобно всѣмъ другимъ, попавшимъ въ руки сектъ, которыя ихъ измѣняли, пополняли, искажали и передѣлывали по своему, примѣняясь къ своимъ ученіямъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того, какъ апостолы, совершивъ свою миссію въ Іудеѣ и засвидѣтельствовавъ жизнь и дѣянія своего Учителя въ метрополиі, разсѣялись по разнымъ странамъ, разнося «благую вѣсть», одинъ изъ учениковъ Петра, его истолкователь, по выраженію Папія, или его секретарь, по выраженію Св. Іеронима, сопровождалъ главу апостоловъ въ его странствованіяхъ. Его звали Маркъ, и вѣроятно это былъ тотъ самый Іоаннъ Маркъ, о которомъ упоминается въ Дѣяніяхъ.

Онъ послѣдовалъ за Петромъ около 42 года, когда Петръ, преслѣдуемый Иродомъ Агриппою, вынужденъ былъ оставить Иерусалимъ. Онъ приходилъ даже въ Римъ проповѣдывать Евангеліе. Его проповѣдь тамъ имѣла необыкновенный успѣхъ. Братія пожелала имѣть письменное изложеніе апостольскихъ словъ и Маркъ по ихъ желанію написалъ свое Евангеліе. Апостольскій одобрилъ его трудъ, который будучи облеченъ силою апостольскаго авторитета, вошелъ съ этого времени въ употребленіе во всѣ церкви, какъ объ этомъ свидѣтельствуется Св. Климентъ въ VI-й главѣ своихъ Упостасей.

Древность единогласно подтверждаетъ эти событія.

Сравнивая это второе Евангеліе съ первымъ, съ общей точки зрѣнія, мы замѣчаемъ прежде всего, что оно отличается отъ перваго своей краткостью. Весь іудейскій элементъ Св. Матѳея, все, что въ исторіи Іисуса было изложено по отношенію къ Іудеямъ, какъ доказательство того, что Онъ былъ Мессія Израильскій, все это пропущено: происхожденіе Его

отъ Давида, событія изъ Его дѣтства, нагорная проповѣдь, въ которой новый законъ Мессіи противоплагается несовершенствамъ древняго закона, преданіямъ и ложнымъ ученіямъ раввиновъ, равно какъ и многія притчи о царствіи небесномъ. Видно, что ев. Маркъ обращается къ читателямъ, незнакомымъ съ обычаями іудеевъ.

Онъ описываетъ въ немъ лишь общественную жизнь Іисуса Христа, Сына Божія. По причинѣ значительныхъ пропусковъ Евангеліе отъ Марка и было названо сокращеннымъ, а св. Маркъ сократителемъ.

Не надо перетолковывать этого выраженія въ смыслѣ непризнанія дѣйствительной подлинности второго Евангелія. Очевидно, оно составлено по первому; исключая вышеупомянутые пропуски, сходство событій въ выборѣ и порядкѣ неопровержимо. Св. Маркъ вѣроятно имѣлъ подъ руками арамейское Евангеліе св. Маттея и пользовался имъ для составленія своего на греческомъ языкѣ. Но особенность его проявляется въ разсказѣ событій. Внимательное сличеніе этихъ двухъ Евангелій указываетъ на стороннее сообщеніе и на то, что онъ слышалъ отъ своего учителя, апостола Петра. Вѣроятно изъ этого-то источника онъ главнѣйшимъ образомъ и почерпнулъ новыя подробности, которыя онъ открываетъ, и болѣе близкое знакомство съ именами и мѣстами, словомъ все, что характеризуетъ его трудъ.

Евангеліе св. Марка не имѣетъ подобно Евангелію св. Маттея оправдательнаго направленія. Оно было и начато и составлено не съ цѣлію доказывать подлинность Мессіи въ лицѣ Іисуса. Оно есть лишь популярный разсказъ объ Его общественной жизни въ Гилилеѣ, объ ея печальномъ исходѣ и объ Его торжественномъ воскресеніи въ Іерусалимѣ.

Слѣдовательно, оно есть благовѣствованіе о Сынѣ Божіемъ и доказываетъ въ общемъ Божественность Іисуса. Оно заключаетъ также въ своей исторической формѣ апостольскую проповѣдь, подобную проповѣди Петра и его сотрудниковъ, когда они возвѣщали языческому Риму имя Спасителя Единого, дарованнаго людямъ. Событіямъ отведено болѣе мѣста, нежели рѣчамъ. Могущество Іисуса, Которому все повинуется, выдвигается напередъ Его поученій, и не смотря на то, открыто говорится

объ Его страданіяхъ, Его осужденіи іудеями, объ Его позорной смерти на крестѣ. Апостолы не краснѣютъ за своего Учителя, они знаютъ, что кровь Его, пролитая на Голгоѣ, есть добровольно допущенное Имъ средство возродить человѣка и прославить Бога во Христѣ.

Мы составили бы себѣ очень неправильное и ошибочное понятіе о дѣятельности христіанъ въ первые вѣка Церкви, если бы забыли, съ какою ревностью старались они распознавать жизнь Того, въ Кого увѣровали и Кого боготворили, какъ Мессію, Спасителя и Сына Божія. Воспламененные проповѣдью Апостоловъ, они проникались малѣйшими словами и дѣяніями Иисуса. Многіе изъ учениковъ и новообращенныхъ старались закрѣпить письменно слышанное отъ очевидцевъ. Арамейское Евангеліе св. Матѳея было кажется главнѣйшимъ центромъ этого движенія. Его толковали, переводили, старались вносить въ него новыя подробности и расположить описываемыя въ немъ событія въ порядкѣ, болѣе сообразномъ съ подлинностью исторіи. Плоды этой литературной дѣятельности не дошли до насъ. Всѣ эти письмена, о которыхъ упоминается въ одномъ изъ Евангелій (Луки), исчезли, какъ исчезаетъ большинство несовершенныхъ твореній, не остановившихъ на себѣ вниманія и, безъ сомнѣнія, не настолько сильныхъ, чтобы пережить среду, въ которой появились.

Когда подлинная, законная потребность въ чемъ-либо овладѣваетъ цѣлымъ обществомъ, то всегда почти находится такой мощный духъ, который сумѣетъ на нее отозваться и удовлетворить ей.

Нарождающаяся Церковь ощущала потребность въ Писаніи, которое дало бы ей болѣе полную картину исторіи Христа. Одинъ Антиохійскій язычникъ, можетъ быть и іудей, одинъ изъ обращенныхъ Павломъ, человѣкъ, какъ видно, образованный,—о немъ даже шла молва, будто онъ училъ медицину самого Антиоха,—взялъ на себя трудъ удовлетворить этой потребности первыхъ христіанъ. Отсюда явилось новое Евангеліе, прибавившееся къ Евангеліямъ Матѳея и Марка. Апостоль Павелъ хвалитъ этотъ трудъ въ одномъ изъ своихъ посланій. Оно распространилось по всѣмъ церквамъ и познако-

милу насъ со множествомъ событій и происшествій, не вошедшихъ въ два предшествующія.

Св. Лука пополняетъ ихъ пробѣлы. Третъ разказовъ всецѣло принадлежитъ ему, а именно пять чудесъ и двѣнадцать притчей. Главнѣйшею заботою его было руководствоваться сообщеніями свидѣтелей, которые сначала все сами видѣли и слышали и которые были избраны провозвѣстниками Слова. Ученикъ Павла, участникъ въ его странствіяхъ, сотрудникъ Варнавы, одинъ изъ семидесяти двухъ, онъ пришелъ въ Іерусалимъ разспросить обо всемъ апостоловъ Петра, Іакова меньшаго, называемаго братомъ Господнимъ, и Іоанна, любимаго ученика Іисуса. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ знакомъ съ семействомъ Іисуса и Его Матерью, равно какъ и съ родственниками Іоанна Крестителя. У него передъ глазами были различныя писанія, о которыхъ онъ упоминаетъ въ предисловіи къ своему Евангелію, и вѣроятно это были Евангелія Матѳея и Марка, ибо нельзя допустить, чтобы такія свидѣтельства, одобренныя властію апостоловъ и въ силу этого уважаемые всѣми вѣрующими, не были у него въ рукахъ. Очевидно, онъ пополнилъ ихъ своими разказами о рожденіи Іоанна и о дѣтствѣ Іисуса, почерпнутыми вѣроятно изъ болѣе древняго источника, о чемъ свидѣтельствуется и самый стиль ихъ, чисто еврейскій.

Онъ пополняетъ ихъ, кромѣ того, богатыми эпизодами, которыми такъ разнообразилась скитальческая жизнь Іисуса въ продолженіи четырехъ или пяти мѣсяцевъ, со дня, когда Онъ оставилъ Галилею, не имѣя мѣста, гдѣ преклонить главу, до Его торжественнаго вступленія въ Іерусалимъ. Первыя два Евангелія умалчиваютъ объ этомъ важномъ событіи. Кромѣ того, онъ обогащаетъ ихъ повѣствованіемъ о Воскресеніи и Вознесеніи на небо, съ чего онъ и начинаетъ свою книгу Дѣяній. Но особенность труда св. Луки заключается въ той хронологической связи, какую онъ старается установить между событіями, и въ томъ духѣ, который управляетъ выборомъ этихъ событій. Хронологическая связь, не смотря на свой несовершенный составъ, позволяетъ однакоже опредѣлить время рожденія Іисуса въ царствованіе Ирода и начало Его появленія міру въ Галилеѣ въ 15-й годъ владычества Тиверія, чего

невозможно было бы узнать по одному Евангелію св. Матѣея. Духъ же, одушевляющій его, всего лучше можно охарактеризовать; назвавъ его духомъ самого апостола Павла.

Въ то время, когда св. Лука писалъ свое Евангеліе, въ возникающей церкви совершалось новое событіе. Евангеліе, опровергаемое іудеями, встрѣтило у язычниковъ удивительно благопріятный пріемъ. Народъ толпами бѣжалъ на призывъ апостоловъ и въ особенности того изъ нихъ, кого называли апостоломъ язычниковъ. Это было какое-то увлеченіе. Рядомъ съ іудеями сомнѣвающимся, всегда угрюмымъ и нетерпимымъ, являлся язычникъ, покорный и услужливый. Пророчество Іисуса исполнялось во-очію. Царствіе отнималось у избраннаго народа и переходило къ народу, оставленному Богомъ. Евангелистъ былъ свидѣтелемъ этого новаго явленія, и, шествуя по стопамъ своего учителя Павла, трудился въ обращеніи язычниковъ. Въ нѣдрахъ Церкви возникли раздоры; обращенные іудеи никогда не относились благодушно къ новымъ братьямъ язычникамъ; они тщеславились предъ ними именемъ сыновъ Авраамовыхъ, недостаточно защищаясь въ тайной гордости передъ этими необрѣзанными. Они хотѣли подчинить ихъ предписаніямъ закона, но язычники упорствовали. Законъ отжилъ; царствіе Іисуса разрушило его устарѣвшія связи. Св. Павелъ защищалъ свободу чадъ Божіихъ, освобожденныхъ отъ всякой опеки законности, отъ того несовершеннаго культа, который онъ называетъ стихіями міра сего. Жизнь Учителя была полна событій, въ которыхъ это новое положеніе вещей было предсказано и оправдано: они должны были совершиться.

Духъ жизни, руководящій апостолами, вдохновилъ св. Луку, подобно тому, какъ онъ вдохновилъ св. Павла, и, читая третье Евангеліе, мы видимъ тамъ Христа, всеобщаго Спасителя, такимъ, какого проповѣдывалъ Павелъ и какимъ Онъ явилъ Самъ Себя въ Своей общественной жизни. св. Лука тщательно собралъ множество чертъ, опущенныхъ въ первомъ Евангеліи, которыя, уничижая іудеевъ, могли внушать еще болѣе довѣрія язычникамъ, какъ напр. спасеніе, обѣщанное мытарю Закхею и благочестивому разбойнику, прощеніе, дарованное блудницѣ и расточительному управителю, превосходство, оказанное мытарю предъ фарисеями. Сострадатель-

ный самарянинъ, не принадлежащій къ церкви, восхваляется въ противоположность безсердечнымъ Священнику и Левиту. Многіе язычники ставятся въ примѣръ для подражанія. Онъ указываетъ также, какъ Іисусъ молился за Своихъ враговъ, обращая этимъ добраго разбойника и римскаго сотника.

Такимъ образомъ св. Лука описываетъ самыя трогательныя событія изъ жизни Іисуса и, по примѣру своего учителя Павла, называетъ Его «Господомъ». Если Марка можно назвать Евангелистомъ силы, то Лука—Евангелистъ милосердія и благи. Древность, по своей склонности къ символамъ, поэтому и даетъ Марку, какъ эмблему—Льва, а Лукѣ—эмблему жертвеннаго тельца. На каждой страницѣ его писанія является Тотъ, Кто спасаетъ и прощаетъ, «Сынъ Человѣческій», пришедшій не погубить, но спасти, не осуждать, но прощать. Книга эта появилась, вѣроятно, прежде Дѣяній, составляющихъ какъ бы ея продолженіе, а такъ какъ эта послѣдняя прекращается къ концу вторичнаго пребыванія Апостола Павла въ Римѣ, то появленіе этого Евангелія слѣдуетъ отнести къ 63-му году. Гоненія Нерона противъ христіанъ заставили Луку бѣжать изъ Рима, гдѣ скончался Павелъ. Евангеліе же, имъ написанное, онъ унесъ съ собою въ Ахаію и Віотію, гдѣ искалъ убѣжища себѣ.

Въ половинѣ 1-го вѣка, когда духъ, одушевлявшій церковь, расширяя ея предѣлы, увлекалъ апостоловъ, черезъ предѣлы Азіи и Греціи, къ побѣдѣ надъ Римомъ, возрождающаяся новая вѣра встрѣтилась не съ одной враждебностью іудеевъ; ей пришлось столкнуться съ языческими ученіями и іудейскою кабалистикой, этими двумя ученіями, составявшими собою мудрость образованныхъ людей того времени. Такая преграда была опаснѣе преслѣдованій: послѣдняя касалась только тѣла, тогда какъ человѣческая философія могла извратить и вѣру, и слова Іисуса.

Многіе изъ обращенныхъ язычниковъ были пропитаны такимъ лжемудріемъ. Во всѣ вѣка и при всякой цивилизаціи человѣкъ одинъ и тотъ же: онъ никогда не чуждъ вліянія своей среды; онъ всегда подчиняется ея ученіямъ, также какъ и правамъ, даже не разсуждая о томъ, а часто и самъ того не понимая. Ученія, составлявшія умственную, религіозную и нравственную атмосферу того времени, приняли нѣсколько

позднѣе имя гностицизма. Это—беспорядочная смѣсь монизма, пантеизма, дуализма, фатализма, теургии и страннаго аскетизма, всевозможное собраніе различныхъ умозрѣній о первопривѣ вещей и вселенной. Господствующимъ направленіемъ было два—одно исходило изъ крайняго монизма, сочувствовавшаго ученію о единобожїи іудеевъ, другое же все было проникнуто самымъ крайнимъ дуализмомъ.

Слѣдовавшіе первому понимали Бога, какъ умозрительное и абсолютное единство, отрѣшенное отъ всякаго общенія съ міромъ и неосуществимое само въ себѣ. Міръ по ихъ мнѣнію былъ произведеніемъ непосредственныхъ безличныхъ силъ, проистекавшихъ изъ этого безмолвнаго неизвѣстнаго начала. Одна изъ этихъ силъ, одинъ изъ этихъ эоновъ, какъ ихъ называли, былъ Логосъ, или высшій Христосъ, который на минуту соединился съ Іисусомъ. Искупленіе, по ихъ мнѣнію, сводилось къ слѣдующему: Іисусъ провозвѣстилъ Истину, или Бога невѣдомаго и побѣдилъ космическія силы, владѣвшія міромъ, парализовавшія стремленіе пневматическаго или духовнаго бытія къ Существу первоначальному. Искупленіе совершалось не вѣрою въ Іисуса или заслугами Божественнаго Искупителя, а чрезъ Гносісъ, т. е. чрезъ познаніе Бога, духовъ или эоновъ и чловѣчества и ихъ взаимныхъ отношеній. Достаточно было чловѣку одного посвященія въ Гносісъ, и онъ дѣлался чрезъ то существомъ пневматическимъ или воздушнымъ.

По понятіямъ дуалистовъ, возобновившихъ ученіе персовъ, міръ находится подъ вліяніемъ двухъ противоположныхъ силъ, истекающихъ изъ нѣдръ Верховнаго Существа, а именно изъ Свѣта и Мрака. Матеріальный міръ произошелъ изъ Мрака, и самъ по себѣ есть зло; но Свѣтъ долженъ восторжествовать и окончательно освободить туманныя частицы, заключенныя въ тѣлахъ. По понятію этихъ еретиковъ, Іисусъ былъ дѣйствительный Христосъ, олицетворенный Сынъ Божїй, но подлинность Его воплощенія они отвергали. Легко понять, какая опасность предстояла слову апостоловъ, имѣвшихъ дѣло съ умами, которые вмѣсто того, чтобы принимать ихъ ученіе подобно дѣтямъ, согласно завѣщанію Іисуса, думали только о томъ, какъ бы истолковать его сообразно своимъ понятіямъ.

Св. Павелъ, основатель почти всѣхъ церквей Малой Азіи, предсказывалъ эту опасность и предостерегалъ начальниковъ общинъ противъ учителей, которые будутъ извращать вѣру. Еще при жизни своей ему припало это увидѣть. Онъ укорялъ ихъ за испорченность и обличилъ ихъ лжеученіе.

Такого рода опасность угрожаетъ людямъ во всѣ образованные вѣка. Величайшая изъ трудностей для человѣка состоитъ въ томъ, чтобы въ простотѣ сердца подчинить себя Евангелію, и величайшимъ искушеніемъ для него всегда будетъ желаніе передѣлать его на свой ладъ и по своимъ собственнымъ системамъ.

Гностики отрицаютъ Божественность Христа, низводя Его до степени эона или силы, подчиненной Богу. Они не признаютъ существеннаго и истиннаго отношенія, связующаго Иисуса съ Отцомъ; ихъ смущаетъ Его человѣчность, которая соприкасается съ матеріею—принципомъ зла, и они низводятъ ее до чистой призрачности. Они не признаютъ въ Сынѣ Божіемъ и въ Томъ, Кто назвалъ Себя такъ, собственной, Ему принадлежащей личности. Обращенные іудеи, извѣстные подъ именемъ іудействующихъ христіанъ, раздѣляли нѣкоторыя изъ этихъ убѣжденій, которыя, уничижая Христа, разрушаютъ такимъ образомъ и все Его дѣло. Евіониты и Докеты вступили въ союзъ, отрицая одни подлинность человѣчности, другіе Божественность Иисуса, и угрожали христіанству въ самой его колыбели.

Одинъ изъ этихъ еретиковъ былъ Керинѣ; Ириной сохранилъ намъ главнѣйшія черты его доктрины; это доктрина собственно Евіонитовъ. Онъ видитъ въ Иисусѣ только человѣка, въ котораго въ моментъ крещенія взошла одна изъ первичныхъ творящихъ силъ, одинъ изъ эоновъ, называемый Христосъ. Другой изъ этихъ лжеучителей былъ діаконъ Николай, безнравственность котораго соединялась съ самымъ нелѣпымъ воззрѣніемъ на природу Божества, на сотвореніе міра и на отношенія между Богомъ и вселенной.

Чтобы разсвѣять эти заблужденія, одинъ изъ апостоловъ написалъ четвертое Евангеліе. Апостоль тотъ былъ Іоаннъ, любимый ученикъ Иисуса. Всѣ начальники церквей въ Азіи, съ апостоломъ Андреемъ во главѣ, просили его объ этомъ.

Никто болѣе его не былъ способенъ засвидѣтельствовать истину. Никакого человѣческаго ученія, никакой философской доктрины не противопоставляетъ онъ этимъ человѣческимъ доктринамъ, этимъ ложнымъ философскимъ системамъ. Онъ не философъ, онъ—свидѣтель. Ему извѣстно только слово его Учителя, и онъ говоритъ только то, что слышалъ. Въ то время какъ св. Павелъ въ своихъ посланіяхъ говоритъ и разсуждаетъ объ Евангельскихъ событіяхъ, объ ученіи Христа, о дѣлѣ искупленія, о Его смерти и воскресеніи, св. Іоаннъ, собирая свои воспоминанія и вдохновляемый Духомъ, который просвѣщаль его и внушалъ ему, что долженъ онъ говорить,—что и было обѣщано Іисусомъ всѣмъ вѣрующимъ въ Него,—св. Іоаннъ лишь свидѣтельствуешь. Все приводимое имъ имѣетъ цѣлю, единою цѣлю, утвердить вѣру въ Іисуса Христа, Единороднаго Сына Божія, источника жизни вѣчной.

Ему нѣтъ уже надобности доказывать исторически, какъ это дѣлаютъ св. Матей, св. Маркъ и св. Лука, что Іисусъ есть истинный Мессія, обѣщанный Іудеямъ, и Спаситель всей твари. Ему надо только опредѣлить истинную божественную природу «Явившагося во плоти».

Что такое Сынъ Божій? Какое отношеніе между Нимъ и Тѣмъ Божественнымъ Существомъ, которое Онъ зоветъ Отцомъ Своимъ? Какое дѣло совершить пришелъ Онъ въ этотъ міръ? И въ чемъ состоитъ то спасеніе, котораго Онъ творецъ? Отвѣтъ на эти вопросы и составляетъ все четвертое Евангеліе. Тамъ говоритъ уже не Іоаннъ, говоритъ самъ Іисусъ. Ибо Онъ одинъ можетъ научать насъ познанію Своего истиннаго Божественнаго естества. Евангелистъ начинаетъ свое писаніе выраженіемъ: «Слово», «Логосъ». «Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога и Богъ бѣ Слово». Да, Слово въ началѣ было у Бога, все было Имъ сотворено и безъ Него не было сотворено ничего, что было сотворено. Въ Немъ жизнь была, и жизнь была свѣтъ человѣковъ, и Свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма не объяла Его».

Выраженіемъ «Слово», означающимъ Божественное существо Іисуса, Самъ Іисусъ никогда не называетъ Себя въ рѣчахъ, передаваемыхъ Іоанномъ. Оно не имѣетъ ничего общаго съ греческимъ: „λόγος“ или съ выраженіемъ Платона или

Филона Александрійскаго «Слово», оно напоминаетъ скорѣе «слово» пророковъ и олицетворенную мудрость притчей и поучительныхъ книгъ. Можетъ быть Иисусъ открылъ это Своимъ апостоламъ, когда отверзъ умъ ихъ къ уразумѣнію Писанія. Никакое другое слово не передаетъ такъ настоящаго смысла. Оно сливается въ себѣ и Его вѣчное начало въ лонѣ Отца, гдѣ Логосъ живетъ отъ вѣчности, и Его отличие отъ Отца, отъ Котораго Онъ происходитъ, при равенствѣ единой жизни, и связь Бога съ міромъ, который сотворенъ посредствомъ Логоса, хранится «Логосомъ» черезъ вѣка и спасается «Логосомъ», ставшимъ плотію. Вся правда Божія зиждется на этой идее. И достаточно было этого Божественнаго выраженія, чтобы заслужить св. Іоанну названіе Богослова и теософа.

Какимъ образомъ Слово, Единородный Сынъ Отчій, проявилъ Себя въ Своей человѣческой жизни? Евангелисты отвѣчаютъ на это каждый по своему. Три первыхъ знакомятъ насъ съ этимъ, рассказывая Его поученія и Его дѣянія. Онъ училъ, замѣчаютъ они, какъ власть имѣющій, отпускалъ грѣхи, какъ Богъ, и повелѣвалъ природою, не какъ Существо подчиненное, а собственною властію. Четвертое Евангеліе прямо передаетъ рѣчи Іисуса, въ которыхъ Онъ Самъ свидѣтельствуетъ о Своемъ предвѣчномъ бытіи, о Своемъ вѣчномъ началѣ, объ общности Своихъ свойствъ съ Отцомъ и о Своей власти, равной Отцу,—просвѣщать, творить, спасать, давать жизнь и судить.

А чтобы твердо убѣдить, что рѣчи эти не суть какія-либо искусственныя сочиненія, онѣ включены въ рамки самыхъ точныхъ фактовъ и опредѣлены относительно времени и мѣста съ особенною заботливостію и съ замѣтнымъ памѣреніемъ. Такимъ образомъ самое умозрительное изъ откровеній представлено въ доступной чувству и популярной формѣ, позволяющей читать Божественную Истину въ постижимыхъ образахъ, въ какихъ Іисусу благоугодно было ее проявлять.

Всѣ событія, приводимыя Евангелистомъ, исключая двухъ, а именно—насыщеніе хлѣбами въ пустынѣ Вивсидской и хожденіе Іисуса по водѣ,—взяты изъ тѣхъ періодовъ жизни Іисуса, которые опущены у трехъ первыхъ Евангелистовъ.

Чудо на водѣ показываетъ власть Иисуса повелѣвать стихіями, равную власти создавшей ихъ. Исцѣленіе на разстояніи сына Капернаумскаго царедворца доказываетъ, что слово Иисуса могущественно и дѣйствительно, не смотря на пространство. Насыщеніе хлѣбами обличаетъ Его творческую силу, Его хожденіе по водѣ и усмиреніе бури—Его полнѣйшее господство надъ природою, а исцѣленіе разслабленнаго у купели Виѣзды открываетъ, что самая упорная болѣзнь не могла ему противиться. Слепорожденный свидѣлствуетъ, что Онъ источникъ свѣта, а воскресеніе Лазаря,—что Онъ Владыка смерти и жизни.

Рѣчи Его, отрывочно приводимыя Іоанномъ, суть выраженія Его Божественной природы, Его внутреннѣйшей жизни, Его отношеній къ Отцу и совершеннаго равенства съ Нимъ въ сущности, силѣ и дѣятельности. Нѣтъ сомнѣній, что Онъ все беретъ отъ Отца. Но это начало, устанавливая Его индивидуальное отличіе отъ Отца, сохраняетъ Ему тѣмъ не менѣе и абсолютное равенство съ Отцомъ, потому что Отецъ далъ Ему все отъ вѣчности, породивъ Его какъ Единороднаго Своего Сына. Нельзя не замѣтить, что открывая эти внутреннѣйшія тайны, Иисусъ не излагаетъ никакого ученія, а только свидѣлствуетъ о внутреннихъ фактахъ, о которыхъ имѣетъ полнѣйшее сознаніе; фактахъ умозрительныхъ, ибо они суть—жизнь Самого Бога.

Наконецъ Онъ даетъ глубочайшее откровеніе Своей миссіи, состоящее въ томъ, чтобы сообщить всѣмъ вѣрующимъ Свой Духъ и Духъ Своего Отца. Эту идею находимъ мы во внутреннемъ смыслѣ Его притчей, приводимыхъ Евангелистомъ. Вода жизни, о которой Онъ говоритъ Самаритянкѣ, таинственное дыханіе, о которомъ упоминаетъ въ бесѣдѣ съ Никодимомъ, источникъ, біющій изъ скалы, Свѣтъ просвѣщающій міръ, пастырь стрегущій овецъ и водящій ихъ на пастбище: всѣ эти символы служатъ выраженіемъ таинственнаго и Божественнаго Духа Иисусова, той силы которою совершается Его Дѣло въ тайникахъ души и въ чловѣчествѣ.

Въ этихъ религіозныхъ бесѣдахъ нѣтъ никакой отвлеченной метафизики. Иисусъ, описываемый Іоанномъ, равно какъ и описываемый въ трехъ первыхъ Евангеліяхъ, вовсе не предста-

вляется философомъ. Онъ не пришелъ доказывать истину какими либо разсужденіями, ни излагать какую-либо религиозную систему. Его слово есть полное, живое, точное выраженіе того, что есть. Нравственный законъ, это Его Воля, Его Духъ. Богъ для Него Существо живое, любящее, всемогущее—Отецъ. Онъ переводитъ его такъ на человѣческій языкъ, не по разсудочному пониманію, составляемому съ какой-либо систематической точки зрѣнія, но по непосредственному постиженію, что это такъ.

Первыя три Евангелія передаютъ видимое въ Иисусѣ, четвертое—невидимое. Но какъ все видимое имѣетъ свою невидимую причину, такъ всѣ событія, описываемыя въ синоптическихъ Евангеліяхъ, имѣютъ свою сокрытую причину въ Богѣ невидимомъ, пребывающемъ въ Иисусѣ и открываемомъ св. Іоанномъ. Одни Евангелисты показываютъ намъ Бога, живущаго между людьми и подобнаго людямъ, а другой говоритъ намъ о Богѣ въ самой Его сущности, въ лонѣ Отца.

Первыя три Евангелія показываютъ человѣка въ Иисусѣ, а четвертое—открываетъ Бога. Всѣ, даже невѣжды могутъ читать первыя евангелія, четвертое же предназначено для избранныхъ, озаряемыхъ Вѣчнымъ Свѣтомъ. Никакой человѣческій геній не пойметъ его при блѣдномъ свѣтѣ одного собственнаго разума, но простыя души его поймутъ, не смотря на его высоту, и всякій, открывающій эту святую книгу, долженъ вспомнить слово Учителя: «блаженни чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ». Почти во всѣхъ твореніяхъ Отцовъ приводятся цитаты изъ него, очень тщательно исправленныя докторомъ Функомъ (Funk). Ничего нельзя также возразить противъ свидѣтельства Иринея, ученика Поликарпа, который былъ ученикомъ самого св. Іоанна, удостоверяющаго существованіе этого Евангелія. По свидѣтельству однихъ, оно вышло по гречески на островѣ Патмосѣ, а по свидѣтельству другихъ въ Ефесѣ. Преданіе на этотъ счетъ расходится, равно какъ и на счетъ точности времени, когда оно появилось. Очень вѣроятно, что апостоль написалъ его въ старости, когда остался одинъ, переживъ всѣхъ непосредственныхъ свидѣтелей жизни и ученія Иисуса, и когда всѣ епископы Малоазійскихъ церквей просили его возвысить свой властный

голосъ, чтобы облечить возникающія отрицанія, предметомъ которыхъ была природа Іисуса и которыя потомъ въ продолженіи шести столѣтій возникали во множествѣ, но всегда были побѣждаемы свидѣтельствомъ четвертаго Евангелія.

Что касается молчанія Папія на этотъ счетъ, то оно никакъ не можетъ служить аргументомъ противъ него, потому что отрывокъ изъ новаго сочиненія епископа Геропольскаго, цитируемый Томазіусомъ, который я заимствую у доктора Аберля, свидѣтельствуешь, что Папію было извѣстно это твореніе св. Іоанна.

Итакъ, подлинность четырехъ каноническихъ Евангелій, — вопросъ рѣшенный.

Отрывокъ изъ церковнаго канона Мураторія доказываетъ, что при Піѣ 1-мъ въ 142 году было четыре Евангелія, что Римская (такъ же, какъ и восточная) церковь не признавала другихъ и читала ихъ въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они расположены по нынѣ, почитая ихъ Боговдохновенными и написанными однимъ и тѣмъ же Духомъ Божіимъ.

Ученое и подробное сравненіе ихъ доказываетъ, что всѣ Евангелія могутъ быть восстановлены отрывкомъ за отрывкомъ во всей ихъ цѣлости при помощи цитатъ въ твореніяхъ Отцовъ I-го и II-го вѣка, начиная съ автора Посланія Варнавы и кончая Тертуліаномъ и Иринеємъ.

Доказано, что не только съ половины II-го вѣка, въ 150 г., существовалъ уже латинскій переводъ Евангелій (старо-итальянскій), но что и до него уже было два перевода: одинъ въ Африкѣ, другой въ Италіи. Благодаря открытію г. Кюртана, доказано, что прежде старо-итальянскаго еще былъ переводъ на сирійскомъ языкѣ (Peschito), который былъ потомъ переведенъ на греческій, и что этотъ послѣдній, будучи испещренъ сирійскими вариантами, очень важными для справокъ, служилъ поэтому главнымъ руководствомъ для переводчиковъ на итальянскій языкъ. Доказывается слѣдовательно, что переводы эти современны подлинникамъ.

Доказывается, наконецъ, Синайскимъ кодексомъ, открытымъ М. С. Тишендорфомъ, что въ ту самую эпоху, когда, по Тертуліану, въ апостольскихъ церквахъ былъ еще цѣлъ автографическій списокъ Евангелій, уже существовала современная

ему копія съ него, которую мы и находимъ въ этомъ Синайскомъ кадексѣ, предшествовавшемъ поправкамъ манускрипта, офиціально потребованнымъ Константиномъ.

И такъ, мы вправѣ заключить, что Евангелія существовали съ 1-го вѣка и существовали въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы ихъ теперь имѣемъ. За недостаткомъ подлинныхъ автографическихкихъ манускриптовъ, мы имѣемъ по крайней мѣрѣ современные имъ переводы. Критика слѣдовательно удовлетворена. Между нею и церковнымъ преданіемъ установлена теперь полнѣйшая гармонія.

IV.

Главнѣйшій характеръ этихъ документовъ прежде всего долженъ состоять въ томъ, чтобы въ самомъ строгомъ и тѣсномъ смыслѣ быть свидѣтельствами. Они не разбираютъ, не излагаютъ идей и теорій; они ничего не объясняютъ: они просто рассказываютъ событія, приводятъ слова и подтверждаютъ ихъ. Отсюда ихъ безличность. Авторъ исчезаетъ за содержаніемъ. Если онъ и появляется иногда съ величайшей осторожностью, какъ напримѣръ въ прологѣ третьяго Евангелія и въ четвертомъ, то лишь для того, чтобы заявить, что онъ не болѣе, какъ свидѣтель, который получилъ обо всемъ вѣрныя свѣдѣнія и который видѣлъ и слышалъ самъ то, о чемъ пишетъ.

Вы не встрѣтите тамъ никакихъ выраженій внутреннихъ чувствъ, переполнявшихъ сердце писателей при изображеніи жизни ихъ Учителя; никакого энтузіазма, никакого возгласа удивленія; никакого собственнаго разсужденія. Они описываютъ, вотъ и все, и описываютъ свои воспоминанія, какъ внушаетъ имъ Духъ, или какъ другіе свидѣтели даютъ возможность точнѣе ихъ опредѣлить.

Нѣкоторыя событія поражаютъ однихъ болѣе, чѣмъ другихъ, поэтому разсказъ о нихъ подробнѣе, живѣе, сильнѣе красками. Обстоятельства, при какихъ писалъ каждый изъ Евангелистовъ, были одною изъ положительныхъ причинъ для выбора и разстановки событій и словъ изъ всего множества видѣннаго или слышаннаго ими во время жизни ихъ Учителя.

Кругъ читателей, къ которымъ они обращались, также точно не мало содѣйствовалъ къ измѣненію ихъ писаній. Не могли же они въ самомъ дѣлѣ обращаться къ іудеямъ, отрицающимъ во Христѣ Мессію такъ же, какъ къ язычникамъ, чуждымъ этого предубѣжденія; къ простымъ, безъ образованія такъ же, какъ къ обращеннымъ, воспитавшимся въ еврейскомъ или греческомъ Гносисѣ; къ церквамъ, гдѣ іудеи домогались связать свободу Евангельскую рабствомъ закону, какъ къ церквамъ свободнымъ отъ этихъ возмутительныхъ вопросовъ. А тотъ, кто съ перваго часа стоялъ такъ близко къ Учителю, въ любящей душѣ котораго сосредоточивались завѣтные стремленія Иисуса, кто болѣе всѣхъ другихъ былъ пораженъ бесѣдами, въ которыхъ Иисусъ открывалъ Свое Божественное происхожденіе, Свое вѣчное Сыновство, глубочайшія таинства вѣры и спасенія посредствомъ Духа, тотъ очевидно долженъ былъ проявить въ своемъ свидѣтельствѣ мягкость, нѣжность, увлекательность и живость воспоминанія, съ которымъ ничье воспоминаніе не могло сравниться. Но всѣ эти различія исчезаютъ въ одномъ главнѣйшемъ событіи и въ болѣе высшемъ единствѣ.

Все въ Писаніи каждаго Евангелиста идетъ отъ Иисуса. Это Онъ, и Онъ Единный живетъ тамъ; Онъ Единный говоритъ тамъ. Нагорная проповѣдь, притча, споры съ фарисеями и садукееми, наставленія двѣнадцати апостоламъ и семидесяти двумъ ученикамъ, обличенія лжеучителей, предсказаніе о разореніи храма и Іерусалима, частыя возвѣщенія о Своихъ грядущихъ страданіяхъ и смерти, бесѣда съ Самаритянкою и Никодимомъ, торжественныя удостовѣренія въ Своемъ небесномъ посланничествѣ передъ лицомъ старѣйшинъ Іерусалимскихъ въ придѣлѣ Соломона, чудодѣйственныя проявленія Его Божественной природы, Его единства съ Отцомъ и Его небесной миссіи, прообразуемой горою Хоривомъ, свѣтильниками на празднествѣ Скиній, всѣми великими событіями исторіи іудейской и богослуженія, напоминавшаго событія, все тамъ—слово Иисуса. Предполагать, что Евангелисты, а въ особенности четвертый изъ нихъ, влагали отъ себя рѣчи въ уста Своего Учителя, что это они заставляли Его говорить, подобно тому какъ Титъ-Ливій заставлялъ говорить римскихъ полководцевъ, значило бы отнимать у нихъ единственное пра-

во, котораго они себѣ всѣ такъ опредѣленно требуютъ; значило бы не признавать ихъ безконечнаго уваженія къ Своему Учителю; значило бы колебать и опровергать безъ всякой положительной причины непрерывно продолжающееся всемірное преданіе; значило бы обвинять во лжи того, кто съ торжественной настоятельностью говоритъ: «что мы слышали, что видѣли своими очами, что разсматривали, что осязали руки наши, о Словѣ жизни. Да, жизнь явилась, и мы видѣли и свидѣтельствуемъ и возвѣщаемъ вамъ сію вѣчную жизнь, которая была у Отца и явилась намъ—о томъ, что мы видѣли и слышали возвѣщаемъ вамъ».

Ясно теперь, почему эти Галилейскіе рыбаки, эти неразвитыя природы могли написать такую книгу, каковы Евангелія. Они только воспоминали. Еслибъ они сочинили какой нибудь діалогъ на манеръ Платона, или какой-либо трактатъ на манеръ Филона Александрійскаго, то можно было бы признать за ними геній, который навелъ бы на подозрѣніе, что они вложили и сюда свои идеи и свое сочиненіе. Но они ничего не знали. Одно, что можно замѣтить въ нихъ, это—что подъ постояннымъ воздѣйствіемъ Іисуса, они мало-по-малу отрѣшались отъ народныхъ предразсудковъ своей расы и въ полнотѣ вѣры слѣдовали примѣру и слову своего учителя. Собственно говоря, они не существуютъ сами по себѣ. Существуетъ одинъ ихъ Учитель, Который есть все для нихъ.

Въ большинствѣ случаевъ я предпочиталъ критику простаго крестьянина, критикѣ тонкаго и придирчиваго философа. Первый просто расскажетъ, что онъ видѣлъ, второй начнетъ это объяснять. Историкъ интересенъ прежде всего самый фактъ; объясненіе же факта слѣдуетъ послѣ. Во всякой гипотезѣ, прежде чѣмъ начать объяснять явленія, надо ихъ доказать. Въ этомъ дѣлѣ я мало довѣряю слишкомъ образованнымъ умамъ: у нихъ передъ глазами свои системы. Они называютъ это усовершенствованнымъ орудіемъ. Но не ошибаются ли они? Это дѣйствительно усовершенствованное орудіе, чтобы видѣть то, что хотятъ видѣть и не видѣть, чего не хотятъ.

Свидѣтельскій характеръ Евангелій утверждается не только на торжественно объявленномъ намѣреніи его составителей быть только свидѣтелями, но кромѣ того, и главнѣй-

шимъ образомъ, на повелѣніи ихъ Учителя: «Идите», сказалъ Онъ, «научите всѣ народы, уча ихъ соблюдать все, что Я повелѣлъ вамъ. И Я съ вами до скончанія міра. Вы свидѣтели сему. Вы примете силу Духа Святаго, исходящаго на васъ, и будете моими свидѣтелями въ Іерусалимѣ и во всей Іудеѣ, въ Самаріи и во всѣхъ предѣлахъ земли».

Ихъ слово должно быть не однимъ, просто человѣческимъ воспоминаніемъ, зависящимъ отъ случайности памяти и отъ непостоянства сознанія, оно хранилось и освѣщалось силою Духа Іисусова, жившаго въ нихъ, и внушавшаго все, что должно было сказать.

Вотъ, по непрерывному преданію, какое возрѣніе всегда имѣла Церковь на Евангелистовъ.

Отсюда слѣдуетъ, что въ Евангеліяхъ невозможно отличить элемента писателей отъ элемента Того, о Комъ они пишутъ. Все, вышедшее изъ-подъ ихъ пера, описывается ли какое-либо изъ Его дѣяній, или какая-либо часть Его поученія, все принадлежитъ Іисусу. Дѣяніе описывается болѣе или менѣе ясно и живо, а поученіе болѣе или менѣе полно или отрывочно, но во всякомъ случаѣ и то и другое представляютъ собою неразрывную часть ученія, или жизни ихъ Учителя.

Вотъ гдѣ вся тайна красоты, простоты, святости и бессмертной силы Евангелія. Не душа, духъ или геній ихъ писателей перешли въ нихъ, но душа, духъ и геній изображаемаго ими Лица. Это Онъ Самъ живетъ въ нихъ, дѣйствуетъ, говоритъ, движетъ, просвѣщаетъ и освящаетъ. Кротость Его свѣтитъ и освѣщаетъ, Его притягательная сила плѣняетъ и влечетъ, примѣръ Его возбуждаетъ, благость Его сообщается. Кажется, будто самъ идешь за Нимъ въ толпѣ грѣшниковъ и недужныхъ, которыхъ Онъ исцѣляетъ отъ ранъ, болѣзней видимыхъ и отъ сокрытыхъ язвъ; будто слышишь самъ Его наставленія толпѣ, сидишь съ нею, внимая Ему на горахъ или надъ озеромъ Галилейскимъ; сопровождаешь Его въ Его страствіяхъ и вмѣстѣ съ вѣрующими признаешь въ Немъ истиннаго Сына Божія. Нѣтъ, никто еще и никогда не говорилъ съ такою властію и не изливалъ столькихъ благодѣяній. Его дружескія бесѣды съ учениками, Его прощаніе, Его послѣдняя бесѣда съ ними, наканунѣ смерти, чувствуешь, обращены и къ

намъ. Его, страданія обнаруживаются во всей ихъ ужасающей полнотѣ; жестокая казнь надъ Нимъ заставляетъ насъ, вмѣстѣ съ Его друзьями, проливать слезы у подножія Его креста. Чудодѣйственный триумфъ Его ободряетъ насъ, а при видѣ Его, возносящагося во славу, мы чувствуемъ въ себѣ полную надежды и силы, ибо Онъ оставляетъ намъ, какъ и вѣрнымъ ученикамъ Своимъ, Свой Духъ, побѣдившій міръ и творящій насъ чадами Божиими. Какая наука достойнѣе этой, чтобы посвятить ей жизнь?

Исторія имѣетъ два рода документовъ: одни суть мертвая буква, другіе полны жизни. Къ первымъ надо отнести какіе-либо остатки отъ народовъ, обществъ, исчезнувшихъ племенъ, какъ напримѣръ вырѣзанныя надписи на камняхъ, медаляхъ, пергаментѣ, свитки папирусовъ, покрытые іероглифами или знаками неизвѣстнаго языка; они не принадлежатъ никому отдѣльно, а сдѣлались общимъ достояніемъ, и не имѣютъ болѣе живого духа тѣхъ народовъ, которые могли бы ихъ истолковать; вторые составляютъ собственность извѣстнаго народа, извѣстнаго общества или извѣстной живой религіи. Они написаны на языкѣ, которымъ говорятъ и который понятенъ. Они сохраняются неприкосновенными у тѣхъ, кто ими живетъ и знаетъ имъ цѣну. Всѣ египетскіе, ассирійскіе, финикійскіе и тому подобные документы принадлежатъ къ первой категоріи. Евангелія же занимаютъ первое мѣсто во второй.

Никакая книга не заслуживаетъ болѣе ихъ названія живой. То, что заключаютъ въ себѣ Евангелія, составляетъ жизнь милліоновъ сознаній, мыслящихъ по нимъ, по нимъ располагающихъ свою жизнь и въ нихъ находящихъ свою надежду и утѣшеніе. Они — порожденіе религіознаго общества, которое по всей справедливости считаетъ ихъ своимъ благомъ, своимъ наслѣдственнымъ титуломъ, своимъ драгоценнѣйшимъ сокровищемъ. Это общество, которое подъ именемъ церкви наполняетъ весь міръ, предлагаетъ каждому свое Евангеліе, и истолкованіе его принадлежитъ единственно ему. Книга эта — его порожденіе, ибо изошла изъ него, а кто же можетъ лучше знать смыслъ какой-либо книги, какъ не тотъ, кто написалъ ее?

Если бы надо было доказывать эту простую и однако непризнанную истину, то всѣмъ забывающимъ ее, всѣмъ истолкователямъ Евангелій, которые, желая понять ихъ смыслъ, ставить ни во что церковь и ея традиціонное ученіе, я предложу слѣдующій вопросъ: «какой методъ употребляете вы для разъясненія какихъ-либо мертвыхъ документовъ? Вѣроятно, вы стараетесь воскресить въ вашемъ представленіи тотъ народъ, которому они принадлежали, и такимъ образомъ вы какъ бы вызываете его изъ праха и оживляете его, а затѣмъ, когда онъ предстанетъ предъ вами какъ живой, съ своимъ языкомъ, правами, ученіями, со всей своей исторіей, вы начинаете разборъ документовъ и осторожно стараетесь разъяснять ихъ, потому что историческое воскрешеніе завершившейся цивилизаціи или уничтожившагося народа ни въ какомъ случаѣ не будетъ вполне совершеннымъ». Но вѣдь не надобно забывать, что Евангельскіе документы, не—мертвые документы, ибо принадлежатъ народу живому, вполне живому, который постоянно растетъ, который говоритъ и поучаетъ, который не перестаетъ ихъ истолковывать, читать и оживлять на дѣлѣ. По какому же праву можно относиться къ нимъ точно къ какому папирусу, найденному въ гробницѣ какой-либо муміи, или точно къ какому старому пергаменту, забытому въ архивахъ запустѣлаго города?

Если бы египтяне времянь Рамзеса вновь пришли на берега Нила, они были бы наилучшими истолкователями своихъ письменъ: египтологи вѣроятно охотно согласятся съ этимъ. Въ качествѣ благонамѣреннаго критика и не ссылаясь даже на непоколебимую власть вселенской Церкви, дарованную ей ея Учителемъ на сохраненіе и истолкованіе вѣры, я прошу только взглянуть на Церковь, какъ на всякое живое и разумное общество, и признать, что сама она лучше, чѣмъ кто-либо разъяснить собственно ей принадлежащія книги.

Признавъ это право рѣшеннымъ, я не вижу никакого затрудненія приложить къ этимъ документамъ, оставшимся живыми, не смотря на вѣковую ихъ давность, методъ, состоящій въ томъ, чтобы представить ихъ себѣ какъ бы перенесенными въ ту самую среду, изъ которой они возникли, и на осно-

ваніи знакомства съ этой средою, усвоить себѣ драгоцѣнные элементы для лучшаго ихъ пониманія.

Да позволятъ мнѣ привести здѣсь одинъ примѣръ. У писателей Евангелій часто встрѣчается одно знаменательное выраженіе, истолкованіе котораго чрезвычайно важно; это выраженіе—Сынъ Божій—въ примѣненіи къ Іисусу.

Новѣйшіе критики, изучающіе Евангеліе точно какого-нибудь Геродота или Тита Ливія, справедливо говорятъ, что это выраженіе можно понимать различно, что оно принимается иногда въ метафизическомъ и нравственномъ смыслѣ и что съ этой точки зрѣнія можетъ быть примѣнено и дѣйствительно примѣняется къ людямъ.

Они прибавляютъ: въ этомъ-то именно смыслѣ и слѣдуетъ примѣнить его къ Іисусу.

Теперь вопросъ въ томъ, чтобы узнать, въ какомъ смыслѣ желалъ Іисусъ, чтобы это выраженіе было примѣнено къ Нему и въ какомъ смыслѣ называли Его такъ апостолы?

Этотъ вопросъ касается и событія и свидѣтельствъ. Церковь, хранительница преданій апостольскихъ, перечитывая и вмѣстѣ съ апостолами, и послѣ нихъ изъ вѣка въ вѣкъ то, чему они учили, утверждаетъ, что названіе — Сынъ Божій, всегда было, съ самаго того времени, какъ св. Петръ первый назвалъ Его такъ, и понынѣ есть названіе, означающее не какое-либо метафизическое или нравственное сыновство, но сыновство абсолютное, въ смыслѣ тождественности Божественной природы. Что же можетъ доказать какое-либо истолкованіе въ опроверженіе такого свидѣтельства? Конечно разумъ свободенъ отказать въ своей вѣрѣ слову церкви, равно какъ и слову апостоловъ и даже Самого Іисуса, но я не понимаю, какъ можно сказать самимъ писателямъ этихъ книгъ, или что то же, вѣрнымъ ихъ хранителямъ: «вы не знаете сами, что пишете и что читаете». Но кто же послѣ этого можетъ знать?

Для нѣкоторыхъ это названіе, понимаемое во вселенскомъ смыслѣ, можетъ показаться узкимъ или оскорбительнымъ, но если Самъ Іисусъ принималъ его въ этомъ смыслѣ, то исторіку остается только это подтвердить, потому что иначе онъ исказилъ бы исторію.

V.

Характеристичной чертой Евангельскихъ свидѣтельствъ служить также ихъ число, ихъ разнообразіе и ихъ полнѣйшая гармонія.

Число необходимо для достоинства свидѣтельствъ: оно гарантируетъ ихъ и подтверждаетъ. Четыре свидѣтеля, если слово ихъ, не смотря на индивидуальное различіе, остается согласнымъ, имѣютъ гораздо болѣе вѣсу, нежели одинъ.

Разнообразіе не менѣе важно, число безъ него не имѣло бы значенія. Четыре свидѣтеля, рассказывающихъ одно и то же въ выраженіяхъ совершенно одинаковыхъ, сливались бы въ одного. Законность свидѣтельства требуетъ изложеній, которыя согласовались бы въ основѣ и разнообразились бы въ подробностяхъ, не противорѣча тѣмъ не менѣе одно другому. Сравнивая Евангельскіе рассказы, мы находимъ въ нихъ такой именно характеръ. Исторія Иисуса, слагающаяся всецѣло изъ этихъ сливающихся одинъ съ другимъ рассказовъ, удостоверяетъ въ томъ читателя. Я не могу ничего лучше сдѣлать, какъ рекомендовать каждому убѣдиться въ этомъ лично на опытѣ. Долгомъ, однако, считаю предупредить, что самъ я разбиралъ съ точнѣйшимъ вниманіемъ всѣ противорѣчивыя мѣста, указываемыя нѣкоторыми критиками въ многосложномъ повѣствованіи четырехъ Евангелистовъ, и никогда не могъ отыскать никакого противорѣчія. Правда, я не позволялъ себѣ признавать за одно и то же событіе такой напримѣръ фактъ, въ которомъ, разбирая подробности, оказывалось два, и такимъ образомъ многія противорѣчія исчезали сами собою. Для примѣра я приведу вопросъ объ Іерихонскихъ слѣпцахъ. Я признаю два чуда; одно было совершено при входѣ Иисуса въ городъ, второе при выходѣ изъ него, и спрашиваю у истолкователей, которые видѣли только одно,—на какомъ обстоятельстве основывали они свой выводъ? Если по свидѣтельству Св. Луки нѣкоторый слѣпой былъ исцѣленъ Иисусомъ, когда Иисусъ входилъ въ городъ, зачѣмъ же отвергать его свидѣтельство? А если по свидѣтельству св. Матѳея и св. Марка двое другихъ слѣпцовъ, изъ которыхъ одинъ назывался Вар-

тмеемъ, получили исцѣленіе, когда Іисусъ уходилъ изъ города, то зачѣмъ отвергать ихъ разсказъ? «Преданіе на этотъ счетъ сбивчиво», отвѣчаютъ они,— «отсюда и сбивчивость повѣствователей». На какомъ основаніи выводятъ они такое заключеніе и какъ могутъ это утверждать?

Приведу въ примѣръ еще два родословія Іисуса—отъ св. Маттея и отъ св. Луки. Говорятъ, что оно противорѣчиво: если вѣрно первое, то невѣрно второе и наоборотъ, если истинно второе, то первое не можетъ быть такимъ.

При условіи отказаться отъ ложной гипотезы, достовѣрность обѣихъ этихъ родословій будетъ неопровержима. Почему же оба они не могутъ быть истинными? Не достаточно ли для этого только допустить, что онѣ и на самомъ дѣлѣ были различны? Первое выводитъ предковъ Іисуса отъ Или, котораго Іосифъ былъ законнымъ наслѣдникомъ, что дѣлаетъ св. Лука, второе же перечисляетъ предковъ Іосифа отъ Іакова сообразно Его натуральному сыновству, что дѣлаетъ св. Маттеей. И это называютъ измышленіемъ. Почему? Я имѣю столько же, если не болѣе правъ считать это за исторію.

Существенное условіе для того, чтобы повяты гармонію четырехъ Евангельскихъ свидѣтельствъ, заключается въ томъ, чтобы составить себѣ ясное понятіе о роли ихъ писателей. Передавая какое-либо событіе или бесѣду, они не имѣютъ притязанія сказать этимъ все, они отмѣчаютъ лишь нѣкоторыя черты, приводятъ лишь нѣкоторые отрывки, и для исторіи этого достаточно.

Что одинъ видитъ какъ бы въ профиль, то другой видитъ это впрямь. Нѣкоторая подробность поражаетъ болѣе одного, а нѣкоторая другого, и вслѣдствіе свободы, предоставленной рассказчикамъ, являются пропуски болѣе или менѣе произвольные и картины болѣе или менѣе отчетливыя. Было бы слишкомъ несправедливо, если бъ, сравнивая ихъ, стали заключать по пропуску какой-либо подробности въ одномъ разсказѣ о лживости этой самой подробности въ другомъ, гдѣ она встрѣчается. Истинная роль безпристрастнаго критика, при сравненіи документовъ, состоитъ именно въ томъ, чтобы пополнять ихъ одни другими.

Различія, встрѣчающіяся между четырьмя Евангелистами, имѣютъ многія не опредѣленныя причины, на которыя я укажу вкратцѣ. Если хорошо поразмыслить, то всё они разясняются самою личностью написавшаго, цѣлю, которую онъ преслѣдовалъ, непосредственными читателями, которыхъ имѣлъ въ виду, и опредѣленными историческими обстоятельствами среды, въ которой онъ жилъ. Эти обстоятельства часто заставляли ихъ выдвигать напередъ множество дѣяній и словъ Иисуса, которыя служили для нихъ за образецъ, на который они взирали, и какъ жизненное правило, которому они слѣдовали.

Поэтому, когда борьба между іудействующими христіанами и обращенными язычниками раздирала зарождающіяся церкви, то очень понятно, что слово Учителя, предсказывающее обращеніе язычниковъ, и тѣ трогательныя сцены, гдѣ Онъ хвалилъ ихъ видъ, ихъ вѣру, должны были очень живо воскреснуть въ памяти учениковъ. Эти обстоятельства опредѣляли цѣль писателей, которые, свидѣтельствуя о томъ, что творилъ и чему училъ Иисусъ, вновь утверждали вѣру и пресѣкали раздоры. Кружокъ читателей былъ такимъ образомъ ограниченъ цѣлю, подобно тому, какъ цѣль опредѣлялась обстоятельствами, а Живой Духъ преставившагося отъ сей жизни Учителя направлялъ Евангелистовъ въ выборѣ того, что надлежало сказать, или въ частности того, что до времени должно было оставаться сокрытымъ. Все въ нихъ было подчинено тому внутреннему наитію, которое руководило ими, безъ сомнѣнія, гораздо лучше, нежели какой-либо національный геній, руководя пишущими исторію своего отечества.

Каковъ бы ни былъ ихъ трудъ, собирали ли они свои воспоминанія, вопрошали ли различныхъ свидѣтелей жизни ихъ Учителя, справлялись ли съ какими предшествующими сочиненіями, Духъ Божій всегда былъ присущъ имъ, чтобы защитить ихъ отъ невниманія или обмана и поддержать въ полнотѣ истины ихъ свидѣтельства.

Ж.

(Окончаніе будетъ).

Метафизическія воззрѣнія кн. Сергѣя Трубецкаго.

I.

Предъ нами—сочиненіе кн. Сергѣя Трубецкаго «Метафизика въ древней Греціи», книга изданная въ Москвѣ въ настоящемъ году.

Все содержаніе этой книги распадается на десять главъ: 1) Метафизика въ религіи грековъ, 2) Милетская школа, 3) Пифагорейство, 4) Гераклитъ, 5) Элейская школа, 6) Эмпедокль, 7) Атомисты и атомизмъ, 8) Анаксагоръ, 9) Софисты и 10) Сократъ. Въ приложеніи къ книгѣ рѣчь идетъ о мистеріяхъ Самофракіи. Но мы ошиблись бы, если бы подумали, что князь Трубецкой хочетъ намъ представить объективную исторію древне-греческой философіи; нѣтъ, онъ дѣлаетъ гораздо больше: въ его книгѣ сдѣлана попытка дать русскому мыслящему обществу философію исторіи древней философіи. И въ этомъ заключается непосредственный интересъ книги Трубецкаго. Не только среди нашего русскаго общества, въ которомъ до послѣдняго времени философія не пользовалась особенною любовію, а «метафизика» могла быть только предметомъ насмѣшекъ, но и среди западно-европейскихъ ученыхъ и мыслителей могъ быть приписываемъ древне-греческой философіи только одинъ историческій интересъ. И въ самомъ дѣлѣ, кто въ наше время можетъ раздѣлять воззрѣнія какого-либо Фалеса, Анаксимандра или Анаксимена? Совершенно иначе понимаетъ значеніе древне-греческой метафизики князь Трубец-

кой, и въ этомъ, несомнѣнно, заключается его заслуга. «Греческая метафизика, говоритъ онъ, является намъ какъ связанное органическое цѣлое. Изучая ее, мы усвояемъ рядъ метафизическихъ положеній, которыя, при сравненіи съ послѣдующими открытіями умозрѣнія, являются основными и вмѣстѣ простѣйшими, элементарными. Поэтому изученіе классической философіи лежитъ въ основаніи изученія философіи вообще, въ основаніи всякаго правильнаго философскаго образованія. Это школа, въ которой созрѣла европейская мысль и которую долженъ пройти всякій желающій философствовать, всякій, желающій объективно обсуждать и понимать современные, болѣе сложные вопросы и задачи умозрѣнія... Поэтому греческая метафизика имѣетъ для насъ не отвлеченно-историческій, но философскій, догматическій интересъ. Первые главы метафизики были написаны греками; мы хотимъ изучить и усвоить себѣ ихъ положительное содержаніе. Во-вторыхъ, мы хотимъ изучить и то, какъ писалась эта метафизика, какъ она въ исторіи пишется, чтобы уяснить себѣ ея конкретную природу и понять, какимъ образомъ единая метафизическая истина можетъ и должна выражаться въ столькихъ и различныхъ образахъ, въ такомъ множествѣ разнообразныхъ и часто противоположныхъ системъ, какимъ образомъ единство ея въ нихъ сохраняется» (стр. 1-3).

Съ этимъ здравымъ и разумнымъ взглядомъ на характеръ и значеніе древне-греческой философіи. очевидно, нельзя не согласиться. И какъ были бы благодарны князю Трубецкому и защитники и даже противники метафизическаго умозрѣнія, если бы онъ въ своемъ трудѣ остался вѣренъ этому взгляду и далъ возможность своимъ читателямъ изучить элементы метафизики не въ той или другой случайной формѣ, но и въ ихъ стройномъ, постепенномъ и систематическомъ развитіи, какъ положительныя начала цѣльнаго философскаго міровоззрѣнія. Къ сожалѣнію, какъ увидимъ ниже, князь не сдержалъ своего обѣщанія. Благодаря этому обѣщанію заручившись симпатіями читателя, князь хотѣлъ лишь найти лазейку, чтобы въ метафизику древнихъ философовъ ввести свои собственные философскія воззрѣнія, позаимствованныя у одного

изъ недавнихъ нѣмецкихъ метафизиковъ и совершенно чуждыя древне-греческому умозрѣнію. И этого онъ думаетъ достигнуть чрезъ одно произвольное подтасовыванье древне-греческихъ философскихъ положеній по масштабу, указанному такимъ «нѣмецкимъ софистомъ», какъ Гегель.

Нельзя не поставить въ заслугу князю Трубецкому, этому молодому нашему мыслителю, того, что онъ 1) прекрасно опровергъ всѣ аргументы, обыкновенно выставляемые противъ возможности метафизики, какъ *a priori*, такъ и *a posteriori*, 2) ясно раскрылъ всю пустоту близорукаго эмпиризма, безусловно отрицающаго возможность перехода отъ явленія или состоянія личнаго сознанія къ чему-либо внѣшнему для этого сознанія, существующему независимо отъ него, наконецъ 3) указалъ на то важное значеніе, которое, безъ сомнѣнія, принадлежитъ метафизическому умозрѣнію. Въ послѣднемъ пунктѣ, Трубецкой, восхваляя философію и въ особенности метафизику, къ сожалѣнію, зашелъ слишкомъ далеко и сказалъ больше, чѣмъ сколько слѣдовало бы. «Мы находимъ философію, говоритъ онъ (стр. 32—33), впереди умственного движенія человѣчества; ея идеи и умозрѣнія, ея «утопіи» реформируютъ религіи, преобразуютъ общество, даютъ литературѣ направленіе и высшее содержаніе; она стоитъ впереди науки, ставитъ ей цѣли, опредѣляетъ ея методы, даетъ ей гипотезы, организуетъ совокупность знаній каждой данной эпохи въ стройное цѣлое. А метафизика—завѣтное святое святыхъ философіи, ея душа: отнимите метафизику, философія распадется. Та тѣнь единства, которая вносится мыслителями отрицательнаго направленія въ отдѣльныя философскія дисциплины, есть лишь отблескъ скрытой метафизики. Она есть то, что дѣлаетъ философію философіей, что отличаетъ ее отъ опытнаго, эмпирическаго знанія. Въ древности метафизика первая возстала противъ языческаго многобожія и проповѣдала единого духовнаго Бога свободною разумною проповѣдью. Она приготовила все просвѣщенное челоуѣчество древняго міра къ разумному усвоенію началъ христіанства и, вдохновленная духомъ Христовымъ, создала православную догму, христіанскій гнозисъ св. отецъ. Она развила эту догму въ стройное зда-

ніе и выражала въ себѣ разумное и свободное сознаніе Христовой истины. Потомъ, когда въ германской Европѣ эта догма, застывъ въ своей древней формѣ, явилась внѣшнимъ, чуждымъ игомъ, метафизика первая освободила умы, направивъ ихъ на самодѣятельное и свободное изслѣдованіе какъ природы, такъ и духа и религіи. Она подготовила реформацію какъ въ послѣдствіи и другія великія соціальныя движенія, перевороты и преобразованія новаго времени».

Насколько мало древняя языческая метафизика не отрицательно, конечно, а положительно приготавлила все просвѣщенное человѣчество древняго міра къ разумному усвоенію началъ христіанства и какъ далеко отъ истины утвержденіе, что она создала будто бы *православную* догму, христіанскій гнозисъ св. отецъ и развила ее въ стройное зданіе,—объ этомъ мы подробно будемъ говорить въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Но не можемъ мы здѣсь не отмѣтить того, какъ не велико было бы достоинство метафизики, если бы она дѣйствительно, какъ утверждаетъ князь, подготовила реформацію. Не много нужно было философской эрудиціи для того, чтобы увидѣть, насколько продажа индульгенцій, папское самообоготвореніе и другія злоупотребленія, допущенныя католическою церковію, противорѣчили чистому ученію Христа. Но дѣло въ томъ, что заслугу реформаціи князь Трубецкой полагаетъ не въ осужденіи злоупотребленій католической церкви, а въ томъ, что она «освободила умы» какой-то «германской Европы» отъ «*православной* догмы», созданной древнею метафизикою, развившейся въ стройное зданіе и выражавшей въ себѣ разумное и свободное сознаніе Христовой истины, когда «эта догма, застывъ въ своей древней формѣ, явилась внѣшнимъ, чуждымъ игомъ». Итакъ, князь восхваляетъ философію за то, что, при посредствѣ реформаціи, она разрушила *православную*, по его собственнымъ словамъ, т. е., истинную догму христіанства... Похвала не лестная для философіи. Но немного чести дѣлаетъ кн. Трубецкой философіи и въ томъ случаѣ, когда, желая восхвалить ее, онъ утверждаетъ, будто бы она же подготовила и другія великія соціальныя движенія, перевороты и преобразованія новаго времени. Неужели фран-

цузскіе энциклопедисты, вызвавшіе, дѣйствительно, во Франціи ужасный государственный переворотъ, и суть тѣ именно «философы», которыхъ такъ превозноситъ нашъ новый мыслитель? Или въ его глазахъ здравая философія является тождественною съ нигилизмомъ, социализмомъ, космополитизмомъ и другими исчадіями односторонняго и поверхностнаго материализма? Истинная философія и истинно здравомыслящіе люди переворотовъ не производили никогда, — но они лишь содѣйствовали прогрессу, развитію человечества, его усовершенствованію. Думаемъ, что въ этомъ отношеніи князь Трубецкой переступилъ границы, отдѣляющія истинное достоинство философіи отъ не заслуженной ею клеветы.

Къ числу достоинствъ книги Трубецкого нельзя не отнести, наконецъ, и ея языка. Она читается легко; ея языкъ отличается плавностію и картинностію, — свойства рѣдко встрѣчающіяся въ нашихъ философскихъ разсужденіяхъ. И даже бросается въ глаза, что чѣмъ выше и отвлеченнѣе затрогиваемый авторомъ предметъ, тѣмъ языкъ его живописнѣе и проще. Недостатки его незначительны: это — встрѣчающіеся по мѣстамъ обороты рѣчи, построенные въ духѣ французскаго языка («Изучая все богатство, намъ особенно важно...» стр. 37 и др.) и нѣкоторыя необычныя выраженія, рѣжущія непріятно уши читателя, какъ, напр., «опознанное презрѣніе» (стр. 43), «окрестивъ боговъ новыми именами» (стр. 67) «плутать и странствовать по Греціи» (стр. 68), «душескитаніе» вм. «переселеніе душъ» (стр. 82), «разнобожіе» (стр. 84), «своебожіе», «однобожіе» (стр. 87), «боги природны по происхожденію» (стр. 107), «чувственность боговъ антропоморфна» (ibid) и т. п.

Къ сказанному выше о достоинствахъ книги Трубецкого, при всемъ желаніи быть безпристрастными цѣнителями ея, мы, къ сожалѣнію, ничего больше не можемъ прибавить. Но да проститъ намъ нашъ молодой мыслитель, если мы гораздо больше вниманія посвятимъ въ его книгѣ тому, что намъ кажется ея серьезными недостатками.

Разсматриваемая сама по себѣ, книга кн. Трубецкого «Метафизика въ древней Греціи» не имѣетъ серьезнаго научнаго значенія и даже не отличается оригинальнію. О самой ре-

лигіи грековъ Трубецкой говоритъ не на основаніи «первоначальныхъ источниковъ», а лишь съ чужого голоса. Въ этой области изслѣдованія онъ избралъ своими руководителями не Гомера и Гезіода, а Преллера, Мюллера, Велькера, Негельсбаха, Лобекка, Гроте, Гергарда, Рошера, Прейсса, Мори и др. Ему, повидимому, совершенно незнакомы такіе классики по греческой мѣологіи, какъ Вагнеръ (Homer und Hesiod) и Нятциль (Sagenproesie d. Griechen); даже къ сочиненію Шеллянга (Philosophie d. Mythologie) онъ, кажется, не пытается особенныхъ симпатій. Но поелику ученикъ никогда не можетъ быть выше своего учителя, то неудивительно, что и Трубецкой не могъ пойти дальше своихъ руководителей. И книга его не могла дать ничего, что возвышалось бы надъ результатами, достигнутыми западно-европейскими учеными.

Русскому обществу, мало знакомому съ тѣмъ, что сдѣлано въ Европѣ по предмету греко-римской мѣологіи, князь Трубецкой принесеть, кажется, больше вреда, чѣмъ пользы. Безспорно, русскіе люди сказали бы большое спасибо молодому ученому, если бы онъ только съ объективнымъ безпристрастіемъ познакомилъ насъ съ тѣми результатами, которые достигнуты западно-европейскою наукою въ области греческой мѣологіи. Къ несчастію, у князя Трубецкого именно этого «объективнаго безпристрастія» и нѣтъ. Онъ идетъ за своими европейскими руководителями «зря», не подвергнувъ предварительно ихъ воззрѣній научно-исторической критикѣ, не разобравшись среди нихъ, не отдѣливъ искреннихъ друзей отъ притворныхъ враговъ истины, увлекаясь ими исключительно потому, что находилъ въ ихъ книгахъ что-либо подходящее къ своимъ воззрѣніямъ. А что получилось въ результатѣ такого ненаучнаго, некритическаго отношенія къ дѣлу? Подъ видомъ греческой мѣологіи князь Трубецкой преподнесъ русской читающей публикѣ не то представленіе, какое дѣйствительно древніе греки временъ Гомера, Гезіода, Геродота, Пинеагора, Гераклита, Сократа или Платона имѣли о своихъ многочисленныхъ богахъ, а позднѣйшее идеализированное представленіе языческихъ враговъ христіанства, жившихъ уже во второй половинѣ 4-го вѣка, и, по прика-

запію богоотступника Юліана, въ видѣ христіанскихъ проповѣдей, объяснившихъ народу древніе міѳы въ смыслѣ близкомъ къ вѣроученію христіанскому, но за то совершенно чуждомъ древнимъ языческимъ грекамъ. Удивительно ли послѣ этого, что, чрезъ свое враждебно-христіанское пониманіе греческой языческой религіи, самъ Трубецкой, быть можетъ, во все не желая того, является враждебнымъ въ отношеніи къ религіи христіанской? Далѣе, можно ли удивляться, если послѣ такихъ западно-европейскихъ руководителей онъ нашелъ подобный же авторитетъ и въ такомъ русскомъ ученомъ, какъ В. С. Соловьевъ, къ сочиненію котораго «Исторія и будущность Теократіи» онъ, повидимому, питаетъ особенное благоговѣніе...

Самую метафизику древней Греціи князь Трубецкой также знаетъ исключительно со словъ своихъ нѣмецкихъ руководителей. Между ними первое мѣсто занимаетъ безспорно рѣдкій историкъ философской мысли древней Греціи—Целлеръ, а затѣмъ въ обычномъ порядкѣ слѣдуютъ: Шwegлеръ, Дильсъ и т. п. Само собою разумѣется, мы ничего не можемъ возразить противъ пользованія трудами этихъ ученыхъ: но самая книга нашего молодого философа отъ этого мало выигрываетъ. Въ сравненіи съ ними она не говоритъ ничего новаго; кому же она нужна въ такомъ случаѣ? Кто способенъ интересоваться научными философскими изслѣдованіями, тотъ, по всей вѣроятности, уже раньше чтенія книги Трубецкого прочелъ и Целлера, и Шwegлера.

Методъ изслѣдованія, избранный княземъ Трубецкимъ въ его «Метафизикѣ въ древней Греціи», также не отличается ни новизною, ни оригинальностію, ни даже основательностію. Князь позаимствовалъ его у Гегеля и, чтобы привлечь къ нему симпатіи читателя, воспѣлъ ему предварительно совершенно незаслуженный имъ гимнъ. «Законъ развитія мысли, говоритъ Трубецкой (стр. 34), былъ впервые раскрытъ нѣмецкими философами нашего вѣка, главнымъ образомъ Гегелемъ,—открытіе, составляющее справедливую гордость современной философіи. Ибо сознаніе этого закона способствуетъ сознанію единства мысли въ разнообразіи ея путей». Этотъ

столь восхваляемый нами мыслителемъ законъ развитія мысли, составляющій будто бы справедливую гордость современной философіи, обыкновенно называется *діалектическимъ* методомъ—самопроизвольнымъ движеніемъ понятія (*Selbstbewegung des Begriffs*). Князь Трубецкой въ краткихъ словахъ такъ передаетъ ученіе Гегеля объ этомъ діалектическомъ развитіи мысли. «Первый исходный моментъ его, говоритъ онъ, есть непосредственное единство основы развитія, «субстанціальное единство»: попросту это первоначальное, неопредѣленное безразличіе, въ которомъ никакія конкретныя различія не имѣютъ еще мѣста, въ которомъ, какъ въ сѣмени, въ скрытомъ потенціальномъ состояніи заключается все грядущее развитіе. Второй моментъ есть моментъ раздвоенія, разложенія, *анализа*. Это моментъ діалектической по преимуществу: здѣсь выступаютъ противоположности, обособляются различія, расчленяются отдѣльныя части развивающагося цѣлаго. То, что прежде лишь заключалось въ самой вещи (*an sich*), что *было* въ ней сливаясь въ неопредѣленномъ единствѣ, то начинаетъ теперь *существовать для себя* (*für sich*), то обособляется и сознается въ своемъ различіи. Въ извѣстномъ смыслѣ этотъ второй моментъ развитія есть отрицаніе перваго, рефлексія, уничтожающая все непосредственное; это переходъ отъ первоначальнаго единства къ *его другому*. Третій моментъ есть моментъ высшаго объединенія и примиренія обособившихся различій и противоположностей, моментъ *синтеза*, который осуществляетъ живое нераздѣльное единство въ органическомъ, несліянномъ различіи и многообразіи. Здѣсь развивающееся вновь возвращается къ себѣ изъ своего другого, отрицая свое отрицаніе. То, что *было* въ самой вещи, что обособилось въ моментъ анализа и *существовало для себя*, то теперь *живетъ о себѣ и для себя* (*an und für sich*) въ конкретномъ, живомъ многообразіи» (стр. 35).

Этотъ законъ развитія мысли и соотвѣтствующій ему діалектической методъ изслѣдованія, впервые раскрытые во всей полнотѣ величайшимъ нѣмецкимъ метафизикомъ—Гегелемъ, съ безграничнымъ довѣріемъ усвоетъ и князь Трубецкой. По его словамъ, моментъ непосредственнаго первоначальнаго

единства, моментъ различія или отрицанія, *анализа* и моментъ высшаго конкретнаго единства, органическаго *синтеза*, заключаются во всякомъ процессѣ развитія, въ развитіи мысли человѣческой, какъ въ ея цѣломъ, такъ и въ ея частныхъ системахъ, а слѣдовательно заключаются и во всякомъ процессѣ познанія истины. Эти три момента заключаетъ въ себѣ какъ философія вообще, такъ и каждая изъ ея отдѣльныхъ системъ въ частности. Самая религія подчиняется въ своемъ развитіи только одному этому непреклонному и неизмѣнному закону. Доказательство такого положенія Трубецкой силится представить намъ всѣмъ содержаніемъ своей книги.

Мы не принадлежимъ къ числу слѣпыхъ поклонниковъ Гегелевской діалектики и не увлекаемся, подобно Трубецкому, неизмѣннымъ и монотоннымъ механизмомъ его дедукціи. Заслуга Гегеля въ этомъ отношеніи состоитъ въ томъ, что, вопреки Канту, онъ указалъ на *различіе*, какъ на важнѣйшій моментъ въ процессѣ человѣческаго знанія, которое онъ называетъ прямо аналитическимъ. Тѣмъ не менѣе справедливость заставляетъ насъ сказать, что Гегель не первый и не единственный философъ, точно опредѣлившій этотъ характеристическій моментъ въ нашемъ познаніи. Такъ же думали даже нѣкоторые изъ древнихъ греческихъ мыслителей, какъ, на примѣръ, Анаксагоръ, Аристотель, изъ схоластиковъ — Тома Аквинатъ и др. Самъ Гегель весьма кратко охарактеризовалъ прославленный имъ законъ діалектическаго развитія: «чтобы быть для себя, идея противопоставляетъ себя себѣ и въ этомъ другомъ остается при себѣ»¹⁾. Но его ошибка состоитъ въ томъ, что этому діалектическому закону онъ придалъ не только механическое, но и абсолютное значеніе, утверждая, что этотъ законъ не есть только законъ развитія познаній, но и законъ развитія бытія, что «методъ не есть что-либо отличное отъ своего предмета и содержанія, что онъ есть самъ въ себѣ содержаніе, та присущая ему діалектика, которая именно и подвигаетъ его впередъ». Отсюда происходила та самовуѣренность Гегеля въ области познанія, ко-

¹⁾ Encycl. d. ph. Wis. § 18. стр. 25.

торая нерѣдко дѣлала его смѣшнымъ въ глазахъ его противниковъ. Признавъ тожество бытія и мышленія и считая безусловнымъ и неизмѣннымъ законъ діалектическаго развитія въ той и другой области, Гегель считалъ достаточнымъ познаніе только этого закона для объясненія всѣхъ явленій бытія и отвергалъ смыслъ и значеніе всякаго другого знанія. И вотъ нѣсколько примѣровъ того, къ какимъ результатамъ познанія достигъ самъ Гегель, примѣняя вышеуказанный законъ развитія къ жизни. «Объективированныя во внѣ чувства животнаго суть солнце, лунныя и кометныя тѣла. Субъективное зрѣніе выброшенное наружу, вотъ—солнце». «Земля исключаетъ изъ себя свою абстрактно-прѣсную воду, которая въ этихъ изліяніяхъ спѣшитъ къ конкретной своей жизненности, къ морю. Самое море есть эта высшая передъ воздухомъ жизненность, субъектъ горечи, нейтралитета и растворенія, - живой процессъ, всегда готовый прорваться въ жизнь, но всегда падающій опять-таки въ воду. Но тутъ непосредственно возникаетъ организмъ, не производя ничега далѣе. Море есть пѣтугъ къ переходу въ растительность». «Воздухъ превращается въ огонь чрезъ сгущеніе и въ этомъ состоитъ абсолютное происхожденіе огня». «Исцѣленіе болѣзней состоитъ въ томъ, что организмъ прекращаетъ свои дразги съ частнымъ, которыя онъ считаетъ ниже своего достоинства, и возвращается самъ въ себя» и т. д. ¹⁾. Вотъ къ какимъ нелѣпымъ результатамъ можетъ привести діалектическій методъ познанія, понятый механически и безусловно примѣняемый ко всякой области знанія.

Этотъ же методъ былъ примѣненъ Гегелемъ и въ его изслѣдованіи исторіи развитія философской мысли (въ его университетскихъ чтеніяхъ). Результатъ получился тотъ же. Оказывается, что исторія философской мысли представляетъ собою не исторію развитія человѣческаго самосознанія, а самосознанія абсолютнаго, необходимаго внѣшняго, которое лишь проявлялось въ формахъ человѣческаго самосознанія по неизмѣнному и неизбѣжному закону механической дедукціи

¹⁾ А. Риль: «Теорія науки и метафизики» М. 1887 г, стр. 143—147.

путемъ чисто внѣшняго діалектическаго развитія. Отсюда, — искусственность, натянутость представленія въ ущербъ жизненной дѣйствительности. У Гегеля мы видимъ стройную и художественную картину, но не явленій дѣйствительной жизни, а лишь отвлеченныхъ понятій и идей; предъ нашими глазами проходитъ въ стройномъ порядкѣ рядъ пустыхъ призраковъ.

Гегель вѣрно указалъ моменты нашего познанія; но самый выводъ этихъ моментовъ одного изъ другого онъ опредѣлялъ невѣрно и не въ той послѣдовательности, въ какой онъ совершается въ дѣйствительности. Онъ не обратилъ вниманія на то, что три момента его діалектическаго метода — интуиція, анализъ и синтезъ, или: тезисъ, антитезисъ и синтезисъ, — бытіе, ино-бытіе, и возвращеніе бытія въ самое себя — въ дѣйствительности вовсе не являются въ томъ именно порядкѣ, какой онъ указываетъ теоретически въ своей логикѣ, и что синтетическое обобщеніе частей цѣлаго перѣдко предупреждаетъ полное аналитическое разложеніе ихъ и никогда ни одинъ изъ этихъ моментовъ не проявляется въ своемъ чистомъ видѣ: синтезъ немислимъ безъ предварительнаго анализа частей, но и анализъ возможенъ лишь тамъ, гдѣ предварительно дано синтетически мыслимое цѣлое, подлежащее разложенію въ частяхъ.

Князь Трубецкой не первый изъ русскихъ ученыхъ, слѣдующихъ указанному методу Гегеля; извѣстный нашъ ученый Ор. Новицкій въ своемъ сочиненіи — «Постепенное развитіе древнихъ философскихъ ученій въ связи съ развитіемъ языческихъ вѣрованій» (Кіевъ 1860 г.) — также смотритъ на исторію развитія философской мысли лишь съ точки зрѣнія великаго нѣмецкаго метафизика. Трубецкой несомнѣнно признаетъ дѣйствіе діалектическаго процесса развитія не только въ области мышленія, но и въ области бытія. Это видно и изъ словъ его особенно въ опредѣленіи третьяго момента: «то, что было въ самой вещи..., то теперь (въ третьемъ моментѣ) живетъ о себѣ и для себя въ конкретномъ, живомъ многообразіи», — и изъ того, что подъ этотъ діалектическій процессъ развитія онъ старается подвести и развитіе философской мысли въ древней Греціи.

Итакъ методъ, принятый княземъ Трубецкимъ не представляетъ ни новизны, ни оригинальности, ни даже усовершенствованія въ его развитіи по сравненіи съ тѣмъ, какъ онъ былъ раскрытъ Гегелемъ. Къ сожалѣнію, въ рукахъ нашего ученаго онъ привелъ и къ тѣмъ самымъ недостаткамъ, которые повсюду встрѣчаются въ гегельянскихъ работахъ. Его исторія греческой метафизики представляетъ ходъ развитія не человѣческаго самосознанія, а чего-то внѣшняго, необходимаго, неизбѣжнаго, если не сказать прямо-абсолютной идеи въ формахъ и условіяхъ развитія человѣческаго самосознанія. Все идетъ какъ-то механически, безжизненно, сухо: совершенное отсутствіе во всей греческой метафизикѣ личной инициативы и особенностей индивидуальнаго мышленія, различныя системы чужды всякой окраски личныхъ условій жизни ихъ виновниковъ, рѣчь идетъ словно не о мыслящихъ людяхъ, живыхъ и дѣйствующихъ въ извѣстное время, въ извѣстной странѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, а о какихъ-то сухихъ и безжизненныхъ носителяхъ такихъ же безжизненныхъ и отвлеченныхъ идей...

Само собою понятно, что, подобно Гегелю, и Трубецкому пришлось прибѣгать къ натяжкамъ и искусственности приемовъ при примѣненіи къ исторіи философіи невѣрно истолкованнаго закона діалектическаго развитія человѣческой мысли. Отсюда его исторія греческой метафизики вышла неправдоподобною, дѣланною, неестественною. Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ. Ученіе элейцевъ и Гераклита, съ точки зрѣнія какъ Гегеля, такъ и Трубецкаго, примиримы лишь въ конкретномъ идеалѣ абсолютнаго положительнаго всеединства, осуществляющаго живое единство во множествѣ, — въ пифагорействѣ (стр. 39). Т. е., говоря языкомъ Гегеля, ученіе элеатовъ мы должны назвать *тезисомъ*, ученіе Гераклита — *антитезисомъ*, или *анализомъ*, пифагорейство — *синтезомъ*. Но такъ какъ всякій законъ развитія, а слѣдовательно и законъ діалектическаго развитія, дѣйствуетъ во времени, то, кромѣ рациональной или принципіальной стороны, слѣдуетъ обратить нѣкоторое вниманіе и на хронологическія указанія исторіи. Что же мы видимъ? — Первый представи-

тель элеатской философіи *Ксенофанъ* жилъ въ концѣ VI вѣка до Р. Х., а умеръ въ первой половинѣ V вѣка, *Гераклитъ* жилъ около 475 г. до Р. Х., а *Пифагоръ* — въ VI вѣкѣ до Р. Х. Какъ же теперь примирить эти хронологическія данныя съ тѣми моментами діалектическаго развитія, которыми, по словамъ князя Трубецкого, обуславливалось будто бы и развитіе древне-греческой метафизики? По всему видно, что въ этомъ пунктѣ Трубецкой чувствовалъ себя крайне неловко и захотѣлъ отдѣлаться пустою фразою, утверждая, <что этотъ идеаль всеединства былъ *интуитивно предвосхищенъ пифагорействомъ*, зародившимся еще до появленія элейцевъ и Гераклита> (стр. 39). Т. е. закону діалектическаго развитія въ древне-греческой метафизикѣ князь Трубецкой предоставляетъ долгосрочный, болѣе чѣмъ столѣтній, кредитъ и хочетъ насъ увѣрить, что Пифагоръ въ своей системѣ могъ синтезировать такія части философіи, которыя явились на свѣтъ Божій только сто лѣтъ спустя послѣ его смерти. Явная несообразность!

Вмѣстѣ съ методомъ изслѣдованія князь Трубецкой позаимствовалъ у Гегеля и взглядъ на религію, какъ на одну изъ низшихъ ступеней метафизическаго знанія. По ученію Гегеля, религія есть синтезъ безконечнаго (тезисъ) и конечнаго (антитезисъ), но синтезъ не законченный, скорѣе необходимый кризисъ, борьба между духомъ конечнымъ и духомъ безконечнымъ, подобная борьбѣ патріарха Іакова съ Богомъ. Поэтому на религію Гегель смотритъ какъ на подготовительную ступень къ наукѣ и философіи, которая должна дать духу возможность подчинить себѣ все конечное, всѣ области феноменальнаго бытія. Сама по себѣ религія въ своемъ естественномъ развитіи также обязательно должна пройти всѣ три момента діалектическаго процесса: религіи Востока—тезисъ, греко-римское язычество—антитезисъ, христіанство—синтезисъ. Такимъ образомъ, христіанство, по ученію Гегеля, есть только конечный результатъ въ естественномъ ходѣ развитія религіознаго сознанія человѣчества. Правда, Гегель иногда называетъ христіанскую религію откровенною религіею (*die offenbare Religion*), но лишь въ смыслѣ религіи сознающей самое себя. Фейербахъ еще полнѣе раскрылъ эти по-

ложенія Гегеля, утверждая совершенную «концепцію философіи и религій, какъ ступеней одного и того же развитія».

Князь Трубецкой въ своей «Метафизикѣ въ древней Греціи» слѣпо идетъ по этому же самому пути. «Первоначальная метафизика каждаго народа, говоритъ онъ (стр. 48), заключается въ его религіозныхъ понятіяхъ и представленіяхъ. Въ нихъ скрываются всѣ тѣ идеи, съ которыми оперируетъ впоследствии метафизика, идеи о сверхчувственномъ, божественномъ, о душѣ и духѣ, о причинѣ и концѣ всѣхъ вещей. *Религія есть метафизика до философіи*, доисторическая метафизика, на почвѣ которой вырастаетъ современемъ историческое философское умозрѣніе. И первые шаги такого умозрѣнія всегда направлены на первоначальное религіозное содержаніе; первая философія всѣхъ народовъ заключается въ ихъ священныхъ книгахъ, какъ въ Вѣдахъ и Упанишадахъ индусовъ, въ теогоническихъ поэмахъ грековъ, въ Библии—у христіанъ». «До начала умозрѣнія, продолжаетъ князь, религія уже свидѣтельствуетъ съ безусловной авторитетностію и съ полнотою убѣжденія, что *есть* метафизическій объектъ, метафизическій міръ и существованіе. Мало того, религія не только свидѣтельствуетъ объ одномъ бытіи метафизическаго начала вообще, но въ дѣятельномъ отношеніи къ нему всего человѣческаго существа порождаетъ цѣлую систему представленій о немъ—систему, которую грядущей философіи предстоитъ сознательно уразумѣть, чтобы затѣмъ принять или отвергнуть, утвердить или разрушить; въ религіи метафизическое отъ начала опредѣляется конкретно. Далѣе, что всего важнѣе, религія порождаетъ не одни метафизическія представленія и понятія, но особый складъ ума, особое настроеніе чувства и воли по отношенію къ метафизическому міру. И это настроеніе, обнимающее цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ и сложныхъ духовныхъ явленій, развитое многими вѣками религіозной жизни цѣлыхъ народовъ, становится почвою религіознаго преданія, его духомъ, который остается даже тамъ, гдѣ религіозныя представленія поблекли или вовсе исчезли, гдѣ понятія развились или вовсе измѣнились».

Изъ приведеннаго разсужденія Трубецкого, въ которомъ

(разсужденіи) рѣчь идетъ о религіи вообще, не исключая и христіанской, и въ которомъ Библия христіанъ поставлена на ряду съ теогоническими поэмами грековъ, читатель легко можетъ увидѣть, какъ нашъ мыслитель смотритъ на религію, ея сущность, происхожденіе и характеръ, и насколько онъ остается вѣрнымъ своимъ наставникамъ Гегелю и Фейербаху. Для него всякая религія есть только метафизика до философіи, до-историческая метафизика, низшая ступень метафизическаго познанія; поэтому и въ своей книгѣ, имѣющей представить намъ ходъ развитія метафизическихъ возрѣній въ древней Греціи, на первомъ мѣстѣ онъ ставитъ *метафизику въ религіи грековъ*, какъ до-историческую метафизику, а затѣмъ уже говоритъ о метафизикѣ древне-греческихъ историческихъ школъ — милетской, пифагорейской и т. д. Но такъ какъ религія есть только метафизика до философіи, низшая ступень философскаго знанія, то естественно было утверждать какъ самому Гегелю, такъ и его послѣдователямъ, что философія вполнѣ можетъ замѣнить религію, какъ ступень высшаго познанія низшую и менѣе совершенную. Гегель признавалъ религію низшею ступенью философскаго знанія только потому, что въ ней это знаніе дано лишь въ образахъ и представленіяхъ, тогда какъ философія заключаетъ его въ понятія и идеи. То же самое признаетъ, очевидно, и князь Трубецкой, когда утверждаетъ, что «въ религіи метафизическое отъ начала опредѣляется конкретно» (стр. 49). Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ своей книгѣ Трубецкой не даетъ намъ ничего новаго и оригинальнаго, онъ предлагаетъ вниманію русской читающей публики только то, что было сказано Гегелемъ, давнымъ давно признано ложнымъ, и въ Германіи уже почти никого не интересуетъ, особенно въ виду новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій по предмету сравнительнаго изученія религій, бросившихъ совершенно новый свѣтъ на ихъ характеръ и происхожденіе.

Этимъ указаніемъ на зависимость возрѣній Трубецкого отъ возрѣній Гегеля, собственно говоря, наша задача исчерпывается, такъ какъ мы имѣли въ виду разбирать возрѣнія только Трубецкого, но никакъ не Гегеля, и такъ какъ несо-

стоятельность гегельянскихъ воззрѣній, представляющихъ нынѣ только историческій интересъ, уже давнымъ-давно доказана и обратилась въ достояніе школьныхъ учебниковъ, не исключая и русскихъ ¹⁾. Но поелику опытъ князя Трубецкого доказываетъ намъ, что среди русскихъ людей, стоящихъ по философской эрудиціи ниже нѣмецкихъ мыслителей, хотя и проявляющихъ сильное стремленіе къ философскому мышленію, находятся по временамъ любители повторять нѣмецкіе зады и увлекаться изношеннымъ гегельянскимъ старьемъ, то мы съ своей стороны считаемъ нелишнимъ указать здѣсь хотя вкратцѣ тѣ основанія, по которымъ должно признать несостоятельнымъ взглядъ на религію какъ на метафизику до философіи.

Обыкновенно на религію и философію смотрятъ какъ на ступени одного и того же развитія потому, что предметы философскаго мышленія и религіозной вѣры близко соприкасаются между собою, такъ что основныя и всеобщія истины религіи (вопросъ о высшемъ началѣ бытія или Богѣ, взглядъ на міръ, на человѣка, на мотивы его нравственной дѣятельности, послѣднія цѣли его бытія) всегда признавала и философія важнымъ предметомъ своего изслѣдованія. Но одинаковость предмета изслѣдованія еще не даетъ права заключать о тождественности самого знанія, или ставить одно знаніе въ подчиненіе другому въ самомъ процессѣ развитія. Человѣкъ является предметомъ и исторіи, и анатоміи; но мы не думаемъ, чтобы кто-либо сталъ утверждать, что анатомія замѣнитъ исторію или что исторія есть низшая ступень знанія анатомическаго. Дѣло въ томъ, что хотя по предмету своего знанія религія и философія и соприкасаются, но 1) ихъ знанія вытекаютъ изъ разныхъ источниковъ, а 2) характеръ одного знанія совершенно отличенъ отъ характера другого знанія.

Философское знаніе есть знаніе раціональное и научное; оно имѣетъ своимъ источникомъ прирожденную человѣку идею истины. Человѣкъ создаетъ философію потому, что онъ мыслить, его разсудокъ требуетъ противопоставить себѣ міръ,

¹⁾ Срв. напр., Введеніе въ философію В. Д. Кудрявцева. М. 1889 г. стр. 40—43.

указать различіе его отъ своего я, найти причинную связь между отдѣльными явленіями и частное подчинить общему, пока, наконецъ, онъ не доходитъ до одного высшаго начала, или идеи истинно сущаго и первоначальнаго. Итакъ, всякое философское знаніе обязано своимъ происхожденіемъ исключительно одному разсудку человѣка и его врожденному стремленію къ отысканію истины всего сущаго. Совершенно изъ другого источника вытекаетъ знаніе религіозное, основывающееся не на выводахъ и заключеніяхъ человѣческаго разсудка, а на вѣрѣ и довѣріи къ высшему авторитету. Источникъ всякаго религіознаго вѣдѣнія есть *откровеніе* Божества; съ нимъ не мирится философское знаніе естественно потому, что оно не вытекаетъ изъ разсудочныхъ выводовъ, а дается отвнѣ и выше знанія разсудочнаго, почему и не всегда можетъ подходить подъ законы человѣческаго познанія. Въ силу этого религіозное знаніе или вѣдѣніе должно быть называемо не знаніемъ, а *вѣрою*. Ниже мы постараемся доказать, что, собственно говоря, *естественныхъ* религій, т. е., религій, созданныхъ только одною фантазіею человѣка, или его разсудкомъ, нѣтъ и никогда не было. Всѣ религіи имѣютъ несомнѣнно Божественное откровеніе своимъ *первоисточникомъ*, а потому и заключаютъ въ себѣ истины вышечеловѣчскія, недоступныя разсудку, но часто имъ искажаемыя и затемняемыя. А если такъ, то очевидно, что, по самому источнику своему, характеру и происхожденію, истины религій не могутъ составлять низшей ступени философскаго развитія, и религія не можетъ быть названа метафизикою до философіи, или метафизикою доисторическою, какъ утверждаетъ князь Трубецкой.

Все это, конечно, такъ, но не нужно забывать того, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло. Мы имѣемъ дѣло съ людьми, не вѣрующими не только въ Божественное откровеніе, но и въ самое бытіе личнаго Бога, ибо только въ этомъ можетъ заключаться причина, побуждающая *всякую* религію признавать лишь метафизикою до философіи и низводить ее на ступень низшаго знанія философскаго. Въ виду этого намъ по необходимости приходится становиться на точку зрѣнія своихъ

противниковъ и брать въ руки оружіе, съ которымъ они сами выступаютъ въ борьбу съ истиною.

Думаемъ, что христіанской религіи самъ Трубецкой не назоветъ *метафизикою до философіи*, по крайней мѣрѣ, до философіи древне-греческой. Что же такое, по его взгляду, христіанство? — Результатъ естественнаго развитія естественной религіи, но результатъ, продолжающій свое существованіе еще и въ наши дни. Теперь спрашивается: если религія есть только метафизика до философіи, до-историческая метафизика, на почвѣ которой вырастаетъ современемъ историческое философское умозрѣніе, то какимъ образомъ въ теченіе двухъ съ половиною тысячелѣтій могло происходить, что религіи были замѣнены не философіею, а только религіею христіанскою, и какимъ образомъ, если религія вообще есть только низшая ступень философскаго знанія, обѣ эти области могли развиваться рядомъ другъ съ другомъ въ теченіе столь продолжительнаго періода времени? Какимъ образомъ, религія, если она есть только метафизика до философіи, и съ появленіемъ самой отвлеченнѣйшей и запутаннѣйшей философіи Гегеля не утратила своего, казалось бы, совершенно *ненужнаго* существованія? Не знаемъ, что отвѣтить на эти вопросы князь Трубецкой, а мы можемъ указать только на одинъ отвѣтъ: религія и философія существуютъ и будутъ существовать рядомъ другъ съ другомъ потому, что онѣ вовсе не представляютъ собою какихъ-бы то ни было ступеней одного и того же развитія. Обѣ онѣ имѣютъ самостоятельныя области и соприкосновенія ихъ чисто случайны. Не дѣлаетъ чести философіи, когда она памѣревалась нѣкогда обратиться въ простую служанку богословія, но и христіанская религія не имѣетъ крайней и настоятельной нужды въ философскомъ изслѣдованіи вопросовъ о Богѣ и Его отношеніи къ міру и человѣку для того, чтобы привести людей ко спасенію. Самое высшее понятіе, относительно котораго религія и философія соприкасаются между собою, есть, безъ сомнѣнія, понятіе о Богѣ. Но вѣдь, строго говоря, общаго въ этомъ предметѣ для религіи и философіи есть только одно *слово*, — Богъ; по существу же, философъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ

совершенно не то, что разумѣть богословъ. Разсудокъ чело-вѣчскій, который можетъ мыслить не иначе какъ только по закону достаточнаго основанія, требуетъ отъ философа указа-занія какъ причины отдѣльныхъ явленій, такъ и первопри-чины всего сущаго, — и вотъ философъ останавливается на какомъ-либо высшемъ началѣ, которое, по его мнѣнію, дол-жно быть признано первопричиною, или всеобщею причи-ною, производящею непосредственно и первоначально всѣ вещи и ихъ состоянія, и, не имѣя на-готовѣ опредѣленнаго названія для этого начала, заимствуетъ его у религіи, и го-ворить: это—Богъ. Но если въ послѣдствіи онъ подыскиваетъ, по его мнѣнію, болѣе соотвѣтствующее названіе для этой первопричины, вычеркиваетъ изъ своего лексикона самое сло-во *Богъ* и на мѣсто его ставитъ какую-либо «абсолютную субстанцію», «абсолютную идею», «волю», «я» или «мона-ду», — его система отъ этого нисколько не страдаетъ. Если онъ не укажетъ никакого отношенія пайденнаго имъ начала къ міру и челоуѣку кромѣ значенія изначальной первопри-чины, его система отъ этого не прекратитъ своего существо-ванія. Но замѣните въ религіи представленіе о личномъ Бо-гѣ, какимъ-либо отвлеченнымъ понятіемъ, уничтожьте попя-тіе о Промыслѣ Божіемъ, — что станется тогда съ религіею? И кому нужна такая религія? Гегеля и его послѣдователей соблазняетъ сверхъестественный, или чудесный элементъ ре-лигіи, съ которымъ не мирится философскій разсудокъ, без-сильный понять его и потому готовый объявить его даже из-мышленнымъ, сказочнымъ элементомъ. Вѣря въ непогрѣши-мость своего великаго учителя Гегеля, его ученики дѣйстви-тельно были убѣждены, что религія есть только низшая сту-пень философскаго знанія и должна уступить свое мѣсто чистой и разумной философіи безъ чудесъ, безъ сверхъесте-ственного элемента. Но ихъ попытки въ этомъ направленіи остались напрасными и не привели къ желаемымъ результа-тамъ. Изъ христіанской религіи они выдѣлили все то, что казалось имъ сверхъестественнымъ, чудеснымъ, недоступнымъ для ума, осталось нѣчто въ родѣ скелета религіи, который они и назвали словомъ *естественная религія*. И что же? —

У этой религіи не оказалось ни одного вѣрующаго. «Въ послѣднемъ вѣкѣ, философы, составляющіе оппозицію скептическому прогрессу, говоритъ извѣстный ученый проф. Максъ Мюллеръ ¹⁾, полагали, что такая естественная религія, или же, какъ ее называли, раціональная, могла бы служить преградой наводненію невѣрія; однако вскорѣ убѣдились, что философская система, хотя и истинная, не заключаетъ въ себѣ условій для занятія положенія религіознаго вѣрованія». Особенно неудачна была въ этомъ отношеніи попытка извѣстнаго французскаго энциклопедиста—Дидеро.

Если мы допустимъ даже естественное происхожденіе религіи и въ то же время сравнимъ содержаніе религіознаго понятія о Богѣ съ понятіемъ философскимъ, то и тогда увидимъ, что религія и философія вовсе не суть ступени одного и того же развитія и что и въ этомъ случаѣ религія не можетъ быть названа метафизикою до философіи.

Философское понятіе о Богѣ очень бѣдно своимъ содержаніемъ, если судить о немъ не по тому, какимъ оно должно быть, а по тому, какимъ оно дано намъ во всѣхъ извѣстныхъ системахъ. Строго говоря, оно исчерпывается однимъ признакомъ первопричины всего существующаго. Если же понятію Божества приписываются другія предикаты—премудрости, благости, всевѣдѣнія и т. п., какъ у Декарта, то они едва ли не заимствованы изъ религіи. Совершенно инымъ является религіозное представленіе о Богѣ. Оно необъятно богато своимъ содержаніемъ, его предикаты почти неисчислимы, оно обнимаетъ не только признакъ первопричины бытія, но и всѣ особенности отношенія Бога къ міру и человѣку. Объ этомъ мы можемъ судить по тѣмъ основнымъ элементамъ религіознаго чувства, которые вызываются у человѣка представленіемъ о Богѣ. По анализу этого чувства, произведенному Карпантеромъ ²⁾, М. Троицкимъ ³⁾ и Владиславлевымъ ⁴⁾, чувство это весьма сложно. Въ видѣ соста-

1) Религія какъ предметъ сравнительнаго изученія, 1887, стр. 47.

2) Основанія физиологіи ума.

3) Наука о духѣ.

4) Психологія.

нныхъ элементовъ въ него входятъ: религіозное чувство страха, удивленія, силы, уснѣха, вѣжности, радости, печали, любви, красоты, долга, правды и т. д. Эти элементы религіознаго чувства вполне соотвѣтствуютъ тѣмъ предикатамъ религіознаго представленія о Богѣ, которыми они возбуждаются въ нашей душѣ. Ничего подобнаго не можетъ вызывать у насъ философское представленіе объ абсолютной субстанціи, идеѣ, волѣ и т. д. Эту истину сознавалъ и самъ Трубецкой, утверждая, что «религія порождаетъ не одни метафизическія представленія и понятія, но особый складъ ума, особое настроеніе чувства и воли по отношенію къ метафизическому міру» и что «это настроеніе, обнимающее цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ и сложныхъ духовныхъ явленій, развитое многими вѣками религіозной жизни цѣлыхъ народовъ, становится почвою религіознаго преданія, его духомъ» и т. д. Итакъ, по сознанію самого князя Трубецкого, религія обнимаетъ собою большую область, чѣмъ метафизика, а потому она уже не то же, что метафизика, и метафизику не можетъ быть названа. Философія имѣетъ дѣло только съ областью разсудочныхъ операцій и только въ своихъ выводахъ имѣетъ вліяніе на жизнь. религія захватываетъ всю область жизни во всѣхъ ея положительныхъ и отрицательныхъ проявленіяхъ и сверхъестественный міръ бытія знаетъ не по выводамъ разсудка, а по непосредственному откровенію и притомъ лишь настолько, насколько такое знаніе необходимо для жизни, для спасенія человѣка. Не вина откровенія, когда его истины не сохраняются людьми въ чистотѣ и омрачаются или искажаются вмѣшательствомъ разсудка. Вотъ почему «*изъ религии метафизическое отъ начала определяется конкретно*» и всегда живетъ и будетъ жить только въ конкретныхъ образахъ. Жизнь, живое чувство, непосредственное отношеніе къ Божеству, сознаніе живой и дѣятельной связи съ Нимъ невозможно втиснуть въ безжизненные рамки философскихъ отвлеченныхъ понятій и идей. А въ этомъ— новое основаніе, почему философію и религію нельзя признать ступенями одного и того же развитія.

Но на какомъ же основаніи Гегель и его послѣдователи

ставятъ философію выше религіи и грозятъ послѣднюю замѣнить первою? Форма философіи, по своей обработкѣ, говорятъ они, стоитъ несравненно выше формы религіозныхъ вѣрованій. Религія, по ученію Гегеля, есть знаніе, не переступающее области представленій; философское же знаніе предлагается уже въ формѣ понятій. «Противъ этого мнѣнія должно замѣтить, говоритъ нашъ извѣстный философъ В. Д. Кудрявцевъ ¹⁾, что достоинство всякаго рода познаній измѣряется не одною ихъ формою, но главнымъ образомъ истинною ихъ содержаніемъ. Истинное познаніе, хотя бы приобрѣтено было по простому довѣрію къ словамъ другихъ и не было выражено въ научной формѣ, въ дѣйствительности выше и совершеннѣе, чѣмъ искусно построенная, но ложная по содержанію философская система. Поэтому, говоря о значеніи какихъ-либо познаній для знанія и жизни, мы должны имѣть въ виду не одно совершенство ихъ научной формы, но внутреннюю цѣнность и дѣйствительное вліяніе на жизнь». Правда, ни древне-греческая религія, ни древне-греческая философія не содержали въ себѣ несомнѣнныхъ истинъ; но все-таки древне-греческая языческая религія, стремившаяся представить первопричину всего сущаго какъ начало вышесмірное, сознательное, личное, уже по одному этому стремленію своему долгое время стояла выше древне-греческой философіи, которая была не въ силахъ оторваться отъ земли и такую первопричиною признавала неподвижное и грубое вещество въ видѣ воды, огня, воздуха и т. п. Какимъ же образомъ древне-греческую языческую религію мы должны признать низшею ступенью этой философіи и назвать метафизикою до философіи? Конечно, древне-греческая религія имѣла космогоническій характеръ, ибо она, безъ сомнѣнія, стремилась представить происхожденіе боговъ, а вмѣстѣ съ ними и всей міровой жизни изъ одного общаго начала. Но этотъ характеръ былъ для нея несущественный и непервоначальный. Онъ явился лишь вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, чрезъ которыя греки «славу нетлѣннаго Бога измѣнили

¹⁾ Введеніе въ философію, стр. 40.

въ образъ подобный тлѣнному человѣку, и птицамъ, и четвероногимъ, и пресмыкающимся» (Рим. I, 23). Правда и то, что религія древнихъ грековъ не осталась безъ вліянія на характеръ древне-греческой філософіи; но отсюда еще не слѣдуетъ, что она есть только метафизика до філософіи, или низшая ступень філософіи. На развитіе філософіи оказываютъ вліяніе различныя области народной жизни и ея условія: возвышеніе и упадокъ національнаго духа, географическія условія, политической строй народной жизни, личный характеръ философствующаго мыслителя, степень его умственного развитія, філософскія традиціи и т. д. Въ этомъ смыслѣ несомнѣнно оказывала вліяніе на развитіе філософіи и древне-греческая языческая религія, — и въ этомъ только смыслѣ можно сказать вмѣстѣ съ княземъ Трубецкимъ: «Насъ не должно удивлять, что въ религіи грековъ заранѣе очерченъ весь циклъ идей ихъ філософіи и неизбежная граница ея развитія».

«Религія, говоритъ Трубецкой, есть метафизика до філософіи». У евреевъ, какъ извѣстно, религія была и, по своему возвышенному, чисто духовному содержанію, превосходила всѣ філософскія ученія древней Греціи вообще. Съ этимъ согласны всѣ, даже люди, не вѣрующіе въ богодухновенность книгъ Св. Писанія Ветхаго Завета. Уже одно понятіе о Богѣ какъ личномъ Духѣ, единомъ, вѣчпомъ, неизмѣняемомъ, всеблагомъ и вседовольномъ, всемогущемъ, вездѣсущемъ, всеправедномъ и всевидящемъ, какъ представляла Его еврейская ветхозавѣтная религія, и до какого понятія никогда не могла возвыситься древне-греческая філософія, уже одинъ строго выдержанный монотеистическій характеръ ветхозавѣтной религіи ясно подтверждаютъ сказанное нами. Но у евреевъ, какъ извѣстно, никогда не было ни мифологій, ни філософіи въ смыслѣ рѣшенія высшихъ метафизическихъ вопросовъ. Неужели и относительно еврейской ветхозавѣтной религіи князь Трубецкой можетъ утверждать, что она была до-историческою метафизикою, метафизикою до філософіи или — что то же — низшею ступенью философскаго знанія, философскаго развитія?

Каждая религія непременно имѣеть двѣ стороны: теоретическую и практическую, догматическую и богослужебную и одна безъ другой немислимы. Князь Трубецкой, очевидно, имѣеть въ виду только одну сторону религіи—теоретическую, когда утверждаетъ, что религія есть метафизика до философіи, т. е., разрываетъ религію на двѣ части и одну изъ нихъ отбрасываетъ отъ себя, какъ ненужную. Но эта-то сторона религіи—практическая, или богослужебная—и говоритъ противъ него, ясно доказывая, что по своимъ областямъ религія и философія вовсе не совпадаютъ между собою, не суть, слѣдовательно, ступени одного и того-же развитія, а потому никогда и не могутъ замѣнить одна другую.

Наконецъ, остановимъ свое вниманіе еще на одномъ пунктѣ, который не менѣе другихъ ясно говоритъ противъ гегельянскаго взгляда на религію, усвоеннаго и нашимъ молодымъ ученымъ. Когда смотрять на такъ называемую естественную религію, какъ на результатъ развитія человѣческаго сознанія въ области метафизическаго мышленія, то обыкновенно утверждаютъ, что въ этомъ случаѣ человѣческое сознаніе шло путемъ отъ фетишизма къ антропоморфизму, отъ политеизма (многобожія) къ монотеизму (единобожію), путь, который совершила въ своемъ развитіи и философія. Въ этомъ-то смыслѣ и утверждаютъ, что религія есть только метафизика до философіи, или до историческая метафизика. Человѣкъ, говорятъ, по врожденному стремленію къ истинѣ, какъ только достигъ момента саморазличенія въ развитіи своего сознанія, тотчасъ увидѣлъ, что не онъ самъ причина окружающаго міра, что этотъ міръ существуетъ внѣ его и независимо отъ него. Подобно тому, какъ въ послѣдствіи случилось и съ философіею, сначала человѣкъ искалъ Бога, какъ первопричину всего сущаго, вблизи себя въ окружающемъ его мірѣ и, поражаясь величіемъ явленій природы, сталъ боготворить ея величественныя, но грубыя и вещественныя произведенія: камни, вулканическія горы, рѣки, бушующее море; а такъ какъ подобныхъ произведеній онъ встрѣтилъ вокругъ себя много, то, по необходимости, онъ сталъ политеистомъ (многобожникомъ). Развиваясь далѣе въ своемъ сознаніи, человѣкъ увидѣлъ, что

неорганическія произведенія природы не могутъ быть началами сущаго, что они сами въ своемъ происхожденіи обязаны чему-то другому, и вотъ отъ земли онъ обращаетъ свой взоръ къ небу и начинаетъ боготворить небесныя свѣтила; но убѣдившись затѣмъ въ превосходствѣ сознательнаго бытія предъ бессознательнымъ, онъ оставляетъ небесныя свѣтила и начинаетъ боготворить сначала вообще живыя существа, поразившія его своею необычайною физическою силою, каковы быкъ, крокодилъ, тигръ, и, наконецъ, человѣка, какъ наивысшее существо на землѣ. Единство сознанія и прирожденная ему сила обобщенія, синтеза, дедукціи, неизмѣнный законъ мышленія, по которому всѣ частныя явленія возможно представлять себѣ не иначе, какъ въ формѣ подчиненія общему, приводятъ въ концѣ концовъ хотя нѣкоторыхъ изъ даровитѣйшихъ людей къ убѣжденію, что многихъ началъ всего сущаго или многихъ боговъ признавать нельзя, что все существующее обязано своимъ происхожденіемъ только одному началу или единому Богу. Вотъ какъ до сихъ поръ ученые представляли намъ ходъ развитія религіознаго сознанія человѣка: низшая ступень—это многобожіе въ формѣ фетишизма, высшая—единобожіе въ формѣ антропоморфизма. «Человѣческій образъ боговъ, говоритъ Шеллингъ¹⁾, является такимъ же необходимымъ концомъ мифологическаго процесса, какимъ необходимымъ концомъ является человѣкъ и въ процессѣ природы». Такъ-же представлялъ себѣ ходъ развитія религіознаго сознанія Гегель; взглядъ Гегеля на этотъ предметъ подробно раскрытъ его ученикомъ Фейербахомъ. Его-то усвоилъ себѣ и нашъ молодой мыслитель князь Трубецкой.

Дѣйствительно, если бы религіозное сознаніе человѣка развивалось въ исторіи тѣмъ именно путемъ, какой только что нами изложенъ, и шло отъ многобожія къ единобожію, то мы не имѣли бы никакого права не согласиться съ утвержденіемъ Трубецкого, что религія есть не что иное, какъ простая метафизика до философіи. Но вникая въ этотъ вопросъ глубже, мы должны прійти къ убѣжденію, что представлен-

1) Philosophie der Mythologie, стр. 651.

ный выше ходъ развитія религіознаго сознанія человѣка принадлежитъ лишь богатой фантазій Гегеля и его некритическихъ послѣдователей. Слово Божіе свидѣтельствуетъ намъ, что религіозное сознаніе человѣчества въ теченіе многихъ тысячелѣтій шло совершенно обратнымъ путемъ, чѣмъ какой начертанъ нашими позднѣйшими философами,—оно шло не отъ многобожія къ единобожію, а наоборотъ—отъ единобожія къ многобожію, отъ котораго уже лишь мало-по-малу снова возвращалось къ единобожію. Въ этомъ отношеніи исключеніе представляютъ только двѣ религіи—іудейская и христіанская. По ученію Слова Божія, Богъ самъ открылъ Себя людямъ, какъ Богъ единый, истинный, любящій, всеблагій Духъ, какъ всемогущій и промышляющій о мірѣ Творецъ, какъ Существо вѣчное, неизмѣнное, вездѣсущее, всевѣдущее, всеправедное и вседовольное. Но такъ какъ это понятіе о Богѣ стоитъ неизмѣримо выше того, до чего можетъ подняться человѣческій разумъ, и такъ какъ это понятіе не есть результатъ собственныхъ разсудочныхъ операцій человѣка, а дано ему отъ Бога, то естественно, что человѣку слишкомъ трудно, почти не по силамъ было сохранить его во всей чистотѣ и неприкосновенности. Это доказываетъ вся исторія еврейскаго народа, часто забывавшаго истиннаго Бога. Только благодатными, сверхъестественными силами, пророками и чудотвореніями, Господь поддерживалъ и хранилъ среди Своего народа истинное понятіе о Себѣ. Понятно, что среди другихъ народовъ, лишенныхъ такого сверхъестественнаго руководительства, Божественное откровеніе скоро было затемнено массою разнаго рода заблужденій. «Они, познавъ Бога, не прославили Его, какъ Бога, и не возблагодарили, но осуетились въ умствованіяхъ своихъ, и омрачилось несмысленное ихъ сердце; называя себя мудрыми, обезумѣли, и славу нетлѣннаго Бога измѣнили въ образъ подобный тлѣнному человѣку, и птицамъ, и четвероногимъ, и пресмыкающемся; они замѣнили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вмѣсто Творца» (Рим. 1, 19--25). Такимъ образомъ, по ученію Слова Божія, всякая религія безъ исключенія, *по началу своего происхожденія*, по крайней мѣрѣ, есть не метафизика

до философіи, т. е. не человѣческое самоизмышленіе, а *религія откровенная*, данная отъвиѣ, но лишь затемненная массою накопившихся отъ времени заблужденій. Этимъ объясняются и встрѣчающіеся въ языческихъ религіяхъ монотеистическіе проблески, и истины нравоученія близкія къ нравоученію Богооткровенной религіи, и, наконецъ, нѣкоторыя молитвы, выражающія иногда почти въ чистотѣ истинно-религіозное чувство.

Конечно, ни Гегель, ни его послѣдователи, не вѣруя Слову Божію, не согласятся и съ его взглядомъ на происхожденіе и сущность религіи. Но истина этого взгляда подтверждается и историческими свидѣтельствами и послѣдними результатами новѣйшей науки.

Уже Геродотъ свидѣтельствуешь, что у древнихъ пеласговъ религіозныя представленія были гораздо чище, чѣмъ у ихъ потомковъ—грековъ. По его словамъ, пеласги еще не давали своимъ богамъ опредѣленныхъ наименованій и къ самымъ грекамъ наименованія боговъ перешли по большей части отъ египтянъ, а преданіе или заимствование ясно свидѣлствуютъ противъ самобытности религіознаго народнаго творчества. Мы даже имѣемъ возможность назвать имена тѣхъ лицъ, которыя затемнили и исказили первоначально болѣе чистую религію грековъ: это—Гомеръ, Гезіодъ и нѣкоторые другіе греческіе поэты. Такъ смотрѣли на это дѣло и сами древнѣйшіе греки. Пинегоръ, напримѣръ, утверждалъ, что въ аду Гомеръ долженъ претерпѣть сильнѣйшее наказаніе за тѣ неприличныя вещи, которыя онъ *выдумалъ* относительно боговъ. Такимъ образомъ, уже Пинегоръ (въ VI в. до Р. Х.) все то, что *неприлично* богамъ изъ находящагося въ пѣснопѣніяхъ Гомера. т. е., всю человѣческую сторону въ жизни и характерѣ боговъ, прямо называетъ *выдумкою* Гомера. Точно также и Платонъ, въ своей «Республикѣ», не особенно высоко ставя значеніе поэтическихъ произведеній вообще, въ частности предостерегаетъ отъ неразумнаго пользованія пѣснопѣніями Гомера и особенно настаиваетъ на томъ, чтобы «неприличныя басни о богахъ, которыя *выдумали* Гомеръ, Гезіодъ и другіе поэты» не входили въ программу обученія юношества.

Подъ этими «неприличными баснями», очевидно, нужно разумѣть всѣ тѣ мѣста гомеровыхъ пѣснопѣній, которыя особенно рѣзко гуманизируютъ боговъ, потому что для Платона, какъ для самаго глубокомысленнаго философа древности, неприличнымъ для боговъ могло казаться только все человѣческое. Такимъ образомъ весь антропоморфизмъ греческой мифологіи Платонъ считалъ *выдумкою* Гомера, Гезіода и др. поэтовъ. Наконецъ, яснѣе всѣхъ высказывается объ этомъ Геродотъ. Онъ прямо говоритъ, что Гомеръ и Гезіодъ «выдумали грекамъ ученіе о богахъ, потому что они дали богамъ различныя наименованія, обозначили ихъ почести и способности (*τιμὰς τε καὶ τέχνας*) и очертили ихъ образы»¹⁾. Но этого мало. Греческіе поэты въ тоже время и распространяли созданныя ими мифологическія представленія о богахъ среди греческаго народа. Какъ извѣстно, въ древней Греціи рапсоство было сильно развито; греческіе народныя пѣвцы (*αοιδοί*) пользовались всеобщимъ уваженіемъ; они были, можно сказать, воспитателями греческаго народа. Изъ пѣснопѣній Гомера мы видимъ, что уже тогда народныя пѣвцы были главными и почти единственными распространителями новосозданной мифологіи. Они являлись и въ царскихъ чертогахъ, рассказывая пирующимъ гостямъ о походе того или другого героя, о дѣйствіяхъ того или другого божества; и на народныхъ площадяхъ, гдѣ, окруженные толпами народа, они повѣствовали ему о мнимыхъ событіяхъ стараго времени, объ участіи, или неучастіи въ нихъ, помощи или противодѣйствіи боговъ; и въ хижинѣ селянина, гдѣ, въ благодарность за гостепрѣимство, они передавали хозяину все, что только знали сами относительно вопросовъ близкихъ сердцу каждаго человѣка. Со временемъ Гомера рапсоство получило еще большее распространеніе; явились даже такъ называемые *гомериды*, которые цѣли по преимуществу творенія только Гомера. Особенно они были почти необходимымъ явленіемъ при большихъ и торжественныхъ народныхъ празднествахъ, каковы: олимпійскія игры, игры Аполлона, Аѳины и др. Весьма естественно, что типы бо-

1) Срвн. Nitzsch's Sagenpoesie d. Griechen, Branschweig, 1852. стр. 302.

говъ, созданные, или *выдуманые* фантазією Гомера, этимъ путемъ скоро были воспринимаемы и усвояемы греческимъ народомъ со всѣми ихъ частными оттѣнками. — Но созданное и распространенное такимъ образомъ ученіе о богахъ можетъ ли быть названо, собственно говоря, народною греческою *религією*, какъ признаетъ князь Трубецкой? — Очевидно, нѣтъ; еще менѣе оно можетъ быть названо *метафизикою*, потому что оно есть въ собственномъ смыслѣ *миѳологія*, поэма, въ которой дѣйствующими лицами являются или совершенно измышленные боги или хотя и боги народной религіи, но надѣленные отъ поэта новыми «наименованіями», «почестями», «способностями» и даже «образами», т. е., уже почти не боги народной религіи.

Еще болѣе противъ мнѣнія князя Трубецкого и въ подтвержденіе Слова Божія о первичномъ монотеизмѣ религіознаго представленія говорятъ результаты новѣйшей науки. Мы разумѣемъ «Сравнительное языковѣдѣніе» или лингвистику и сравнительное изученіе религіи. Науки эти еще слишкомъ юны, но онѣ обѣщаютъ несомнѣнно весьма плодотворные результаты, и мы вполне согласны съ знаменитымъ лингвистомъ Максомъ Мюллеромъ. «что философы, отдающіеся изслѣдованіямъ о возникновеніи религіи и о психологическихъ условіяхъ вѣры, будутъ писать въ будущемъ съ большею осмотрительностію и будутъ остерегаться той догматической увѣренности, которою отличались до сихъ поръ философскія умозрѣнія въ области религіи, не исключая ни Шеллинга, ни Гегеля»¹⁾. Къ этимъ именамъ мы прибавимъ съ своей стороны, еще и имя князя Трубецкого.

Изъ результатовъ, достигнутыхъ сравнительнымъ изученіемъ религіи на почвѣ сравнительнаго изученія языковъ, пока для насъ важенъ тотъ, который безусловно подтверждаетъ истину ученія Слова Божія. — что первоначально Богъ самъ открылъ Себя людямъ и что истинное понятіе о Богѣ какъ Творцѣ, Промыслителѣ—и небесномъ Отцѣ сначала дано было всѣмъ людямъ, но только немногіе сохранили его въ чи

¹⁾ Религія какъ предметъ сравнительнаго изученія, стр. 110.

стотѣ, большинство же, исказивъ и омрачивъ его лжемудрованіями своего ограниченнаго ума, «обезумѣли», впавъ въ многобожіе и идолопоклонство,—что путь человѣческаго религіознаго сознанія шелъ не отъ многобожія къ единобожію, а совершенно наоборотъ-- отъ единобожія къ многобожію и что, слѣдовательно, никакая религія не можетъ быть названа низшею ступенью философскаго знанія, или метафизикою до философіи. «Справляясь съ древними архивами языка, говоритъ Максъ Мюллеръ ¹⁾, мы открыли, что наивысшее Божество носило всегда то же самое названіе въ древней мифологіи индійской, итальянской, германской и сохраняло это названіе повсюду, поклонялись ли Ему на вершинахъ Гималаевъ, зывали ли къ Нему подъ тѣнью до донскихъ дубовъ, въ Капитоліѣ или въ лѣсахъ Германіи. Мы замѣтили, что это названіе въ санскритскомъ языкѣ было *Dyaus*, у грековъ — *Zeus*, въ Римѣ — *Jovis*, у Германцевъ — *Tiu*; но я не обращалъ должнаго вниманія на природу и значеніе этого открытія. Такія названія не суть только выраженія, это -- историческіе факты, и факты болѣе достовѣрные, чѣмъ многіе случаи изъ исторіи среднихъ вѣковъ. Да! эти слова не однѣ выраженія, онѣ воскрешаютъ предъ нами во всемъ блескѣ величественный театръ дѣятельности предковъ арійской расы; благодаря этимъ названіямъ, мы имѣемъ возможность видѣть, за десять вѣковъ до Гомера и Ведъ, почитающихъ Существо невидимое и дающихъ Ему самое благородное, самое возвышенное названіе, какое только они могли найти въ своемъ словарѣ, названіе *свѣта и неба*. Не позволимъ же себѣ ошибаться и заблуждаться относительно того, что тогда существовало естественное и идолопоклоническое почитаніе. Значеніе этихъ названій совершенно иное, хотя впоследствии онѣ могли быть сведены къ такому пониманію. *Dyaus* не означалъ голубое небо, это не было только олицетвореніе неба; значеніе его совершенно иное. Въ Ведахъ мы находимъ воззваніе къ *Dyaus pitar*. *Zeū páter* у грековъ, *Jupiter* у римлянъ; и это значитъ на этихъ трехъ языкахъ то же, что означало до

¹⁾ Ibid. стр. 77

ихъ раздѣленія; это значитъ: «*Отче нашъ, иже еси на небесахъ*». Это выраженіе, по моему мнѣнію, есть древнѣйшая поэма, древнѣйшая молитва человѣчества, или, по крайней мѣрѣ, благороднѣйшей части человѣчества, къ которой принадлежимъ и мы. Я глубоко убѣжденъ, что эта молитва читалась, что это имя давалось невѣдомому Богу раньше существованія санскритскаго и греческаго языковъ, а въ виду того, что это «*Отче нашъ*» существуетъ въ языкахъ Полинезіи и Меланезіи, мое убѣжденіе усиливается: она, безъ сомнѣнія, была также первой молитвой на языкѣ народа, который воздвигнулъ въ послѣдствіи храмъ въ Іерусалимѣ. Слыша когда-то имя Юпитера, Юпитера униженнаго Гомеромъ и Овидіемъ, низведеннаго въ положеніе разгнѣваннаго супруга или невѣрнаго любовника, мы вовсе не думали о священномъ кладѣ воспоминаній, заключенномъ въ этомъ названіи, мало достойномъ уваженія».

Сравнительное изученіе языковъ не одного, впрочемъ, Макса Мюллера привело къ убѣженію въ истинности Богооткровенной религіи. Оно ясно говоритъ каждому, что отначала *есть* народы вѣровали только во единаго Бога. У предковъ всѣхъ семитическихъ народовъ Божество называлось словомъ *El*—что значитъ *Сильный*; у вавилонянъ—*Или*; у евреевъ—*El*—*Крѣпкій, Могущественный*, тоже—у финикіянъ; въ послѣдствіи у евреевъ оно стало употребляться въ формѣ—*Eloah*, у арабовъ—*Илах*—въ значеніи слова *Богъ*. Другое названіе одного и того же Божества, употреблявшееся у семитовъ въ доисторическую эпоху, было *Iehova* или *Iahveh*, которое, впрочемъ, пользовалось особеннымъ уваженіемъ только у евреевъ, другими же семитами было почти забыто, вслѣдствіе предпочтенія, отдаваемаго слову *El*, какъ названію болѣе конкретному (*El*—сильный, крѣпкій, могущественный, *Iehovah*—*сущій*). Это употребленіе семитами одного и того же слова для обозначенія Божества привело новѣйшихъ лингвистовъ къ убѣженію, что былъ такой періодъ, въ которомъ, подобно арійцамъ, и предки семитской расы еще не были раздѣлены ни религіей, ни языкомъ, и что Богу *El* или *Iehovah*—*могущественному на небѣ и вѣчно сущему*—поклонялись всѣ се-

митскіе народы раньше, чѣмъ были вавилоняне въ Вавилонѣ, финикіяне—въ Сидонѣ и Тирѣ, раньше, чѣмъ появились евреи въ Месопотаміи или Іерусалимѣ. Къ такому же результату приводитъ новѣйшихъ ученыхъ и сравнительное изученіе туранскихъ языковъ ¹⁾.

Какимъ же образомъ идея единого Божества могла перейти въ форму политеизма? Сравнительное языкознаніе даетъ прекрасный отвѣтъ и на этотъ вопросъ. Послѣ раздѣленія народовъ (т. е. послѣ столпотворенія вавилонскаго) въ ихъ сознаніи содержаніе этой идеи,—возвышенное и духовное, непосильное для ограниченнаго разсудка человѣческаго,—мало-по-малу стало блекнуть; скоро люди приняли видимое чувственное небо за Живущаго на небесахъ; но небо можетъ имѣть много эпитетовъ; оно можетъ быть называемо не только *блестящимъ*, но также *темнымъ*, *широкимъ*, *гремящимъ*, *дождливымъ*; отсюда—поліонимія языка, а въ области языческой религіи политеизмъ. Само единое Божество нерѣдко имѣло много названій или эпитетовъ; впоследствии же всѣ эти эпитеты могли быть приняты за отдѣльные существа. Такъ, въ санскритскомъ языкѣ, напр., рядомъ съ словомъ *Dyaus* существовало еще и другое названіе неба, считавшагося сводомъ: «*Varuna*», названіе, которое первоначально было только другимъ именемъ одного и того-же Бога, а впоследствии въ человѣческомъ сознаніи приобрѣло себѣ независимое и вполне самостоятельное и отдѣльное существованіе. Но и этого мало. «Полное несовершенство всѣхъ выбранныхъ названій, говоритъ Максъ Мюллеръ ²⁾, ихъ недостаточность въ представленіи полноты и характера безконечнаго Божества сдѣлали то, что люди не переставали искать новыхъ названій, пока, наконецъ, всѣ части природы, гдѣ только чувствовалось дыханіе, или сосѣдство Бога, не были приняты, какъ названія для Вездѣсущаго. Если бытіе Бога познавали въ вѣтрахъ, то названіе вѣтра дѣлалось однимъ изъ именъ Бога; если присутствіе Божества чувствовалось въ землетрясеніи,

1) См. у М. Мюллера, стр. 90 и далѣе.

2) Религія какъ предметъ сравнительнаго изученія, стр. 136.

или въ огнѣ, то немедленно названіе таковыхъ переносили на Божество». Вотъ гдѣ почва не только для политеизма, но и для религіознаго пантеизма!

Къ такимъ результатамъ пришло пока сравнительное изученіе религій при помощи сравнительнаго изученія языковъ. И мы находимъ, что только здѣсь предначертывается самый вѣрный взглядъ на сущность, характеръ и происхожденіе всѣхъ исторически извѣстныхъ формъ религіознаго представленія. Но съ этой точки зрѣнія древне-греческая языческая религія можетъ быть понимаема только какъ *религія*, какъ выразившееся исторически стремленіе человѣка найти собственными силами Бога и опредѣлить Его отношеніе къ человѣку, но ни въ какомъ случаѣ она не можетъ быть названа метафизикою до философіи. Какъ ни ложна была древне-греческая религія, но все-таки она стремилась удовлетворить *сердцу*, а не сухому метафизическому *разсудку* человѣка.

Послѣ сказаннаго намъ кажется яснымъ, что взглядъ Трубецкого на языческую религію грековъ или—вѣрнѣе—взглядъ его великаго учителя Гегеля на этотъ предметъ совершенно несостоятеленъ и невѣренъ истинѣ. Впрочемъ, правду сказать, самъ Трубецкой только въ «предисловіи» своемъ высказалъ такой взглядъ на религію. При самомъ же разсмотрѣніи религіи грековъ, онъ, какъ сейчасъ увидимъ, словно позабылъ объ этомъ взглядѣ и въ религіи грековъ, собственно говоря, онъ и не ищетъ никакой метафизики,—на умѣ у него совершенно иное...

Свящ. Т. Буткевичъ.

(Продолженіе будетъ).

УЧЕНІЕ АРИСТОТЕЛЯ

и

ЕГО ШКОЛЫ (ПЕРИПАТЕТИЧЕСКОЙ) О БОГѢ.

(Продолженіе *)

Вѣрность Аристотеля философскимъ началамъ побуждала его говорить: «какія мы будемъ приписывать богамъ дѣйствія? развѣ судебныя (τάς δικάϊας, что значитъ и справедливыя, праведныя)? Но не смѣшны ли будутъ утверждающіе, что они примиряются другъ съ другомъ на какихъ бы то ни было условіяхъ и отдають подъ залогъ что-либо или дѣлають что-либо другое подобное?» ¹⁾ Иначе сказать, приписывая Богу одну только умозрительную (θεωρητικῆ) дѣятельность, Аристотель, съ философской точки зрѣнія, считалъ нужнымъ отрицать въ божествѣ и правосудіе, какъ одно изъ проявленій практической (а не умозрительной) дѣятельности. Но едва только нашъ философъ становился обыкновеннымъ человѣкомъ, спускаясь съ высотъ философскаго умозрѣнія на почву обыденныхъ воззрѣній окружавшаго его народа, онъ не могъ уже отрѣшиться отъ признанія за Богомъ права судить и наказывать живыхъ и умершихъ, а слѣдовательно и за волею Божіею-совершеннѣйшаго правосудія, справедливости въ томъ и другомъ отношеніи, т. е. въ судѣ и наказаніи. Такъ онъ признаетъ

---

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1890 г. № 21.

¹⁾ Eth. Nicom. X, 8.

τὸ Ῥαδάμανθυος δίκαιον ¹⁾—право или судъ Радаманеа, сына Зевсова, судиѣ въ подземномъ царствѣ. — право, касавшееся кровавой мести. Или даже прямо говорить: «богамъ мы предоставляемъ право мстить» (τοῖς θεοῖς ἀποδίδομεν τὸ νεμεσᾶν) ²⁾. Далѣе, признавая, конечно, извѣстныя нравственныя обязанности людей не только въ отношеніи ихъ другъ къ другу, но и въ отношеніи къ Божеству, онъ говоритъ: «первая изъ справедливостей (πρώτη τῶν δικαιοσύνην) есть справедливость въ отношеніи къ богамъ (πρὸς τοὺς θεούς), затѣмъ—въ отношеніи къ второстепеннымъ божествамъ (πρὸς δαίμονας), далѣе,—въ отношеніи къ отечеству и родителямъ и наконецъ въ отношеніи къ умершимъ: все это относится къ благочестію (εὐσεβεία) ³⁾. Неисполненіе этихъ важнѣйшихъ обязанностей (равно какъ и другихъ, хотя и меньшее значеніе имѣющихъ) не могло въ его сознаніи оставаться безнаказаннымъ. И вотъ онъ, желая подыскать и философское оправданіе своему представленію о правосудіи воли Божіей, говоритъ о Зевсѣ,—представителѣ его понятія о Божествѣ въ народной религіи.—между прочимъ слѣдующее: «Судьбою называется Опъ потому, что безпрепятственно вяжетъ и рѣшитъ: Участью, — отъ назначенія удѣла, участи; Немезидою —отъ раздѣленія каждому его жребія. Что касается до Мойръ или Паркъ и веретена ихъ, то это клонится къ слѣдующему: три Парки раздѣлены по временамъ (настоящему, прошедшему и будущему) и нитка веретена частью уже выпрядена, частью еще будетъ выпрядена, а частью остается обернутою на веретенѣ: къ прошедшему относится одна изъ Паркъ — Неотвратимая, поелику прошедшее все неизмѣнно, непреложно; къ будущему — Лахеса (ибо во всемъ назначенный природою удѣлъ остается навсегда); къ настоящему же — Клоео, опредѣляющая и прядущая каждому свое. Такъ,—добавляетъ Аристотель, —и самый миѣъ не оказывается безпорядочнымъ. Все же это есть не иное что, какъ Богъ, какъ и благородный Платонъ говоритъ. Итакъ Богъ, какъ гла-

¹⁾ Eth. Nicom. V, 5 (8).

²⁾ Rhetor. II, 9.

³⁾ De virt. et vit. cap. 5.

ситъ древнее преданіе, заключающа въ себѣ начало, конецъ и средину всего сущаго, шествуетъ прямымъ путемъ (εὐθεία περραίνει), когда идетъ сообразно съ Своею природою (κατὰ φύσιν); а Ему всегда сопутствуетъ судъ (τῷ δ' ἀείζονέπεται δίκη), мститель для отступающихъ отъ Божественнаго закона (τῶν ἀπολειπομένων τοῦ θείου νόμου τιμωρός); если же кто, желая быть счастливымъ, съ самого начала будетъ причастенъ справедливости (μέτοχος, т. е. τῆς δίκης). то, избѣжавъ его мщенія, будетъ блаженнымъ и счастливымъ ¹⁾.

Гораздо ближе, нежели свойства воли, къ началамъ философскаго умозрѣнія Аристотеля подходили—

γγ) Свойства *чувства* или сердца Божія. Это и понятно. Область чувства или сердца Божія такъ гармонировала и съ идеею красоты, проникающею все телеологическое воззрѣніе Аристотеля на природу, и съ мыслию о наслажденіи самого философа, испытываемомъ отъ созерцанія (θεωρεῖν) истины при философскихъ изысканіяхъ о началахъ всего сущаго. Къ свойствамъ чувства или сердца мы, по прежнему, относимъ слѣдующія:

αα) *Радость*. Какъ Существо, абсолютно совершенное, Богъ испытываетъ и радость совершеннѣйшую, чистѣйшую. «Пріятнымъ по природѣ, — говоритъ Аристотель, — я называю то, что обнаруживаетъ (вызываетъ) дѣйствіе (πράξις) таковой природы. А что намъ не всегда пріятно одно и то же, причиною этого служитъ то, что наша природа не простая (μὴ ἀπλῆν εἶναι), но есть въ ней нѣчто и иное, дѣлающее ее тлѣнною; такъ что если въ чемъ-либо дѣйствуетъ эта иная часть, то сіе для другой природы является противоестественнымъ; а если обѣ части дѣйствуютъ одинаково, то это дѣйствіе не представляется ни непріятнымъ, ни пріятнымъ. Ибо если чья природа проста, то всегда одно и то же дѣйствіе въ этомъ случаѣ будетъ наипріятнѣйшимъ. Поэтому Богъ всегда радуется (улаждается) единымъ и простымъ удовольствіемъ (ὁ θεὸς αἰεὶ μίαν καὶ ἀπλῆν χαίρει ἡδονήν); ибо есть дѣятельность (ἐνέργεια) не только движенія, но и неподвижности, и удовольствія больше

¹⁾ De mundo, cap. 7.

въ спокойствіи, нежели въ движеніи. Измѣненіе же (перемѣна, смѣна) слаще всего, какъ говоритъ поэтъ, вслѣдствіе нѣкотораго дурного свойства людскаго; ибо какъ человѣкъ дурной склоненъ легко къ перемѣнамъ, такъ и природа, нуждающаяся въ перемѣнахъ, измѣненіи, дурна; поелику не проста и не согласна сама съ собою въ хорошемъ¹⁾.

бб) *Вседовольство*. Испытывая радость и удовольствіе совершеннѣйшія, простѣйшія и чистѣйшія, Богъ не испытываетъ недостатка ни въ чемъ какъ для этой радости (почему и ощущаетъ удовольствіе), такъ и вообще. Онъ вседоволенъ или самодоволенъ (*αὐτάρχης*). Это свойство чувства или сердца Божія, такимъ образомъ, и служитъ дальнѣйшимъ разъясненіемъ сейчасъ указаннаго (радости, удовольствія) и въ свою очередь само является источникомъ для безусловнаго блаженства Бога. «Должно сказать, — читаемъ у Аристотеля, — и о самодовольствѣ и о самодовольномъ, именно о томъ, нуждается ли самодовольный въ дружбѣ или нѣтъ, но самъ собою будетъ онъ доволенъ. Ибо такъ говорятъ и поэты:

«Когда Богъ дастъ благо, то что нужны въ друзьяхъ?»²⁾.

Отсюда и происходитъ недоумѣніе, имѣетъ ли нужду въ друзьяхъ человѣкъ, обладающій всѣми благами и самодовольный? или тогда-то и въ особенности имѣетъ въ нихъ онъ нужду? Ибо кому онъ будетъ благодѣтельствовать или съ кѣмъ будетъ проводить жизнь? Не одинъ же онъ будетъ жить. Итакъ, если онъ будетъ нуждаться въ этомъ, и это не можетъ быть безъ дружбы, то самодовольный можетъ нуждаться въ дружбѣ. Обычное въ подобныхъ случаяхъ сравненіе съ Богомъ, въ настоящемъ случаѣ ни съ той стороны не правильно было бы, ни съ этой стороны не было бы полезно; ибо если Богъ самодоволенъ и ни въ чемъ не нуждается (*ὁ θεός ἐστιν αὐτάρχης καὶ μηδεὺς δεῖται*), то это не значитъ, что посему и мы можемъ ни въ чемъ не нуждаться. О Богѣ же и это говорится. Но поелику Богъ, какъ говорится, обладаетъ всѣми благами

1) Eth. Nicom. VII, 14 (15).

2) Этотъ стихъ взятъ изъ Эсхиловой Орестіи (ст. 667).

(πάντα ἔχει τὰγαθὰ ὁ θεός) и есть самодоволенъ, то что же Онъ будетъ дѣлать? Не спать же? Онъ будетъ созерцать, говорить, нѣчто, и это нѣчто есть прекраснѣйше и наиболѣе свойственное Ему (καλλιστον καὶ οἰκειότατον). Такъ что же Онъ будетъ созерцать? Если Онъ будетъ созерцать что-либо другое, то будетъ созерцать нѣчто лучшее Его Самого. Но нелѣпо думать, чтобы было что-либо лучшее Бога. Итакъ Онъ будетъ созерцать Себя Самого (αὐτὸς ἑαυτὸν ἄρα θεάσεται). Но странно: даже и человѣка, который смотритъ лишь на себя самого, мы порицаемъ, какъ безмысленнаго. Поэтому страненъ, говорятъ, былъ бы Богъ, созерцающій Себя Самого. Но что́ будетъ созерцать Богъ, заключасть свою рѣчь философъ, — это мы оставимъ; ибо мы дѣлаемъ изслѣдованіе о самодовольствѣ не Божіемъ, но человѣческомъ, именно о томъ, можетъ ли нуждаться въ дружбѣ самодовольный, или нѣтъ¹⁾. И мы оставимъ эту бѣглую замѣтку Аристотеля о разсматриваемомъ свойствѣ Божіемъ, и поищемъ, нѣтъ ли у него болѣе обстоятельныхъ указаній на это свойство. Не даромъ уже и въ этой замѣткѣ Аристотеля разсматриваемое нами свойство Божіе приурочивается къ вопросу о самодовольствѣ безъ дружбы или любви. Но философскому понятію Аристотеля Богъ можетъ и даже необходимо долженъ быть предметомъ любви для всего существующаго (Онъ есть ὀρεκτόν, ἐρώμενον), но не можетъ самъ любить кого-либо другого²⁾, по изъясненной въ приведенной замѣткѣ причинѣ. Подробнѣе изъясняя эту причину въ другомъ параллельномъ мѣстѣ и прямо сопоставляя здѣсь дружбу съ любовію (ὁ ἔρως ὀχεῖ φίλιαν ὄμοιον εἶναι), «ибо любящій стремится (ὀρέγεται ὁ ἔρῳν) жить вмѣстѣ съ другомъ, но не потому чтобы болѣе всего нуждался въ этомъ, а единственно по чувству (κατ' αἰσθησίν) любви»³⁾. Аристотель говоритъ между прочимъ: «Другъ желаетъ быть

1) Eth. Magn. II, 15. Срав. также въ концѣ Иепки Эвдемовой о Богѣ, что «Онъ ни въ чемъ не нуждается» (οὐθένος δεῖται).

2) Срав. В. Д. Кудрявцева, «Деизмъ» въ «Правосл. Обзор.» 1881 г., ч. I, стр. 30. Впрочемъ, см. Eth. Eud. VII, 14: «Богъ любитъ только лучшихъ и благороднѣйшихъ людей».

3) Eth. Eud. VII, 12, pag. 235. t. II ed. Didot.

какъ бы раздѣленнымъ на двое самимъ собою (—другимъ я). Поэтому сочувствовать другу необходимо значить то же, что сочувствовать себѣ. самому и какъ бы себя самого познавать (*αὐτὸν γυνώσκειν*): такъ что, если безъ сомнѣнія дажс и въ обыкновенныхъ удовольствіяхъ пріятно сорадоваться другу и имѣть съ нимъ соучастіе, жить съ нимъ (такъ какъ обыкновенно бываетъ такъ, что его чувство всегда относится и къ намъ, сходится съ нашимъ), то тѣмъ болѣе въ удовольствіяхъ божественнѣйшихъ. Причина этого заключается въ томъ, что всегда пріятнѣе созерцать себя въ лучшемъ благѣ. А это и есть то страсть, то дѣйствіе, а то другое что-либо, въ чемъ можно было бы хорошо жить намъ самимъ. а такимъ образомъ и другу. Въ сожительствѣ же заключается и содѣйствіе (*ἐν δὲ τῷ συζῆνι συνεργεῖν*) или общеніе въ томъ, что въ особености имѣеть какую-либо цѣль (*τῶν ἐν τέλει μάλιστα*). Поэтому созерцать вмѣстѣ (*συνθεωρεῖν*) и вмѣстѣ веселиться значить то же самое, что приносить таковое общеніе, но не чрезъ пищу, или житейскія потребности, а чрезъ плоды всего этого. Но каждый, въ чемъ можетъ достигнуть цѣли, въ томъ желаетъ и сожительствовать; если же нѣтъ, то и благодѣтельствовать и получать благодѣянія болѣе всего желаютъ отъ друзей. Итакъ, и что должно жить вмѣстѣ, и что всѣ наиболѣе желаютъ этого, и что таковой наиболѣе есть счастливѣйшій и превосходнѣйшій,—все это теперь явно. А что не явно изъ разумныхъ основаній, то и сіе основательно бываетъ при раскрытіи истины. Ибо по составу сравненія, которое истинно, рѣшеніе таково, что Богъ не есть такое Существо, которое нуждалось бы въ другѣ и требовало бы подобнаго Себѣ, хотя на такомъ основаніи не будетъ мыслить человѣкъ честный и хорошій, потому что не такъ, какъ сей послѣдній, Богъ имѣеть Себя хорошо, но лучше, нежели такъ, чтобы что-либо другое мыслить кромѣ себя самого. Причиною же сего служитъ то, что намъ благо приходитъ отъиуды, а для Него Самъ же Онъ составляетъ свое благо». Или, какъ Аристотель здѣсь же нѣсколько выше сказалъ о семъ: «должно разсмотрѣть и самодовольство съ дружбою, какъ относятся между собою ихъ способности и возможности. Можетъ недоумѣвать кто-либо, бу-

детъ ли другъ у того, кто во всемъ самодоволенъ. Если друга ищутъ по недостатку или же будетъ кто-либо человѣкъ хороши (ἀγαθός) самодовольнѣйшій. и если исполненный добродѣтелию мужъ счастливъ, то какая ему будетъ нужда въ другѣ? Ибо ни въ полезномъ не нуждается самодовольный, ни въ увеселяющемъ, ни въ сожительствѣ съ кѣмъ-либо другимъ: онъ самъ достаточенъ къ тому, чтобы быть самому съ собою. Въ особенности же это явно въ отношеніи къ Богу: ибо очевидно, что Онъ, ни въ чемъ не нуждаясь (οὐδενὸς προσδεόμενος), не нуждается также и въ другѣ, а равно нѣтъ у Него и соправителя, въ которомъ бы Онъ нуждался¹⁾. Мысль здѣсь, очевидно, та же, что и въ словахъ св. Апостола Павла, сказанныхъ въ Аѳинскомъ ареопагѣ: *Богъ не требуетъ служенія рукъ человѣческихъ, какъ бы имѣющій въ чемъ-либо нужду* (προσδεόμενος τινος), наоборотъ Онъ *Самъ даетъ всему жизнь и дыханіе и все* (Дѣян. 17, 24, 25).

вв) Совершеннѣйшее блаженство. «Богъ самодоволенъ и ни въ чемъ не нуждается», — говоритъ Аристотель, — такъ какъ Онъ «обладаетъ всеми благами». Но если такъ, то «что же Онъ будетъ дѣлать? Не спать же?». Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ у самого же Аристотеля, какъ мы знаемъ изъ предшествующаго, говорится: «Онъ будетъ созерцать нѣчто, и это нѣчто есть прекраснѣйшее и наиболѣе свойственное Ему». Именно, «Онъ будетъ созерцать Себя Самого». Въ этомъ самосозерцаніи Бога, какъ мы видѣли и изъ раньше приведеннаго по другому случаю примѣра разсужденія нашего философа, заключается Его блаженство (εὐδαιμονία, μακαριότης). Это есть чисто созерцательная дѣятельность (ἡ θεωρητικὴ ἐνέργεια), свободная отъ дѣлъ практическаго характера, свойственныхъ обычной человѣческой дѣятельности. Къ сказанному о семъ въ томъ мѣстѣ и нами уже приведенному (при разсужденіи о свободѣ воли Божіей), Аристотель по этому прибавляетъ: «и изъ человѣческихъ дѣятельностей самая сродная

¹⁾ Eth. Eud. VII, 11; сравн. также о томъ, что и Богъ не нуждается ни въ дружбѣ, ни въ друзьяхъ, и Его самого другомъ нельзя имѣть по этому, въ Eth. Nic. VIII, 6 (9); Eth. magn. II, 11; Eth. Eud. VII, 3.

съ таковою дѣятельностію божественною есть и самая блаженная (εὐδαιμονικωτάτη). Доказательствомъ же этого служить то, что прочія животныя, совершенно лишеныя такой дѣятельности, не причастны и блаженства. Ибо у боговъ вся жизнь блаженна (τοῖς θεοῖς ἅπας ὁ βίος μακάριος); у людей же она блаженна, насколько является нѣкоторымъ подобіемъ таковой дѣятельности; а изъ прочихъ животныхъ ни одно не блаженствуетъ, поелику нисколько не имѣетъ общенія въ созерцаніи. Итакъ, насколько простирается созерцаніе (θεωρία), настолько и счастье, блаженство; и у кого больше созерцанія, у того болѣе и счастья; и не случайно, а по самому свойству созерцанія; ибо созерцаніе само по себѣ имѣетъ высокую цѣнну, такъ что по этому счастье есть нѣкое созерцаніе (ἡ εὐδαιμονία θεωρία τις)¹⁾. Главнѣйшій органъ созерцательной дѣятельности есть умъ (νοῦς), и вотъ почему всѣ прочія животныя, за исключеніемъ человѣка, будучи не причастны созерцанію, за неимѣніемъ ума, не причастны и счастью, блаженству. И наоборотъ, по этому же изъ людей наиболѣе счастливъ мудрецъ; онъ же и любезнѣе всѣхъ Богу. «Дѣйствующій сообразно требованіямъ ума (ὁ κατὰ νοῦν ἐνεργῶν), говоритъ Аристотель, заботящійся о немъ и съ уваженіемъ къ нему относящійся, кажется, есть человѣкъ наилучшимъ образомъ настроенный и боголюбивѣйшій (διακείμενος ἀριστα καὶ θεοφιλέστατος). Ибо, если боги имѣютъ какое-либо попеченіе о дѣлахъ человѣческихъ, а они, вѣроятно, и имѣютъ, то основательно было бы заключать отсюда и къ тому, что они и радуются о наилучшемъ и наиболѣе сродномъ Имъ въ человѣкѣ (а это и есть умъ) и болѣе всего любящимъ сіе и почитающимъ, съ своей стороны, благодѣтельствуя, какъ людямъ, имѣющимъ попеченіе о любезномъ для нихъ и какъ правильно и прекрасно дѣйствующимъ. А что все это наиболѣе присуще мудрецу, о томъ не безызвѣстно. Поэтому онъ есть боголюбивѣйшій изъ всѣхъ. Онъ же, вѣроятно, и счастливѣйшій, такъ что и на этомъ основаніи мудрецъ можетъ быть названъ наиболѣе

¹⁾ Eth. Nicom. X, 8.

счастливымъ» (ὁ σοφὸς μάλιστα εὐδαίμων) ¹⁾. Что же послѣ того сказать о Самомъ Богѣ, Который есть чистѣйшій Умъ (νοῦς). «Богъ» есть всеблаженный и «счастливейшій изъ всѣхъ» (εὐδαιμονέστατος θεός) ²⁾ Онъ «счастливъ и блаженъ, но не по причинѣ какого-либо изъ внѣшнихъ благъ, а Самъ чрезъ Себя и тѣмъ именно, каковъ Онъ есть по своей природѣ (εὐδαίμων μὲν ἐστὶ καὶ μακάριος, δι' οὐθέν δὲ τῶν ἐξωτερικῶν ἀγαθῶν, ἀλλὰ δι' αὐτὸν αὐτός καὶ τῷ ποῖος τις εἶναι τὴν φύσιν). Поэтому и благополучіе счастія (τὴν εὐτυχίαν τῆς εὐδαιμονίας) чрезъ это необходимо иное» ³⁾. Въ этомъ случаѣ и въ этомъ отноше- нии совершеннѣйшее блаженство Бога тѣсно связывается съ Его вседовольствомъ (αὐτάρχεια) съ одной и Его радостію (χαίρειν), удовольствіемъ (ἡδονή, τὸ ἡδύ) съ другой стороны. «То, ради чего что-либо существуетъ, и цѣль есть самое лучшее (τὸ οὗ ἕνεκα καὶ τὸ τέλος βέλτιστον); а самодовольство есть цѣль и самое лучшее» (ἡ δὲ αὐτάρχεια τέλος καὶ βέλτιστον) ⁴⁾; слѣдовательно жизнь, достигающая вполнѣ цѣли, какова Божественная, есть самая лучшая ⁵⁾. Не Божество, ни въ чемъ ненуждающееся, зависитъ отъ кого-либо или отъ чего-либо, а все отъ Него, какъ перваго движущаго, зависитъ и все къ Нему стремится, желаетъ, ищетъ его, почему Оно является достожеланнымъ, любимымъ, какъ прекраснѣйшее, превосходнѣйшее, самое лучшее изъ всего. Поэтому таковая жизнь Бога есть истиннѣйшая жизнь, отнюдь притомъ не бездѣятельная, но представляющая собой совершеннѣйшую дѣятельность (ζωὴν-ἐνέργειαν). Первое Движущее неподвижное, по Аристотелю, движетъ все. «будучи вѣчнымъ, сущностію и дѣятельностію. А движетъ Оно такъ, какъ бы было желаннымъ (τὸ ὀρεκτόν), и мысленное движетъ, само не будучи движимымъ. Изъ сихъ первое тождественно съ слѣдующимъ: ибо вождельно то, что является прекраснымъ и желанно прежде всего то, что дѣй-

1) Ibid. cap. 8 (9).

2) Metaph. II, 4. (именно во II-й книгѣ большой, въ отличіе отъ малой 2-й, ей предшествующей).

3) Polit. VII, 1.

4) Ibid. I, 1.

5) Conf. ibid.

ствительно прекрасно. Мы скорѣе стремимся (ὄρεσόμεθα) къ прекрасному, потому что оно кажется таковымъ, нежели оно кажется таковымъ, потому что мы стремимся къ нему. Ибо начало есть мышленіе (ἀρχὴ γὰρ ἡ νόησις). Умъ же (Νοῦς) приводится въ движеніе мысленнымъ (ὕπὸ τοῦ νοητοῦ), а мысленное образуетъ иной свой собственный рядъ и въ этомъ рядѣ есть первое Сущность, Которая является простою и дѣятельностію. Но и прекрасное и само по себѣ избираемое находится въ томъ же ряду; и наилучшее (ἄριστον) есть всегда или сравнительно первое. А что въ неподвижныхъ есть и цѣль (τὸ ὅτι ἐνεκεν), на это указываетъ самое раздѣленіе: ибо есть цѣль чего бы то ни было, изъ чего одно существуетъ, а другое не существуетъ въ дѣйствительности. Движетъ же какъ бы любимое (ἐρώμενον), а движимое движетъ другое. Такимъ образомъ Оно есть по необходимости сущее; и такъ какъ по необходимости, то и прекрасно (καλῶς), и такимъ образомъ Оно есть начало. Ибо необходимое понимается въ слѣдующихъ смыслахъ: какъ то, что происходитъ какъ бы насильственно, поелику происходитъ помимо стремленія (παρὰ τὴν ὀρμὴν); какъ то, безъ чего не можетъ быть блага (τὸ δὲ οὐ οὐκ ἄνευ τὸ εἶ); какъ то, что не можетъ имѣть себя иначе, но имѣетъ себя просто (ἀπλῶς). Итакъ, отъ такового-то начала зависитъ небо и природа (ἐκ τῆς αὐτῆς ἄρα ἀρχῆς ἤρτηται ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ φύσις). Жизнь, продолжающаяся у насъ лишь малое время, у этого Начала, есть превосходнѣйшая (διαγωγὴ ἢ ἀρίστη); потому что Оно существуетъ всегда, что для насъ невозможно; поелику дѣятельность Его есть и блаженство (ἡδονὴ ἢ ἐνέργεια τούτου). И потому бодрствованіе, чувствованіе и мышленіе для Него суть самое пріятное занятіе (ἐγγρήγορις, αἰσθησις, νόησις ἡδίστου), а отсюда и надежды и воспоминанія. Самое мышленіе свойственное Тому, что Само по Себѣ есть превосходнѣйшее, есть мышленіе само по себѣ (ἢ καθ' αὐτήν), и какъ свойственное Величайшему, есть величайшее. Этотъ Умъ мыслить о Себѣ Самомъ по воспріятію мысленнаго (αὐτὸν δὲ νοεῖ ὁ νοῦς κατὰ μετὰληψιν τοῦ νοητοῦ): ибо какъ мыслящій, касается Онъ чего бы то ни было и мыслить о чемъ бы то ни было, такъ что въ этомъ случаѣ умъ и мыслимое составляютъ одно и то же.

Воспринимаемое какъ со стороны мыслимаго, такъ и со стороны субстанціи при этомъ есть самъ же Умъ. Дѣйствуетъ же Онъ въ области мысленнаго; такъ что мысленное болѣе, нежели какая-либо другая субстанція, есть то Божественное, что, какъ кажется, имѣетъ умъ; и умозрѣніе (или созерцаніе— θεωρία) есть для Него самое пріятное и наилучшее занятіе (τὸ ἡδίστον καὶ ἄριστον). Итакъ, если Богъ въ такомъ хорошемъ состояніи находится всегда, въ какомъ мы иногда, то и это было бы дивно; а если болѣе того, то еще болѣе дивно. А Онъ именно въ такомъ состояніи и находится. Присуща Ему и жизнь (καὶ ζωὴ δὲ γὰρ ὑπάρχει); потому что дѣятельность ума и есть жизнь (ἢ γὰρ τοῦ ἐνέργεια ζωή); и Самъ Онъ есть дѣятельность (ἐκείνος—ἡ ἐνέργεια); дѣятельность же сама по себѣ есть наилучшая и вѣчная жизнь Его ¹⁾). Мы утверждаемъ, что Богъ есть вѣчное превосходнѣйшее живое Существо, такъ что жизнь и вѣкъ постоянный и вѣчный присущъ Богу. Вотъ что такое Богъ ²⁾ Полная радость, совершенное довольство и безконечное блаженство въ Богѣ именно и выражаютъ полноту сознанія Имъ Своихъ совершенствъ, завершая собою полноту содержанія идеи абсолютнаго совершенства, въ Немъ заключающагося и лишь въ слабой степени отражающагося въ умѣ, сознаніи человѣка, и болѣе ясно сознаваемаго философомъ.

Таково ученіе Аристотеля о Богѣ и Его свойствахъ. Все это ученіе свое нашъ философъ старался, по возможности, основать на своихъ философскихъ началахъ и оправдать философскими соображеніями, хотя и не всегда съ строгою послѣдовательностію, какъ мы видѣли, особенно въ отношеніи къ свойствамъ воли Божіей. Это обстоятельство побуждаетъ насъ подвергнуть хотя краткому разсмотрѣнію еще вопросъ—

в) *О Богѣ, какъ личности, въ ея дѣятельности по отношенію къ міру.* Съ строго философской точки зрѣнія Аристотель по этому вопросу могъ допустить и допускалъ скорѣе субстанціальное, нежели личное отношеніе Бога къ міру. Такъ

1) Срав. «О небѣ» II, 3: Θεοῦ ἐνέργεια ἀθανασία τοῦτο δ' ἐστὶ ζωὴ αἰδῖος.

2) Metaph. XI (XII) 7.

какъ Богъ, по Аристотелю, есть чистый Умъ, въ своемъ мышленіи направленный на самого же Себя, то и дѣятельность Его есть чисто теоретическая, а не практическая, требующая участія воли. Поэтому же и отношеніе Бога къ міру есть скорѣе теоретическое, нежели практическое. Богъ, по Аристотелю, производитъ міръ по необходимости, вслѣдствіе простого факта своего бытія, а не по свободному произволнію Своему, какъ учитъ христіанство. «Умъ, говоритъ Аристотель, отъ начала дѣлаетъ нѣчто помысливъ» ¹⁾. Но какъ же Онъ дѣлаетъ и чтó именно дѣлаетъ (*ἐργάζεται*)? Богъ есть чистая дѣйствительность, а матерія чистая возможность. Всякая возможность существуетъ только подъ условіемъ дѣйствительности. Слѣдовательно матерія, какъ *ἡ πρώτη οὐσία* имѣетъ бытіе только потому, что существуетъ первая, чистая дѣйствительность, т. е. Богъ; и слѣдовательно Богъ есть *причина* и *условіе* бытія матерія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и внѣшняго міра. «Необходимо, говоритъ Аристотель, чтобы Умъ прежде всего и природа были причиною (*αἰτίαν*) и многого другого и всего этого міра» ²⁾. Богъ есть «первое Движущее неподвижное», стало быть условіе или начало такого существованія міра, которое и теперь продолжается. Но такъ какъ для такого начала не было необходимости въ участіи воли Божіей, то начало это еще не можетъ быть признаваемо послѣдствіемъ акта творчества со стороны Бога. Такъ какъ, далѣе, нельзя указать момента во времени, въ который началось бы это существованіе или, по терминологіи Аристотеля, это движеніе, то это движеніе нужно признать вѣчнымъ, а слѣдовательно вѣчною и матерію, въ области которой главнымъ образомъ совершается это движеніе, равно какъ вѣчнымъ и міръ ³⁾. Движеніе состоитъ въ постоянномъ формированіи матеріи или вещества. въ процессѣ перехода, измѣненія ея изъ существованія по возможности въ существованіе по дѣйствительности (*τῇ δυνάμει—τῇ ἐνέργειᾳ*). Форма есть цѣль, а матерія—средство. Цѣль же самая конеч-

1) Phys. III, 4.

2) Ibid. II, 6.

3) Phys. VIII, 5. 6 и др. De caelo, I и т. д.

ная есть высочайшее благо, къ которому все стремится. Богъ, какъ Первовиновникъ движенія, есть и эта конечная цѣль всего существующаго, къ которой существующее стремится по подобію того, какъ мы стремимся (*ὀρεσόμεθα*) къ предметамъ прекраснымъ и высокимъ. Но для возбужденія такого стремленія опять нисколько не требуется со стороны Бога участіе Его воли, а достаточно одного лишь Его существованія, какъ Существа превосходнѣйшаго (*ἀριστον, κάλλιστον*, а потому и *ὀρεχτόν*) ¹⁾. Наконецъ, такъ какъ, по Аристотелю, Богъ не имѣетъ вообще никакихъ внѣшнихъ дѣйствій (*ἐξωτερικὰς πράξεις*) и занятъ только самосозерцаніемъ, есть мышленіе мышленія (*νόησις νοήσεως*): то Онъ лишь въ этомъ мышленіи созерцаетъ и тѣ понятія, идеи и формы, въ которыхъ является и долженъ являться міръ въ своемъ вѣчномъ движеніи. Слѣдовательно и въ этомъ отношеніи Онъ можетъ не имѣть ближайшаго, непосредственнаго соприкосновенія съ міромъ своею волею, а соприкасается съ нимъ лишь чрезъ мыслимое (*νοούμενον*) и въ области мысленнаго (*νοητόν*). Слѣдовательно, по этому, съ философской точки зрѣнія Аристотель не допускалъ, повидимому, ни творческаго, ни промыслительнаго дѣйствія Бога въ отношеніи къ міру. Такъ именно съ строго философской точки зрѣнія. Но уже и въ философскихъ своихъ соображеніяхъ объ отношеніи Бога къ міру Аристотель нерѣдко употребляетъ выраженія, которыя показываютъ, что ему, скорѣе по религиознымъ, нежели по философскимъ побужденіямъ, хотѣлось гораздо шире разсматривать это отношеніе, не ограничивая его субстанціальнымъ и теоретическимъ, а простирая и на личное, практическое участіе Бога въ бытіи и жизни міра. Такъ въ своей Метафизикѣ онъ говоритъ о Богѣ, какъ первомъ Двигателѣ, «движущемъ все во всѣхъ отношеніяхъ» (*τὸ πρῶτον πάντων κινεῖν πάντα*) ²⁾. Самое движеніе онъ простираетъ на все и на всѣ отношенія, почему совершеннѣйшимъ таковымъ и считаетъ круговое (*ἢ κύκλῳ*); и потому о первомъ Двигателѣ говоритъ, какъ о Началѣ

1) *Metaph.* XI (XII), 7 и др.

2) *Metaph.* XI (XII), 4.

(ἀρχή), отъ котораго «зависитъ небо и природа» ¹⁾, т. е. все видимое и во всѣхъ его измѣненіяхъ (μεταβολαί) и отношеніяхъ (πάντα) ²⁾; такъ что «Божество объемлетъ цѣлую природу» (περιέχει τὸ θεῖον τὴν ὅλην φύσιν) ³⁾, притомъ не только субстанціально, но и личною волею. По крайней мѣрѣ, на это указываетъ сравненіе Бога съ полководцемъ, употребляющееся у Аристотеля уже и въ Метафизикѣ ⁴⁾, также съ человѣкомъ въ Физикѣ ⁵⁾. Въ Физикѣ онъ еще яснѣе высказываетъ эту мысль, когда говоритъ, что для этого верховнаго Начала нѣтъ другого начала, но Оно Само служитъ «Началомъ для остального и все объемлетъ и всѣмъ управляетъ» (περιέχειν ἅπαντα καὶ πάντα κυβερνᾷ) ⁶⁾; или какъ въ другомъ сочиненіи: «Богъ наполнилъ вселенную, сдѣлавъ происхождение постояннымъ» (συνεπλήρωσε τὸν ὅλον ὁ θεός, ἐντελεχῆ ποιήσας τὴν γένεσιν) ⁷⁾. и под. и затѣмъ въ частности говоритъ о «попеченіи боговъ о дѣлахъ человѣческихъ» (ἐπιμέλεια τῶν ἀνθρώπων ὑπὸ θεῶν) ⁸⁾ и т. д. Если же такъ въ сочиненіяхъ, признаваемыхъ всѣми за подлинныя творенія нашего философа, то тѣмъ болѣе въ другихъ его сочиненіяхъ, хотя и не всѣми признаваемыхъ за подлинныя, однако въ разсматриваемомъ отношеніи отнюдь не противорѣчающихъ первымъ, напротивъ, даже прямо и твердо основывающихся на нихъ (въ ученіи объ отношеніи Бога къ міру,—говоримъ). Таковы въ особенности сочиненія «О мірѣ» и «О небѣ», изъ коихъ первое болѣе всего подвергается сомнѣнію въ отношеніи къ подлинности своего происхожденія отъ Аристотеля, но за то и болѣе же всего представляетъ данныхъ для сужденія о разсматриваемомъ теперь нами предметѣ. Въ немъ Аристо-

1) Ibid. с. 7 (conf. ἡ σφαῖρα въ Phys. VIII, 9).

2) Ibid. conf. capp. 7 et 4. (Conf. Phys. VIII, 6: πάντῃ κινεῖν).

3) Ibid. cap. 8. Conf. Eth. Eud. VII, 14: ἐν τῷ ὅλῳ θεός καὶ πᾶν ἐκείνῳ.

4) Metaph. XI (XII), 10.

5) Phys. VIII, 5. Прямовидно также въ Метафизикѣ и Поликѣ сравненіе съ мудрецомъ.

6) Phys. III, 4. Срав. въ Метаф. XI (XII), 10, стихъ изъ Илиады о единовластии.

7) De gener. et corrupt. II, 10.

8) Ethica Nicom. X, 8.

тель, опредѣливъ понятіе о мірѣ (κόσμος) согласно тому, какъ онъ не разъ опредѣлялъ то же понятіе и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ и между прочимъ въ сочиненіи «О небѣ» (περὶ οὐρανοῦ) по отношенію къ различнымъ частямъ міра и въ цѣломъ его составѣ ¹⁾, именно опредѣливъ міръ, какъ цѣлое, составленное изъ неба и земли и ими объемлемаго (σύστημα ἐξ οὐρανοῦ καὶ γῆς καὶ τῶν ἐν τούτοις περιεχομένων) и «въ иномъ смыслѣ» (ἐτέρως), какъ «порядокъ и украшеніе цѣлаго, сохраняемый отъ боговъ и чрезъ боговъ» (ἡ τῶν ὄλων τάξις τε καὶ διακόσμησις, ὑπὸ θεῶν τε καὶ διὰ θεῶν φυλαττομένη) ²⁾, прежде всего подробно рассматриваетъ его самыя составныя части: небо съ его свѣтилами и эфирною средою, землею, моремъ и т. д. ³⁾. Все это, равно какъ и движеніе (κίνησις) міровое онъ рассматриваетъ опять совершенно согласно (въ общемъ) съ ученіемъ о движеніи и о природѣ вообще, заключающимся въ другихъ его сочиненіяхъ ⁴⁾. А съ 5-й главы приступаетъ къ раскрытію собственно отношенія Бога къ міру. Въ разныхъ мѣстахъ нашего настоящаго изслѣдованія мы уже дѣлали выдержки изъ этой и остальныхъ двухъ (6 и 7) главъ сего сочиненія, рассуждающихъ о томъ же, напимѣръ, при разсмотрѣніи ученія Аристотеля о существѣ Божіемъ и о вездѣсущи Божества. На настоящей разъ мы извлечемъ лишь наиболѣе существенное изъ нихъ для рѣшенія интересующаго насъ вопроса. И прежде всего, въ своемъ сочиненіи «О небѣ» (неподвергающемся сомнѣнію въ подлинности происхожденія его отъ Аристотеля) нашъ философъ заявилъ глубоко

¹⁾ Срав. для сего κόσμος καὶ τάξις, εὐταξία καὶ κόσμος въ Metaph. I, 3; De coelo, III 2; Polit. VII, 8;—ἡ τοῦ ὄλου σύστασις ἐστὶ κόσμος καὶ οὐρανός κτλ. въ De coelo I, 10; III, 2; Meteorol. I, 2. 3. 7. 8; 2; II, Metaph. X. 6;—Eth. Nic. VI, 6 (7); Phys. III, 6; VIII (IX), 2 и др.

²⁾ De mundo, cap. 2 init. Въ 1-й главѣ заключается только приступъ, съ обращеніемъ къ Александру Великому, для котораго написана была книга, чѣмъ, по нашему мнѣнію, и объясняется ея особенность по измѣненію заключающагося въ ней ученія, въ сравненіи съ другими сочиненіями Аристотели.

³⁾ De mundo, cap. 2—4.

⁴⁾ Для сего срав. напр. о круговомъ движеніи (ἡ κύκλω) Phys. VIII, 7. 8; De coelo II, 3; Metaph. XI (XII), 6 и друг., объ Эфирѣ—De coelo I, 3; Meteorol. I, 3 и т. д.

знаменательную и не вполне, повидимому, согласную съ его основными возрѣніями философскими о вѣчности міра мысль о томъ, что небо и вообще міръ *произошелъ*. «Что міръ произошелъ,—говоритъ онъ здѣсь,—это все утверждаютъ» (γενόμενον μὲν οὖν ἀπαντες εἶναι φασιν) ¹⁾. А въ книгѣ «О мірѣ» онъ прямо называетъ Бога «производителемъ всего» (ἀπάντων γενέτωρ): «Богъ,—говоритъ онъ,—есть по истинѣ спаситель (σωτὴρ μὲν ὄντως) и производитель всего какимъ бы то ни было образомъ совершающагося въ мірѣ семъ» ²⁾. Выше же сего, не имевъ еще Его прямо Богомъ, онъ говорилъ о Немъ въ отношеніи къ міру слѣдующее: «такъ составъ вселенной, то есть неба и земли и всего міра, чрезъ соединеніе противоположнѣйшихъ началъ, украсила и привела въ порядокъ одна и та же гармонія: ибо сухое съ помощію влажнаго, теплое съ помощію холоднаго, чрезъ примѣшеніе легкаго къ тяжелому и прямого къ круглому, всю землю и море, эфиръ, солнце и луну и цѣлое небо украсила и привела въ порядокъ (δικόσμησε) одна, проходящая чрезъ все Сила (μία ἡ διὰ πάντων διήκουσα δύναμις), изъ несоединимаго и инороднаго, изъ воздуха и земли, огня и воды устроившая весь міръ (τὸν σύμπαντα κόσμον δημιουργήσασα), разграничившая его одною поверхностію шара, принудившая противоположнѣйшія въ немъ природы соединиться вмѣстѣ и изъ всего этого содѣлавшая всему сохраненіе» (спасеніе—σωτηρίαν) ³⁾. Далѣе Аристотель прямо говоритъ, что это была за Сила. «Нѣкое древнее и отъ предковъ къ потомкамъ переходящее преданіе существуетъ,—говоритъ онъ,—между людьми и гласитъ, что все у насъ отъ Бога и чрезъ Бога установлено и существуетъ (ὡς ἐκ θεοῦ πάντα καὶ διὰ θεοῦ ἡμῖν συνέστηκεν, сравн. σύστημα—о мірѣ) и что никакое естество само по себѣ не можетъ быть самодовлѣющимъ, будучи лишено сохраненія отъ Него» (οὐδεμία δὲ φύσις αὐτὴ καθ' ἑαυτὴν ἐστὶν αὐτάρκης, ἐρημωθείσα τῆς ἐκ τούτου σωτηρίας) ⁴⁾.

1) De coelo, I, 10.

2) De mundo, cap. 6.

3) Ibid. cap. 5.

4) Ibid. cap. 6.

Ясно, такимъ образомъ, что Аристотелю предносилась мысль и о творческомъ и о промыслительномъ отношеніи Бога къ міру. Въ этомъ-то смыслѣ и далѣе Аристотель того же Бога именуешь опять «положившею для себя твердое основаніе на небѣ силою» (ἡ ἐν οὐρανῷ δύναμις ἰδρυμένη), — которая «является причиною сохраненія для всего (σὺμπασιν αἰτία γίνεται σωτηρίας) и даже для самаго отдаленнаго отъ нея» ¹⁾. Въ этомъ же смыслѣ онъ затѣмъ сравниваетъ Бога съ царемъ Персидскимъ въ отношенія къ его невидимости по существу, но видимости по проявленію въ дѣлахъ и величїи, въ отношенія къ управленію міромъ и т. д. ²⁾; — сравниваетъ съ великими мастерами машиннаго дѣла ³⁾, — съ полководцами, съ распорядителями хоровъ и т. д., причеиъ опять называетъ Бога «Вождемъ и производителемъ всяческихъ, невидимымъ и по существу ни для кого другаго, за исключеніемъ разума» (ὁ πάντων ἡγεμὼν τε καὶ γενέτωρ, ἀόρατος ὢν ἄλλῃ πλὴν λογισμῷ) ⁴⁾, и при чемъ особенно важно сравненіе Бога съ душою. «Душа (ἡ ψυχή), — говоритъ Аристотель, — благодаря которой мы живемъ, обладаемъ домами и городами, будучи невидима, становится видимою въ дѣлахъ своихъ: весь порядокъ жизни (ὁ τοῦ βίου διάκοσμος) ею изобрѣтенъ, установленъ и сохраняется: воздѣлываніе земли» и т. д. «Это же должно думать и о Богѣ... Ибо всѣ явленія и измѣненія, совершающіяся въ воздухѣ, на землѣ и въ водѣ, по истинѣ, можно сказать, суть дѣла Бога (θεοῦ ἔργα), содержащаго въ своей власти міръ... Такое положеніе занимаетъ въ мірѣ Богъ, содержащій въ себѣ гармонию и спасеніе всей вселенной» (συνέχων τὴν τῶν ὅλων ἀρμονίαν τε καὶ σωτηρίαν) ⁵⁾ Въ частности, не говоря о небесныхъ свѣтилахъ, приводимыхъ въ движеніе Богомъ, и «живыя существа, находящіяся въ воздухѣ, на землѣ и въ водѣ, рождаются (γίνεται),

1) Ibid. pag. 637, t. III ed. Didot.

2) Ibid. pag. 637 sq.

3) Ibid. pag. 638. Здѣсь-то особенно прилагается понятіе о Богѣ, какъ первомъ Двигателѣ.

4) Ibid. pag. 639. (Срав. въ книгѣ «О небѣ» I, 4 выраженіе: ὁ θεὸς καὶ ἡ φύσις οὐδὲν μίτην ποιῶσιν).

5) Ibid. pag. 640.

цвѣтутъ и умираютъ, повинуюсь законамъ Бога (τοῖς τοῦ θεοῦ παιδόμενα θεσμοῖς) ¹⁾; точно также и мы — люди «живемъ» (ζῶμεν) Богомъ, Который потому и называется Зевсомъ (Ζῆνα) ²⁾ и Который вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи виновникомъ всевозможныхъ метеорологическихъ явленій ³⁾, является виновникомъ и покровителемъ разнообразныхъ жизненныхъ и общественныхъ отношеній людскихъ, распорядителемъ судьбы людей и т. д. ⁴⁾. Вообще Богъ есть такое Существо, чрезъ Которое и Которымъ мы живемъ, и движемся и существуемъ (ζῶμεν καὶ κινούμεθα καὶ ἐσμέν), какъ выражается св. Апостолъ Павелъ (Дѣян. 17, 28), и Который, сотворивъ небо и землю, и море и все, что въ нихъ, подаетъ намъ съ неба дожди и времени плодоносныя (Дѣян. 14, 15. 17); или короче — «Богъ, какъ гласитъ и древнее преданіе, заключающій въ Себѣ начало, конецъ и средину всего сущаго» (ἀρχὴν τε καὶ τελευτὴν καὶ μέσα τῶν ὄντων ἀπάντων) ⁵⁾.

Но само собою разумѣется, въ особенно близкихъ отношеніяхъ Богъ находится къ человѣку, въ котораго Онъ вложилъ какъ бы часть Своего существа — умъ (νοῦς) ⁶⁾ и который есть цѣль природы ⁷⁾. Какъ Духъ, Богъ дѣйствуетъ ближе всего на душу человѣка и распоряжается всею его судьбою. «Какое начало движенія въ душѣ (τίς ἢ τῆς κινήσεως ἀρχὴ ἐν τῇ ψυχῇ)?» спрашиваетъ Аристотель; и отвѣчаетъ: «ясно, что какъ во вселенной таковымъ началомъ является Богъ (ἐν τῷ ὅλῳ — θεός), такъ и въ душѣ; ибо все какъ бы движетъ существующее въ насъ Божество» (κινεῖ γάρ πως πάντα τὸ ἐν ἡμῖν θεῖον) ⁸⁾. Отношенія Божества къ человѣку главнѣйшимъ образомъ суть

1) Ibid. pag. 641.

2) Ibid. cap. 7 init.

3) Ibid. Conf. cap. 6, pag. 640.

4) Ibid. cap. 6, pag. 640. 641; cap. 7, pag. 641. 642.

5) De mundo, cap. 7, pag. 642. sub. fin. Срав. о началѣ, срединѣ и концѣ въ физическомъ смыслѣ по Аристотелю въ его Физикѣ VIII, 8 (12). Срав. также Поэтику, гл. 7. (въ началѣ).

6) Срав. νοῦν θύραθεν ἐπεισιέναι καὶ θεῖον εἶναι μόνον въ De animal. gener. II, 3 и τον νοῦν φῶς ἀνῆψεν ἐν τῇ ψυχῇ ὁ θεός въ Rhetor. III, 10.

7) Polit. I, 8; Phys. II, 2 et all.

8) Eth. Eud. VII, 14.

религіозныя, вопросъ о которыхъ побуждаетъ насъ, въ видахъ правильности и всесторонности выводовъ касательно ученія Аристотеля о Богѣ, рассмотреть то, какъ относился нашъ философъ къ народной религіи.

И. Корсунскій.

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Декабря № 23. 1890 года.

Содержаніе. Отчетъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1889—90. учебный годъ (продолженіе.—Отъ Харьковскаго комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1889—90 учебный годъ.

(Продолженіе *).

2. СОСТАВЪ УЧАЩИХСЯ.

Въ отчетномъ году въ училищѣ было семь классовъ: приготовительный и шесть штатныхъ.

а) Въ началѣ 18⁸⁹/₉₀ учебнаго года всѣхъ воспитаницъ въ училищѣ, вмѣстѣ съ принятыми вновь, было 333, именно: въ приготовительномъ классѣ 51, въ I—51, во II—50, въ III—48, въ IV—41, въ V—46 и въ VI—46 воспитаницъ.

Въ теченіе года выбыло изъ училища 8 воспитаницъ, именно: изъ приготовительнаго класса 5 воспитаницъ (4 уволены по прошеніямъ родителей и 1 за долговременную неявку въ училище безъ объясненія причины), изъ III класса 1 воспитанница (уволена по просьбѣ отца) и изъ VI класса 2 воспитаницы (1 уволена по болѣзни и 1 за долговременную неявку въ училище безъ объясненія причины).

Вновь принято въ теченіе года 3 воспитанницы,—всѣ въ приготовительный классъ.

Такимъ образомъ ко времени годовыхъ экзаменовъ въ училищѣ числилось 328 воспитаницъ, именно: въ приготовительномъ классѣ 49 во-

---

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» № 22 за 1890 г.

спитанницъ, въ I классѣ 51, во II классѣ 50, въ III классѣ 47, въ IV классѣ 41, въ V классѣ 46 и въ VI классѣ 44 воспитанницы.

б) Изъ послѣдняго общаго числа (328) 1 приходящая воспитанница освобождена была отъ платы за ученіе, 60 воспитанницъ содержались на церковно-епархіальныя средства, 10 на средства епархіальнаго свѣчнаго завода, 29 воспитанницъ—на стипендіи разныхъ лицъ и вѣдомствъ, 205 воспитанницъ были полными пансіонерками со взносомъ по 75 руб. въ годъ, за 17 воспитанницъ вносила уменьшенная плата по 50 руб. въ годъ и за 6 воспитанницъ свѣтскаго происхожденія вносилося по 200 р. въ годъ.

в) Изъ того же общаго числа учащихся дочерей доховенства Харьковской епархіи было 313,—въ томъ числѣ дочерей протоіереевъ и священниковъ 240, дочерей діаконовъ 30 и дочерей псаломщиковъ 43; иноепархіальная воспитанница была 1,—дочь священника; воспитанницъ свѣтскаго происхожденія было 14,—именно 2 дочери умершаго смотрителя духовнаго училища, 1 дочь умершаго помощника инспектора семинаріи, 2 дочери умершаго регента архіерейскаго хора, 3 дочери дворянъ, 2 дочери гражданскихъ чиновниковъ, 2 дочери мѣщанъ, 1 дочь рядоваго и 1 дѣвица крестьянскаго сословія.

2. За исключеніемъ 1 приходящей воспитанницы, дочери училищнаго эконома, всѣ остальные воспитанницы помѣщались въ училищномъ корпусѣ.

3. УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

а) Недѣльное распредѣленіе уроковъ съ объясненіемъ причинъ уклоненія отъ предписаній программы.

Недѣльное распредѣленіе уроковъ въ училищѣ въ отчетномъ году было слѣдующее: аа) *въ приготовительномъ классѣ въ понедѣльникъ*—русскій языкъ, церковное пѣніе, Законъ Божій; *во вторникъ*—руководствіе русскій языкъ, чистописаніе; *въ среду*—Законъ Божій, русскій языкъ, чистописаніе; *въ четвергъ*—русскій языкъ, церковное пѣніе, русскій языкъ; *въ пятницу*—русскій языкъ, Законъ Божій, руководствіе, рисованіе; *въ субботу*—русскій языкъ, чистописаніе, русскій языкъ; бб) *въ I классѣ въ понедѣльникъ*—арифметика, русскій языкъ, диктовка, церковное пѣніе; *во вторникъ*—арифметика, чистописаніе, французскій языкъ, Законъ Божій; *въ среду*—чистописаніе, русскій языкъ, руководствіе, Законъ Божій; *въ четвергъ*—арифметика, чистописаніе, Законъ Божій, руководствіе; *въ пятницу*—французскій языкъ, русскій языкъ, Законъ Божій, церковное пѣніе, рисованіе; *въ субботу*—чистописаніе, русскій языкъ, арифметика, диктовка; вв) *во II классѣ въ понедѣльникъ*—французскій языкъ, арифметика, церковное пѣніе, Законъ Божій; *во вторникъ*—чистописаніе, русскій языкъ, арифметика, диктовка; *въ среду*—руководствіе, Законъ Божій, русскій языкъ, географія; *въ четвергъ*—Законъ Божій, арифметика, французскій языкъ, русскій языкъ; *въ пятницу*—Законъ Божій, диктовка, церковное пѣніе, русскій языкъ, рисованіе; *въ субботу*—арифметика, чистописаніе, географія, руководствіе; гг) *въ III*

классъ въ понедѣльникъ—русскій языкъ, чистописаніе, арифметика, французскій языкъ; *во вторникъ*—русскій языкъ, арифметика, Законъ Божій, руководѣіе; *въ среду*—географія, чистописаніе, Законъ Божій, церковное пѣніе; *въ четвергъ*—русскій языкъ, Законъ Божій, арифметика, руководѣіе; *въ пятницу*—географія, диктовка, французскій языкъ, Законъ Божій, рисованіе; *въ субботу*—русскій языкъ, арифметика, диктовка, церковное пѣніе; дд) *въ IV классъ въ понедѣльникъ*—чистописаніе, французскій языкъ, географія, Законъ Божій; *во вторникъ*—диктовка, географія, русскій языкъ, арифметика; *въ среду*—руководѣіе, Законъ Божій, церковное пѣніе, исторія, *въ четвергъ*—чистописаніе, русскій языкъ, арифметика, французскій языкъ; *въ пятницу*—славянскій языкъ, русскій языкъ, арифметика, диктовка, рисованіе; *въ субботу*—географія, Законъ Божій, церковное пѣніе, исторія; ее) *въ V классъ въ понедѣльникъ*—географія, Законъ Божій, дидактика, исторія, *во вторникъ*—французскій языкъ, арифметика, географія, русскій языкъ; *въ среду*—славянскій языкъ, церковное пѣніе, исторія, физика; *въ четвергъ*—руководѣіе, арифметика, русскій языкъ, исторія; *въ пятницу*—арифметика, церковное пѣніе, русскій языкъ, французскій языкъ, рисованіе; *въ субботу*—Законъ Божій, географія, исторія, физика; жж) *въ VI классъ въ понедѣльникъ*—русскій языкъ, географія, Законъ Божій, дидактика, *во вторникъ*—геометрія, Законъ Божій, физика, французскій языкъ; *въ среду*—церковное пѣніе, исторія, русскій языкъ, географія; *въ четвергъ*—физика, французскій языкъ, исторія, космографія; *въ пятницу*—церковное пѣніе, геометрія, русскій языкъ, физика, рисованіе; *въ субботу*—русскій языкъ, исторія, Законъ Божій, дидактика.

1-й урокъ продолжается отъ 9 до 10 часовъ, 2-й урокъ отъ 10¹/₄ до 11¹/₄ часовъ, 3-й урокъ отъ 11³/₄ до 12³/₄ часовъ, 4-й урокъ отъ 1 до 2 часовъ и 5-й урокъ отъ 3 до 5 часовъ.

Сравнительно съ 18⁸⁸/₈₉ учебнымъ годомъ въ этомъ распредѣленіи уроковъ произошла только та перемена, что въ отчетномъ году не назначено въ приготовительномъ классѣ уроковъ по арифметикѣ, вслѣдствіе исключенія послѣдней изъ учебной программы этого класса, почему оказалось возможнымъ въ приготовительномъ классѣ ежедневно назначить для классныхъ занятій, вмѣсто прежнихъ четырехъ, только по три часа.

б) Указаніе руководствъ, употребляемыхъ въ училищѣ, но не указанныхъ въ установленной программѣ.

Въ отчетномъ году употреблялись учебники и учебныя пособія, не указанные въ программѣ, только по слѣдующимъ предметамъ: аа) *по Закону Божию* въ приготовительномъ классѣ, для упражненія въ славянскомъ чтеніи, «Чтенія изъ свящ. книгъ Ветхаго и Новаго Завета», *Прянишникова*; въ I классѣ. «Наставленія въ Законъ Божіемъ», *П. Смирнова*; бб) *по русскому языку* этимологія и синтаксисъ до соединенія предложень по способу сочиненія проходила въ высшихъ классахъ и повторялась въ VI классѣ по учебнику *Киртичникова*, остальная часть синтаксиса проходила въ IV классѣ и повторялась въ VI по учебнику *Говорова*; теорія словесности въ IV и V классахъ проходила по учеб-

нику *Вълорусова*; исторія русской литературы въ VI классѣ—по учебнику *Орлова*; учебными пособиями по русскому языку служили: въ приготовительномъ и I классахъ «Учебная русская хрестоматія *Полетова*, во II и III классахъ «*Родина*» *Радонежскаго*; вв) по славянскому языку въ IV и V классахъ—грамматика *Перевальскаго*; гг) по арифметикѣ въ старшихъ классахъ учебникъ *Малипина*; учебными пособиями во всѣхъ классахъ служили *задачки*: *Малипина*, *Минина* и *Арбузова*; дд.) по геометріи въ V и VI-мъ классахъ руководство *Кравченко*; ес.) по всеобщей и русской гражданской исторіи въ VI-мъ классѣ—учебникъ *Рождественскаго*; жж.) по *дидактикѣ* въ V-мъ классѣ—литографированныя записки, составленныя преподавателемъ, а въ VI-мъ классѣ *Объяснительныя записки къ программамъ учебныхъ предметовъ для церковно-приходскихъ школъ*, утвержденыя св. Синодомъ и учебникъ *Роцина*.

в) Уклоненія отъ установленной для каждаго класса программы.

По русскому языку, арифметикѣ съ геометріей и дидактикѣ въ старшихъ классахъ въ отчетномъ году были тѣ же, что и въ предыдущіе годы. Но въ учебной программѣ низшихъ классовъ, сравнительно съ прошлымъ учебнымъ годомъ, въ отчетномъ году произошла значительная переѣна. Въ 1886-мъ году, при открытіи въ Училищѣ приготовительнаго класса, составлена была, для опыта, и утверждена Его Высокопреосвященствомъ программа этого класса, примѣнительно къ изданной св. Синодомъ учебной программѣ для приготовительныхъ классовъ при мужскихъ духовныхъ училищахъ. Вновь составленная программа, вслѣдствіе усиленной подготовки дѣвицъ, вызванной громадною конкуренціею и большимъ противъ нормальнаго возрастомъ желавшихъ поступить въ Училище, обнимала собою большую часть указанной въ Уставѣ Епархіальныхъ Женскихъ Училищъ программы 1-го класса, вслѣдствіе чего должно было произойти,—и происходило,—соотвѣтствующее передвиженіе программъ и въ дальѣйшихъ классахъ. Но такъ какъ таковое передвиженіе строго не соотвѣтствовало программамъ, Высочайше утвержденнымъ, и новооткрытый приготовительный классъ терялъ уже значеніе собственно приготовительнаго класса, то предсѣдатель Совѣта, обративъ вниманіе Совѣта на это обстоятельство, предложилъ вновь обсудить его. Вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдатель Совѣта заявилъ, что по Уставу Епарх. Женск. Училищъ (§ 78) «въ первый классъ училища поступаютъ дѣвицы, умѣющія читать по русски и знающія общеупотребительныя молитвы, а потому теорія арифметики, о которой въ вышеуказанномъ параграфѣ даже не упомянуто, въ приготовительномъ классѣ и не должна быть преподаваема. На журналахъ объ этомъ Его Высокопреосвященство, резолюціями отъ 14 Іюля и 10 Августа 1889-го года, согласившись во всемъ съ мнѣніемъ предсѣдателя Совѣта, предписалъ впредь никакихъ отступленій отъ программъ, утвержденныхъ св. Синодомъ, не дѣлать. Во исполненіе этихъ резолюцій, Совѣтъ училища, журналомъ отъ 17 Августа 1889 года, 26-го того же Августа утвержденнымъ Его Высокопреосвященствомъ, постановилъ: во всѣхъ штатныхъ

классахъ строго придерживатьсѣ программъ, Высочайше утвержденныхъ, равно какъ, на основаніи ихъ, въ частности разработанныхъ и отпечатанныхъ Совѣтомъ въ 1884 году (въ которыя вошли и указанныя выше измѣненія въ распредѣленіи уроковъ и учебныхъ программъ по русскому языку, арифметикѣ съ геометрией и дидактикѣ въ старшихъ классахъ) съ тѣми сокращеніями, которыя были сдѣланы въ нихъ Совѣтомъ во исполненіе опредѣленія св. Синода отъ 30 Іюля 12 Августа 1886 года за № 1637-мъ; въ приготовительномъ классѣ, при 18 недѣльныхъ урокахъ, ввести слѣдующіе предметы преподаванія: 1. Законъ Божій (3 урока), 2. Русскій языкъ (8 уроковъ), 3. Церковное пѣніе (2 урока), 4. Чистописание (3 урока) и 5. Рукодѣліе (2 урока). Въ частности: по Закону Божию ввести: а) изученіе общеупотребительныхъ молитвъ съ переводомъ на русскій языкъ и объясненіемъ ихъ и б) церковно-славянское чтеніе; по русскому языку: а) приученіе къ бѣглому и выразительному чтенію, б) пересказъ прочитаннаго, в) заучиваніе наизусть стихотвореній, г) списываніе съ книги и диктантъ; по церковному пѣнію: усвоеніе (съ голоса) напѣва важнѣйшихъ церковныхъ молитвъ; по чистописанію: усвоеніе механизма письма и каллиграфіи.

Соотвѣтственно этому постановленію Совѣта въ отчетномъ году и велось преподаваніе во всѣхъ классахъ училища.

(Продолженіе булетъ).

Отъ Харьковскаго комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Въ Харьковскій комитетъ Православнаго Миссіонернаго Общества поступили пожертвованія *отъ мая мѣсяца*: чрезъ благочиннаго 1 округа Харьковскаго уѣзда поступило сбора въ недѣлю православія 34 р. 86 к.; благочинными: 2 Купянскаго округа представлено сбора въ ту же недѣлю 45 р. 3 Харьковскаго округа того же сбора 23 р. 62 к., 2 Ахтырскаго округа тоже 31 р. 90 к. Итого въ май поступило 135 р. 38 к., *отъ іюня мѣсяца* поступило: отъ благочиннаго 3 Изюмскаго округа сбора въ недѣлю православія 50 р. 60 к., *отъ іюля мѣсяца* поступило: представлено Казначеемъ Комитета $\frac{1}{10}$ по 14 билетамъ вѣчныхъ вкладовъ за полъ года 52 р. 49 к., благочинными: 1 Зміевского округа представлено кружечнаго сбора за первую половину с. г. 17 р. 50 к., членскими взносами: отъ священниковъ Василія Толмачева 3 р., Автонома Крыжановскаго 3 р., Василя Щекіна 3 р., Григорія Ходскаго 3 р., Петра Дейнеховскаго 3 р., Владиміра Раевского 3 р., Максима Рудинскаго 3 р., Матвѣя Васильковскаго 3 р., Николая Троянова 3 р., Николая Жукова 3 р., Григорія Павлова 3 р., Іоанна Филевскаго 3 р., Виктора Троянова 3 р., отъ священниковъ членскіе взносы: Григорія Рудинскаго 3 р., Василія Васильковскаго 3 р., Павла Огневцева 3 р., Василія Насѣдкина 3 р., Іоанна Чудиновскаго 3 р., Василя Збукарева 3 р., Василя Виноградскаго 3 р., Николая

Сергѣева 3 р., Тимофей Ѳедорова 3 р., Василія Ковалевскаго 3 р., Ѳеодора Ковалевскаго 3 р., Николая Ильинскаго 3 р., Василія Филевскаго 3 р. Всего въ июль мѣсяцѣ поступило 147 р. 99 к., *въ августъ мѣсяцѣ* поступило: отъ благочиннаго 3 Ахтырскаго округа представлено сбора за первую половину 6 р. 17 к., членскихъ взносовъ отъ священниковъ по 3 р. отъ cadaго: Леонида Твердохлѣбова, Иоанна Ѳедорова, Иоанна Инокова, Василія Ястремскаго, Мелетія Быковцева, Григорія Кузнецова, Иоанна Косьменко, Павла Быковцева, Алексѣя Инокова, Димитрія Вѣдина, Іакова Ѳедорова, Іосифа Реутскаго, Филарета Донченко, Гавріила Попова, Павла Лисенкова, Михаила Загоровскаго, Георгія Ѳедорова, Петра Раздольскаго, Михаила Любицкаго, Іакова Инокова, Самуила Ѳедорова, Харлампія Ѳедорова, Иоанна Василевскаго, Василія Попова, Димитрія Прядкица, Ѳеодора Шишлова, Василія Кобелицкаго, Иоанна Кузнецова, Капитона Баженова, Димитрія Жуковскаго, отъ протоіереевъ: Григорія Максимова и Алексѣя Инокова по 3 р. отъ cadaго, всего въ августѣ поступило 102 р. 17 к., *въ сентябрь мѣсяцѣ* поступленій не было, *въ октябрь мѣсяцѣ* поступило: членскихъ взносовъ отъ священниковъ: Александра Касьянова 3 р. и Стефана Роменскаго 3 р., получено $\frac{1}{10}$ полугодичныхъ по 11 билетамъ Харьковскаго Купеческаго Банка 38 р. 28 к., всего въ октябрь поступило 44 р. 28 к.

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ Петро-Павловской церкви г. Харькова утверждень закопучителемъ 5 городского приходскаго училища.

— Измаилъ *Щелоковскій* опредѣленъ псаломщикомъ къ Вознесенской церкви с. Малыхъ Проходовъ, Харьковскаго уѣзда.

— Сынъ псаломщика Петръ *Навродскій* допущень Его Преосвященствомъ къ исправленію должности псаломщика при Іоанно-Предтеченской церкви сел. Ивановки, Изюмскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Николаевской церкви слоб. Цареборисовой Изюмскаго уѣзда, Тихонъ *Бутовскій* взять въ военную службу, а на его мѣсто перемѣщенъ псаломщикъ сл. Ивановки, того же уѣзда, Василій *Бутовскій*.

— Окончившій курсъ въ Купянскомъ духовномъ училищѣ Павелъ *Нововъ* опредѣленъ псаломщикомъ при Петро-Павловской церкви сл. Петро-Павловки Старобѣльскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Рождество-Богородичной церкви заштатнаго города Бѣлополья, Сумскаго уѣзда, Іоаннъ *Бородаевскій* рукоположенъ во діакона къ Успенской церкви сл. Климовки, того же уѣзда.

— Псаломщикъ Покровской церкви сл. Радьковки, Купянскаго уѣзда Георгій *Торакскій* перемѣщенъ согласно прошенію къ Всѣхсвятской церкви сл. Малой Чернетчины Сумскаго уѣзда.

— Сынъ псаломщика Андрей *Трошкій* опредѣленъ псаломщикомъ къ Георгіевской церкви с. Бѣловода Сумскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Христорожественской церкви с. Боромли Ахтырскаго уѣзда Иванъ *Истремскій* перемѣщенъ къ Покровской церкви с. Радьковки Купянскаго уѣзда, а на его мѣсто въ с. Боромлю перемѣщенъ псаломщикъ Всѣхвятской церкви с. Малой Черпетчины, Сумскаго уѣзда, Григорій *Должанскій*.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: къ Пророко Ильинской церкви заштатнаго города Вѣлополя Сумскаго уѣзда 2-й гильдіи куп. Алексѣй *Колоненко*; къ Казанской церкви с. Никитовки Ахтырскаго уѣзда кр. Василій *Ооменко*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Печальное положеніе православной Церкви въ Босніи и Герцеговинѣ — Пятипутныя отношенія между Цортой и Константинопольскимъ патріархомъ.— По поводу призыва Константинопольскаго патріарха къ составленію вселепскаго собора.—Православное миссіонерское общество.—Афонскіе попрошайки.—Матеріальная несостоятельность нашихъ переселенцевъ и кулачество на мѣстахъ переселеній.—Уставъ общества для вспоможенія нуждающимся переселенцамъ.— Колонизація въ Туркестанѣ.—Польская эмиграція въ Америку.—Мѣры со стороны Соединенныхъ Штатовъ противъ насылки въ Америку.

— Православная церковь въ Босніи и Герцеговинѣ находится въ печальномъ положеніи. Газета «Великая Сербія» передаетъ, что Австрійское правительство назначило на высшія духовныя мѣста болышею частью лицъ ничтожныхъ и даже измѣнившихъ своей народности. Всѣ лучшіе священники преслѣдуются, а иные прямо подвергаются тюремному заключенію, часто по ложному доносу или простому подозрѣнію. Въ послѣднее время оккупационныя власти задумали совершить переворотъ и въ дѣлѣ снабженія церквей богослужебными книгами. По приказанію правительства состоялся въ прошломъ юнѣ съѣздъ трехъ митрополитовъ боснійско-герцеговинской епархіи для соглашенія по вопросу о печатаніи Св. Евангелія. Правительство чрезъ сараевского митрополита Николаевича предложило перепечатать русское Евангеліе для Босніи и Герцеговины, сдѣлавъ въ немъ перемѣны и поправки перевода. Эти поправки должны были сдѣлать учителя Ренъевской семинаріи, а жители Босніи и Герцеговины утвердить ихъ. Газета замѣчаетъ, что этимъ путемъ Австрійское правительство хочетъ прервать духовную связь Босніи и Герцеговины съ Россіей. Сараевскій митрополитъ Николаевичъ, который въ первый день Пасхи приказалъ въ церкви пѣть австрійскій гимнъ: Gott erhalte, защищать предложеніе правительства, но другіе два митрополита не захотѣли согласиться на это, безъ предварительнаго одобренія

константинопольскаго патріарха. Въ настоящее время Австрійское правительство ведетъ тайные переговоры съ патріархомъ о предоставленіи независимости церкви въ Босніи и Герцеговинѣ.

— Натянутыя отношенія между Портою и Константинопольскимъ патріархомъ все еще продолжаютъ и не предвидится конца имъ, по крайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ. Но въ виду рѣшительнаго и твердаго образа дѣйствій патріарха и его Синода Порты начинаютъ повидному склоняться къ уступкамъ. Изъ Константинополя сообщаютъ, что тамъ образовалась новая коммиссія для разсмотрѣнія способовъ къ улаженію недоразумѣній между патріархомъ и Турецкимъ правительствомъ. Новую коммиссію составляютъ слѣдующія лица: великій визирь Кіамиль-паша, министры внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ и юстиціи, двое членовъ вселенскаго синода, трое православныхъ мірянъ и трое православныхъ турецкихъ пашей: Антопуло, Каратеодора и Фотіадесъ.

Что касается до постановленія относительно закрытія церквей, прекращенія въ нихъ богослуженія и другихъ церковныхъ требъ, то оно къ сожалѣнію продолжаетъ тяготѣть надъ православнымъ населеніемъ Константинопольскаго патріархата, хотя и не вездѣ соблюдается. Среди греческихъ епископовъ, подчиненныхъ Константинопольскому патріарху нашлись такіе, которые въ своихъ епархіяхъ отказались подчиняться повелѣнію патріарха. Таковы, по свѣдѣніямъ корреспондента одной заграничной газеты, епископы Салоникъ, Янины и Никодиміи, въ епархіяхъ коихъ церкви остались открытыми. По мѣстамъ населеніе выражаетъ сильное неудовольствіе на распоряженіе патріарха. Такъ, по извѣстію изъ Константинополя по случаю празднованія святого покровителя острова Кефалоніи, жители острова хотѣли посѣтить греческую церковь въ Галатѣ, но нашли ее запертою. Они проникли туда насильно и отслужили молебенъ, хотя тутъ не было ни одного священника въ облаченіи.

Изъ Старой Сербіи получены извѣстія въ Бѣлградѣ о сильномъ возбужденіи среди православныхъ сербовъ, духовно подчиненныхъ вселенскому патріарху. Сербское правительство поручило своему представителю въ Константинополь обратиться на это обстоятельство вниманіе Порты.

— Глубоко знаменательные дни переживаетъ святая Церковь Христова: первый изъ іерарховъ ея, святѣйшій патріархъ Константинопольскій, уже произнесъ свой призывной голосъ на вселенскій соборъ ко всѣмъ автокефальнымъ помѣстнымъ православ-

нымъ церквамъ и ждеть ихъ отвѣта. Составится ли этотъ соборъ, или нѣтъ?

Безъ сомнѣнія, одна уже мысль о возможности положительнаго или отрицательнаго его рѣшенія приводитъ въ священный трепеть душу каждаго православнаго христіанина, а то или иное практическое его разрѣшеніе получить глубокое значеніе въ жизни всего православнаго христіанства, всей святой, православной Церкви Христовой. Будетъ одно изъ двухъ — или наступитъ всеобщій свѣтлый праздникъ православія, или оно одѣнется глубокимъ трауромъ унынія, скорби о несбывшемся, давшемъ своемъ желаніи. Составится соборъ — наступитъ праздникъ торжественный, свѣтлый, жизнерадостный, какъ свѣтлый праздникъ Воскресенія. Ибо это будетъ день великаго собранія первенствующихъ служителей Божіихъ изъ всѣхъ церквей. Это будетъ «вѣнокъ мира и любви, представляющій въ наше время образъ лика апостольскаго»¹⁾, побѣдное торжество свѣта надъ тьмою. Свѣтлымъ, но тихимъ пламенемъ вспыхнетъ искра Божія, искра православія на христіанскомъ востокѣ среди облегающей его тьмы мусульманства, и не обойметъ его эта тьма, а разольется свѣтъ его и на западъ, за океанъ и даже до послѣднихъ земли. Этимъ свѣтомъ озарится и самая облегающая тьма мусульманскаго царства. Если есть еще какая либо способность къ духовной жизни въ этой средѣ поклонниковъ пророка, омрачающей душу сладострастіемъ, вострепещетъ и эта среда, увидя а себѣ свѣточъ Духа, вострепещетъ тѣмъ духовно жизнерадостнымъ трепетомъ, какой производитъ въ душахъ призывающая къ возрожденію божественная благодать Всесвятаго и Животворящаго Духа. Вострепещетъ отъ усиленія и этотъ міръ, какъ нѣкогда вострепеталъ міръ римскій и греческій весь во злѣ лежавшій и обратился ко Христу. Темное царство увидитъ среди себя не вѣстника желѣза и крови, всеразрушающаго артиллерійскаго или лучше сказать адскаго пламени и жестокой тираннической оккупация, каковаго привыкла встрѣчать оно у себя и въ лицѣ своего пророка и въ бездушнѣй и холодно разсчитливѣй, своекорыстно-эгоистической политикѣ и дипломатіи Запада, оно это темное царство увидитъ благовѣстниковъ мира и любви, благая всѣмъ благовѣствующихъ, увидитъ сонмъ братьевъ, чуждыхъ другъ другу по крови и языку, но родныхъ по духу, едиными усты и единымъ сердцемъ славящихъ Единого, Истиннаго Бога Отца, и Единороднаго Сына

¹⁾ Евсеvій, жизнь Константина, кн. III.

Его Господа и Спасителя міра Іисуса Христа, и Всесвятаго и Животворящаго Духа. Этотъ свѣтъ истинной вѣры и духовнобратской любви освѣтитъ и Западъ, гордящійся своимъ чисто гражданскимъ прогрессомъ, но все болѣе и болѣе омрачающійся тьмою полного невѣрія, массоваго отреченія отъ Христа: онъ увидитъ въ православномъ Вселенскомъ соборѣ побѣдное знамя и восчувствуетъ силу истинной церкви Христовой. Съ истиннымъ восторгомъ привѣтствованъ будетъ этотъ соборъ и свободомыслящимъ, но религіознымъ новымъ свѣтомъ—заатлантическимъ. Пронесется слава православнаго Вселенскаго собора во глубины Азіи, въ Японію, въ Австралію.

Кто знаетъ хотя мало исторію истинной православной церкви, тотъ знаетъ, что ея Вселенскіе соборы имѣли такую т. е. вселенскую славу.

Истинно церковный Вселенскій соборъ съ чисто-гражданской и государственной точекъ зрѣнія есть собраніе, съѣздъ—если угодно,—компетентныхъ представителей вѣроисповѣданія, есть одно изъ явленій, имѣющихъ право на полное покровительство дружественной международной политики культурныхъ государствъ. Наши вѣкъ есть вѣкъ международныхъ конгрессовъ, вѣкъ всемірныхъ выставокъ, вѣкъ международныхъ съѣздовъ ученыхъ и художниковъ. Ни одна культурная нація, ни одно культурное государство не почитаетъ совмѣстнымъ со своимъ достоинствомъ препятствовать устройству на своей территоріи какого-либо изъ сихъ международныхъ съѣздовъ. Неужели же въ такой вѣкъ какое-либо изъ этихъ культурныхъ государствъ рѣшится оказать противодѣйствіе тому разномациональному церковному собранію во имя Единого Бога и ради удовлетворенія чисто религіозныхъ потребностей, которое есть и именуется Вселенскомъ соборомъ? Поэтому, позволительно надѣяться, что европейская дипломатія на сей разъ отнесется не только безпристрастно, но даже и сочувственно къ осуществленію такого величественнаго предпріятія, какъ созваніе церковновселенскаго собора.

Съ церковной точки зрѣнія Вселенскій соборъ есть дѣло благодати Божіей вспомошествовающей собранію во единое мѣсто трехъ блаженныхъ отцовъ и приводящей къ единомыслию каждый соборъ ихъ для изложенія законовъ и правилъ не гражданскихъ, но божественныхъ, относительно того, что должно дѣлать и чего не дѣлать.

Поэтому, если вселенскій патріархъ воззвалъ къ пастырямъ цер-

кви, приглашая ихъ на таковой церковной соборъ, на соборъ имѣющій всецѣло проникнутъ духомъ вѣры и любви, въ которомъ не будетъ мѣста ниному какому-либо руководителю, кромѣ закона Божественнаго, единый непогрѣшимый изъяснитель и учитель коего на землѣ и есть Вселенскій соборъ: то мы вѣруемъ и надѣемся, что это воззваніе есть дѣйствіе благодати Божіей.

— Изъ вышедшаго на этихъ дняхъ отчета Православнаго Миссіонерскаго Общества видно, что въ 1889 году, двадцатомъ своего существованія, Общество имѣло всѣхъ членовъ 12.849. Средства Православнаго Миссіонерскаго Общества за 1889 годъ представляются въ слѣдующемъ видѣ: членскихъ взносовъ и пожертвованій, а также процентовъ на капиталы, съ присоединеніемъ 7.160 р. 58 коп. чистаго дохода отъ Боголюбской миссіонерской часовни, въ кассу Общества поступило 85.867 руб. 51¹/₄ коп. Въ 41 епархіальномъ комитетѣ членскихъ взносовъ и пожертвованій поступило 168.307 руб. 8¹/₂ коп., такъ что общее количество денежныхъ поступленій на нужды Общества составляетъ 254.674 р. 59³/₄ коп.; причисляя къ этой суммѣ церковно-кружечный сборъ на распространіе Православія между язычниками—34.499 руб. 18 коп. и остатокъ суммъ отъ 1888 года—625.572 руб. 21²/₄ коп., получится что къ 1 января 1890 года Православное Миссіонерское Общество имѣло въ приходѣ 914.745 руб. 99¹/₂ коп. Расходъ суммъ Православнаго Миссіонерскаго Общества за 1889 годъ былъ произведенъ на слѣдующія статьи: 1) 166.418 руб. 90³/₄ коп. отпущено было на содержаніе миссій и на пособіе миссіонерамъ, ихъ вдовамъ и сиротамъ, причемъ въ эту сумму входятъ и 10.460 руб. 50 коп., прелрожденныя на построеніе соборнаго храма Воскресенія Христова въ Токио и 2)—12.643 руб. 99 коп. израсходованы на содержаніе канцелярій Общества. такъ что всего на содержаніе миссій, миссіонерскихъ учрежденій и на дѣла Общества въ 1889 году всего израсходовано 179.062 руб. 89³/₄ коп.

Такимъ образомъ къ 1 января 1890 года въ Обществѣ состояло: непосредственнаго капитала 390.356 руб. 33 коп., запаснаго—187.510 руб. 44³/₄ коп.; расходнаго общаго 75.698 р. 28 к. и расходнаго спеціальнаго—82.118 руб. 4 к., а всего 735.683 руб. 9³/₄ коп.

За двадцать лѣтъ существованія въ Общество поступило пожертвованій 3.146.753 руб. 88 коп., изъ каковой суммъ собственно на миссии и миссіонерскія учрежденія употреблено 2.417.145 руб. 74 коп., причемъ за это время обращено въ православіе въ

Азіятской и Европейской Россіи и въ Японіи болѣе 85.000 чело-
вѣкъ.

— По всей православной и, къ сожалѣнію, легковѣрной Руси рас-
пространяются сотни тысячъ воззваній отъ аѳонскихъ монаховъ съ
приглашеніемъ посылать пожертвованія по тому или иному адресу
и съ перечисленіемъ стоимости поминовеній «вѣчныхъ», ежемѣсяч-
ныхъ и пр. Крупныя суммы, собираемыя аѳонскими монахами,
обыкновенно дѣлятся между агентами—евреями, греками, армянами
и пр., проживающими въ Константинополѣ, и украшенія цер-
квей и прочихъ богоугодныхъ дѣлъ нѣтъ и въ поминѣ. Въ про-
винціи находится очевидно еще очень много сердобольныхъ людей,
готовыхъ понастѣся на удочку и къ различнымъ банкирамъ, и къ
разнымъ проходивцамъ, именующимъ себя монахами. Да и сами
эти проходивцы изобрѣтательны въ достиженіи своихъ цѣлей. Они
не стѣсняются вступать въ борьбу съ печатью, открывающею гла-
за публикѣ. По крайней мѣрѣ, въ новѣйшихъ циркулярныхъ обра-
щеніяхъ къ благотворителямъ они уже упоминаютъ о «завистни-
кахъ ихъ благополучнаго существованія печатающихъ въ газетахъ
противъ нихъ всякую ложь и клевету». Находится одно изъ та-
кихъ новыхъ обращеній, подписанное яко-бы настоятелемъ пустын-
ной обители на св. Аѳонской горѣ въ честь св. великомученика
Артемія, іеромонахомъ Парѳеніемъ.

«Будьте увѣрены,—читаемъ мы между прочимъ въ этомъ цирку-
лярѣ, кромѣ отмѣченныхъ выше словъ,—что посланная вами жер-
тва по нижеслѣдующему адресу ни въ какомъ случаѣ пропасть не
можетъ; не вѣрьте разнымъ слухамъ и клеветамъ, пропускаемымъ
(?) врагами рода христіанскаго»,

Дѣйствительно, посланная жертва не пропадаетъ, ее съумѣютъ
получить тѣ, кто ея просятъ, но не пора-ли русскимъ людямъ
додуматься до простой мысли, что ужъ если есть возможность
благотворить, то и у насъ въ Россіи есть слишкомъ много спосо-
бовъ упражняться въ благотворительности. Стоитъ оглянуться
кругомъ себя, чтобы увидеть эти способы. Что же касается до
аѳонскихъ монаховъ, то прежде всего уже должно смущать каж-
даго ихъ назойливое обращеніе къ отдѣльнымъ личностямъ, адресъ
и имя которыхъ они могутъ узнать только съ помощью разныхъ
агентовъ и пр. Вѣдь не трудно, кажется, догадаться, что въ дан-
номъ случаѣ приходится имѣть дѣло просто-на-просто съ прибыль-
ной аферой.

Продолжая предостерегать своихъ читателей, напомнимъ имъ,

что и официальные органы наши, въ родѣ «Церковныхъ Вѣдомостей», не разъ уже указывали на неблаговидность авторовъ возваній. (С. О.)

— Извѣстно, что крестьяне-переселенцы оставляютъ родину съ самымъ ничтожнымъ запасомъ матеріальныхъ средствъ. Людей обезпеченныхъ среди переселенцевъ очень мало. На что надѣются эти люди, отправляясь въ дальній путь? Разсчитываютъ они на «авось», а потому испытываютъ очень большія страданія. Бываютъ, впрочемъ, случаи, когда переселенцы въ своей-же средѣ находятъ источникъ денежныхъ средствъ, необходимыхъ хоть на первыхъ порахъ въ дальней Сибиря. Такимъ источникомъ, по словамъ профессора Исаева, служить какой-нибудь добросердечный и богатый переселенецъ, совершенно безкорыстно выручающій своихъ спутниковъ. Крестьяне Вѣлгородскаго уѣзда, Курской губ., въ числѣ 75 семей, основали въ 1889 г. поселокъ Ново-Николаевскій въ почетанской волости, маріинскаго округа, Томской губ. Пришедши на мѣсто водворенія уже осенью, переселенцы могли засѣять только очень немного хлѣба, и тогда-же 74 домохозяина ходатайствовали передъ губернаторомъ о ссудѣ для продовольствія и обмѣненія полей. Ходатайство не сразу было удовлетворено; положеніе новоселовъ было бы совсѣмъ критическимъ, не будь добраго сердца у того единственнаго домохозяина, который не просилъ о ссудѣ. Имѣя 2,000 руб., онъ купилъ всѣмъ оносельчанамъ сѣмянъ для засѣянія полудесятины на каждую мужскую душу, и каждому должнику онъ доставилъ 1 пудъ сѣмянъ по 60 к., которыя самъ заплатилъ за зерно. Еще одна партія переселенцевъ изъ Спасскаго уѣзда, Тамбовской губ.; среди нихъ былъ дядя Семенъ, который прямо говоритъ, что везетъ съ собой тысячи полторы. Его односельчане утверждали, что онъ человекъ «божій», «добродѣтельный», что онъ всегда помогалъ на родинѣ землякамъ, часто не бралъ процентовъ и считалъ «по одной копѣйкѣ» въ мѣсяцъ только съ тѣхъ, которымъ очень «счастлило» отъ его помощи. Всѣ члены этой партіи въ одинъ голосъ говорили, что съ лядей Семеномъ не страшно идти хоть на край свѣта, что онъ всюду выручитъ изъ бѣды и не только «своего, но и чужого въ обиду не дастъ».

Такіе случаи свѣставляютъ, конечно, рѣдкія исключенія. Гораздо чаще случается, что источникомъ денежныхъ средствъ для бѣдныхъ переселенцевъ служитъ богатый крестьянинъ, который имѣя капиталъ въ 2—3 тысячи руб., переселяется въ Сибирь, разсчитывая

сдѣлаться тамъ богачомъ. Такой денежной человѣкъ входитъ въ составъ обыкновенной переселенческой партіи съ заравѣе намѣченною цѣлью эксплуатировать этихъ бѣдняковъ и на ихъ счетъ наживать деньги. Переселенцы, имѣя въ своемъ составѣ такого кулака, получаютъ возможность хоть на первыхъ порахъ не умереть съ голода, хотя за занятые деньги отдають себя въ кабалу, очень напоминающую крѣпостное состояніе. Бѣдный переселенецъ, занимая у кулака 15—20 руб. на покупку лошади, дѣлается ему кругомъ обязаннымъ; долгъ растетъ, хотя проценты щедро оплачиваются трудомъ,—должники косятъ, папуть, помогаютъ корчевать лѣсъ, строить избу. Тотъ-же г. Исаевъ рассказываетъ, что ему пришлось ѣхать между Тюменью и Томскомъ съ партіей переселенцевъ изъ мамадынскаго уѣзда, казанской губерніи—они направлялись въ маріинскій округъ, томской губ., къ своимъ землякамъ. Изъ это уѣзда выѣхало туда въ 1889 году 15 семей, среди которыхъ былъ одинъ богатый крестьянинъ. Онъ продалъ на родинѣ все имущество, между прочимъ, каменный двухъ-этажный домъ, и вывезъ 3,000 руб. Нѣкоторые изъ 15 семей были очень бѣдны. По пріѣздѣ на мѣсто, онѣ и стали по найму работать на своего богатаго односельчанина. Силами своей семьи и при помощи этихъ людей онъ накопиль въ прошломъ году болѣе 700 копеекъ сѣна. Обработавъ весь свой надѣлъ, онъ арендовалъ часть земли бѣднѣйшихъ членовъ партіи. Въ другой партіи переселенцевъ, изъ селенія Бѣлой, курской губ., суджанскаго уѣзда, былъ ростовщикъ, который на родинѣ занимался отдачей денегъ займа изъ высокаго процента; онъ ѣхалъ потому, что переселенцы уже издавна, на родинѣ, были его должниками. Нѣкоторые изъ нихъ, уплативъ одинъ долгъ, снова заключали заемъ на нѣсколько лѣтъ; уже 10—15 лѣтъ поддерживались подобныя отношенія между этимъ богатымъ мужикомъ и нѣкоторыми изъ его спутниковъ. Въ партіи изъ 30 семей было 4 семьи, уже много лѣтъ знакомыя этому ростовщику и получившія отъ него деньги на дорогу. Пришлось также встрѣтить группу крестьянъ изъ Кузнецкаго уѣзда, саратовской губ.; партія состояла изъ русскихъ и мордвы. Въ этой партіи былъ одинъ богатый крестьянинъ, имѣвшій болѣе 60 пуд. багажа и очень довольный тѣмъ, что пониженіе провозной платы за багажъ позволяло ему взять съ собою такъ много клади; онъ везетъ не болѣе 15 пуд. домашнихъ вещей и слишкомъ 45 пуд. на продажу.

Разсказанные здѣсь факты далеко не единственные; при многихъ переселенческихъ партіяхъ идутъ денежные люди, кулаки, на ко-

торыхъ переселенцы прямо рассчитываютъ; наши крестьяне такъ привыкли къ кулачеству, что переселенцы даже довольны, если съ ними вмѣстѣ отправляется въ дальнюю сторону какой-нибудь предприимчивый человѣкъ и съ деньгами, хотя они напередъ знаютъ, какой дорогой цѣной имъ придется расплачиваться за каждую занятую у него копѣйку.

Изъ изложеннаго ясно, что въ далекой Сибири среди бѣдныхъ переселенцевъ начинаетъ уже развиваться жестокая язва — кулачество, которое и въ Европейской Россіи служитъ источникомъ оскудѣнія сельскаго населенія.

« С. О. ».

— На дняхъ опубликованъ уставъ общества «для вспоможенія нуждающимся переселенцамъ», утвержденный г. министромъ внутреннихъ дѣлъ 6-го ноября. Общество имѣетъ цѣлю содѣйствовать правительству въ его заботахъ о лицахъ, переселяющихся на основаніи существующихъ правилъ и съ разрѣшенія подлежащаго начальства. Въ числѣ учредителей его мы видимъ наиболѣе крупныхъ сибирскихъ капиталистовъ въ лицѣ извѣстныхъ золотопромышленниковъ братьевъ Ф. И. и В. И. Базилевскихъ и не менѣе извѣстныхъ пароходовладельцевъ Сибиряковыхъ. Самое общество находится въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ и дѣятельность его считается открытою, когда ежегодный доходъ достигнетъ 1,000 р.

Задачи общества сводятся къ помощи переселенцамъ, какъ находящимся въ пути, такъ и водворяющимся на новыхъ мѣстахъ. Общество въ пунктахъ наибольшаго скопленія переселенцевъ устраиваетъ почлежные пріюты, столовые, больницы и оказываетъ немущимъ денежную помощь. На мѣстахъ водворенія общество также выдаетъ ссуды для первоначальнаго обзаведенія какъ деньгами, такъ и разными полезными предметами.

Такимъ образомъ обществу, какъ видно изъ программы его будущей дѣятельности, придется имѣть дѣло исключительно съ лицами, предпринявшими переселенія по собственной инициативѣ. Облегчить и упорядочить такую личную инициативу переселяющихся вновь учрежденное общество, повидному, вовсе не имѣетъ въ виду. Между тѣмъ эта сторона переселенческаго дѣла заслуживаетъ не меньшаго вниманія, чѣмъ самая помощь переселяющимся. Гдѣ находятся свободныя земли, каковы условія хозяйства на нихъ, какъ до нихъ добратся — объ этомъ наши крестьянныя въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ никакого представленія. Переселенія цѣлыми массами совершаются нерѣдко наобумъ, по тем-

нымъ слухамъ или разсказамъ разныхъ проходимцевъ, эксплуатирующихъ мужицкую темноту. Весьма распространенная у насъ посылка «ходоковъ» для осмотра новыхъ земель также сопряжена теперь съ большими затрудненіями, вслѣдствіе отсутствія для нихъ всякихъ руководящихъ, разумныхъ указаній. Вотъ почему одну изъ главнѣйшихъ задачъ новаго общества должно было бы составить распространеніе въ средѣ крестьянъ вѣрныхъ свѣдѣній о земляхъ, доступныхъ для переселенія на нихъ.

Но мы будемъ надѣяться, что расширить рамки своей дѣятельности обществу окажется несравненно легче, чѣмъ положить ей начало. На примѣрахъ другихъ однородныхъ обществъ, учреждавшихся съ весьма благими цѣлями и широкими задачами, мы, къ сожалѣнію, видимъ, что общественная инициатива въ дѣлѣ содѣйствія правительству къ разрѣшенію разныхъ государственныхъ вопросовъ, очень часто ослабѣваетъ прежде, чѣмъ успѣетъ проявить себя въ практической дѣятельности. Очень можетъ быть, что новому обществу съ его скромными задачами предстоитъ какъ разъ обратная судьба. Отъ души можемъ лишь пожелать, чтобы это случилось.

«День».

— Интересна статья г. Иванова въ «Русскомъ Вѣстникѣ» о нашей колонизаціи въ Туркестанѣ.

Колонисты находятся въ бѣдственномъ состояніи, если судить по тому, что даже въ лучшихъ колоніяхъ, существующихъ 15 лѣтъ и имѣющихъ до сотни дворовъ, нѣтъ ни церкви (даже въ кибиткѣ), ни какой-либо медицинской помощи, а зачастую колоніи устроены на болотистыхъ мѣстахъ и люди сильно хвораютъ. Священники пріѣзжаютъ рѣдко и издалека.

Остальное время православные христіане живутъ, по ихъ собственнымъ словамъ, хуже бусурманъ. Тѣ имѣютъ вездѣ молитвенные дома и мечети и въ каждомъ селеніи своего вѣроучителя-муллу. Наши же крестьяне совершенно отстаютъ отъ церкви, бывая въ ней разъ или два въ годъ, а нѣкоторые и вовсе не бываютъ и совершенно дичаютъ. Они равнодушно относятся даже къ такому священному обычаю, какъ ношеніе на груди крестовъ, надѣваемыхъ при самомъ крещеніи. Мы видѣли сотни дѣтей, не имѣющихъ этихъ символовъ христіанства на своей груди. На нашъ упрекъ отцамъ они отвѣчали, что и негдѣ и не на что купить крестиковъ дѣтямъ. «Есть у насъ хлѣбъ, а денегъ у насъ нѣтъ», отвѣчали намъ мужики. «Да много ли стоитъ мѣдный крестикъ? Вѣдь менѣе копѣйки». — «Да и копѣйки въ домѣ нѣтъ». Вотъ въ какомъ

положеніи находится одна изъ самыхъ старыхъ и зажиточныхъ нашихъ колоній, находящаяся, по словамъ автора, въ сравнительно очень благоприятныхъ условіяхъ.

По мнѣнію автора, если мы хотимъ сколько-нибудь толково устроить колоніи въ Туркестанѣ, не съ цѣлью его обрусѣнія, а ради того, чтобы онѣ могли служить намъ точками опоры на случай какихъ-либо осложненій, необходимо, во-первыхъ, привлечь благонадежныхъ переселенцевъ.

Теперь сюда идутъ большею частью бродяги, отыскивающіе молочныхъ рѣкъ съ кисельными берегами. Идутъ сюда люди безъ знаній, безъ капиталовъ, безъ любви къ труду, къ трезвости, къ бережливости; идутъ не для того, чтобы селиться, устроить свою судьбу, но для того, чтобы сѣсть кому-нибудь на шею и жить, какъ несовершеннолѣтнимъ, вѣчно подъ опекой.

Загѣмъ надобно заранѣе готовить для колонистовъ хотя самыя простыя помѣщенія въ видѣ длиннокибитныхъ построекъ, обязательно устраивать церковь, колоніи размѣщать въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи, имѣть особое управленіе для колонистовъ и для отвода земель колонистамъ необходимо образовать особую комиссію, въ которой должны быть непремѣнными членами, кромѣ землемѣра, врачъ и агрономъ. Мы совѣтовали одному администратору послать такую комиссію для обзора нынѣшнихъ колоній—на удобныхъ ли и на здоровыхъ ли мѣстахъ онѣ поселены.

Необходимо при устройствѣ колоній имѣть въ виду, кромѣ другихъ удобствъ, еще и удобства путей сообщенія и сбыта земледѣльческихъ и другихъ хозяйственныхъ произведеній колонистовъ. Нельзя посадить людей въ глуши, откуда нѣтъ никуда хорошихъ проѣзжихъ дорогъ. Въ такомъ положеніи находятся нѣкоторыя наши колоніи. И есть хлѣбъ и другіе запасы, да некому ихъ сбыть, и оттого колонисты плачутся на свою судьбу и чуть не бѣдствуютъ, не имѣя въ виду никакого улучшенія своего быта.

Самымъ подходящимъ элементомъ для колонизаціи—въ нравственномъ и экономическомъ значеніи—авторъ считаетъ раскольниковъ, незамѣнимыхъ по ихъ стойкости и выдержкѣ.

— «Русская Жизнь» получила официальная свѣдѣнія о самовольно отлучившихся за границу и преимущественно въ Америку жителяхъ Плоцкой губеніи за 1863—1888 гг.

Упомянутыя «Свѣдѣнія» официальнаго происхожденія и потому не могутъ возбуждать сомнѣній въ своей правдивости, и хотя они

касаются всего одной губерніи, тѣмъ не менѣе, могутъ служить къ разъясненію вопроса въ его общей совокупности. По свѣдѣніямъ этимъ, — идея переселенія вообще и особенно въ Америку оказывается занесенною въ Плоцкую губернію изъ сосѣднихъ къ этому краю Пруссіи (Познани) и Австріи (Галиціи), гдѣ, какъ извѣстно, эмиграція усиливается съ каждымъ годомъ. Подстрекателемъ поселенія является эмиграціонная контора въ Гамбургѣ. Въ Гамбургѣ существуетъ, какъ извѣстно, особая эмиграціонная контора. Эта контора имѣетъ своихъ секретныхъ агентовъ во всѣхъ губерніяхъ Царства Польскаго, главнымъ образомъ въ Варшавѣ. Такими агентами, спеціально занимающимися пособничествомъ бѣглецамъ, состоятъ, какъ оказывается, исключительно Евреи. Дѣло ведется такъ: въ Варшавѣ эмигрантъ уплачиваетъ агенту извѣстную сумму, и затѣмъ его направляютъ въ Гамбургъ; во время этого путешествія эмигрантъ переходитъ изъ рукъ въ руки Евреевъ; нерѣдко бываетъ, что переселенецъ еще въ Варшавѣ снабжается (за деньги, конечно) билетомъ на проѣздъ изъ Гамбурга въ Америку.

Самыя цифры самовольныхъ переселенцевъ за прошлые годы незначительны, и любопытны только потому, что обнаруживаютъ постоянное возрастаніе, завершившееся современнымъ движеніемъ. Въ періодъ времени, съ 1863 по 1888 гг., изъ Плоцкой губерніи выселилось незаконнымъ путемъ 4,837 человекъ: мужчинъ—3,506 (72,48 проц.), женщинъ—636 (13,14 проц.) и дѣтей 695 (14,38 проц.). Что касается причинъ выселенія, то переселеніе годъ отъ году увеличивающееся вызывается общимъ экономическимъ застоємъ, результатомъ котораго прежде всего являлась распродажа имѣній за разные долги, запущеніе хозяйствъ, измѣненіе системъ ихъ и пр.

— Врачебный инспекторъ Соединенныхъ Штатовъ г. Гамильтонъ представилъ, по сообщенію вашингтонскаго корреспондента Times, министру финансовъ свой докладъ о результатахъ посѣщенія главнѣйшихъ портовъ Европы, въ которыхъ совершается посадка на суда эмигрантовъ направляющихся въ Соединенные Штаты. Въ этомъ докладѣ г. Гамильтонъ признаетъ, что Соединенные Штаты доставляютъ всѣмъ желающимъ черезчуръ легкую возможность сдѣлаться гражданами республики, что мѣры противъ канлыва массъ европейскаго пролетаріата слишкомъ слабы, что въ портахъ никакого медицинскаго освидѣтельствованія эмигрантовъ не существуетъ, а въ Соединенныхъ Штатахъ лишь въ Нью-Йоркѣ существуетъ медицинское освидѣтельствованіе, но настолько

слабое, что не препятствуетъ вступленію на американскую почву эмигрантовъ сумашедшихъ и чистыхъ идіотовъ, что въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ, несмотря на законы ограничивающіе наплывъ эмигрантовъ, прибыло въ Соединенные Штаты 2.666.276 эмигрантовъ. Г. Гамильтонъ предлагаетъ издать законъ, по которому бы всякій эмигрантъ обязанъ былъ явиться къ ближайшему къ его родинѣ консулу Соединенныхъ Штатовъ и представить письменныя доказательства того что 1) онъ никогда не былъ осужденъ судомъ ни за какое преступленіе, 2) что онъ не жилъ милостыней или въ богадѣльнѣ и 3) что не страдалъ какою-либо прилипчивою болѣзнію или серіозными умственными или физическими недостатками, дѣлающими его неспособнымъ къ работѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 ГОДЪ

(второй годъ изданія).

НА ОБЩЕПОНЯТНО-НАУЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„НАУКА И ЖИЗНЬ“.

Единственный въ Россіи журналъ, дающій возможность неспециалистамъ слѣдить за успѣхами всѣхъ отраслей точныхъ наукъ. Открытія, изобрѣтенія, усовершенствованія. Постоянные отдѣлы по медицинѣ (особенно гигиенѣ), сельскому хозяйству, лѣсоводству, домоводству и пр. Научныя игры и развлеченія для дѣтей и въ обществѣ. Задачи физическія, математическія, геометрическія, шахматныя.

Текстъ иллюстрируется множествомъ отличныхъ гравюръ, изъ коихъ многія исполнены въ Парижѣ (въ первомъ полугодіи за 1890 годъ помѣщено 193 гравюры, во второмъ будетъ около 250 гравюръ). Въ годъ выходитъ 52 №, каждый въ два печатные листа на лучшей веленовой бумагѣ.

Изложеніе краткое, ясное, точное и общепонятное.

ЦѢНА журнала съ пересылкой и доставкой: на годъ ПЯТЬ р. и на полгода ТРИ рубли.

Отдѣльныя №№ для ознакомленія высылаются: № 1 за одну семикопѣечную почтовую марку, а всѣ остальные за три такія же маркі.

Адресъ: Москва. Редакція журнала „НАУКА и ЖИЗНЬ“.

Редакторъ-Издатель Др. М. Н. Глубоковскій.

Въ Харьковской Епархіальной книжной лавкѣ,

при Кафедральномъ соборѣ продаются слѣдующія книги:

Библия на русскомъ языкѣ въ 8 д. въ кожѣ 3 р., въ бум. 2 р. Новый Заветъ съ Псалтырью и указатель чтеній на бѣл. бум. въ коленк. Г. п. 1 5 к. Служебникъ въ 32 д. въ сафьянѣ съ бронз. застеж. 1 р. 40 к., въ 8 д. въ бум. 1 р. 45 к. Требникъ въ 32 д. въ сафьянѣ 1 р. 50 к.; Дополн. Требникъ въ коленк. 65 к., обѣ части вмѣстѣ въ кожѣ 1 р. 20 к. Псалтырь слѣдов. въ листь, въ кожѣ 5 р. 30 к., въ 12 д. въ кожѣ 1 р. Учебн. Псалтырь въ 32 д. Псалтырь круп. печ. въ перепл. 2 р. 50 к. Учебн. Октоихъ въ пер. 45 к. Учебн. Часословъ 30 к. Последъ молеб. гнѣній въ кожѣ 1 р. 20 к. Канонникъ въ кожѣ 80 к. Правило къ Бож. причащенію съ кнотовар. въ кореш. 1 р. 80 к. Молитвословъ въ 32 д. Г. П. съ кореш. 18 к., въ бум. 12 к. Иерейскій молитвословъ въ пер. 1 р. 40 к. Молитвословъ съ акад. Спасителю и Божіей Матери Г. П. въ коленк. 45 к. Собраніе молитвъ на всякій день потребныхъ въ 16 д. 15 к. Евангеліе на слав. яз. въ перепл. 30 коп., безъ перепл. 15 коп. Новый Заветъ на 4-хъ яз. 60 к. Страстныя Евангелія 15 к. Начатки христ. ученія Г. П. 11 к. Пространный катихизисъ 15 к. Полное собраніе сочиненій Св. Тихона Задонскаго въ 5 кн. 6 р. 50 к. Училище благочестія въ 2 т. 85 к. Алфавитъ духовный Г. П. въ кор. 40 к. Жизнь Іисуса Христа Фаррара въ 2-хъ ч. 2 р. 50 к. Жизнь Іисуса Христа, — Луцковича 90 к. Толковый молитвенникъ — Протопопова 12 к. Начальное обученіе (азбука) ц.-г. печ. 6 к. Азбука подвѣжная крупн. печ. 17 к. Приходская школа 35 к. Молитвы, заповѣди и Символъ Вѣры пр. Соколова 15 к. Священ. исторія Ветх. зав. пр. Соколова 30 к. и Нов. Зав. 30 к. Сборникъ задачъ — Лубенца 40 к. Сборникъ задачъ и примѣровъ — Гольденберга 1 и 2-го вын. по 30 коп. Русскія прописи Гербача 10 к. Азбука правописанія Тихомірова 1-я ч. 40 к. Курсъ систематическаго диктанта Смирновскаго ч. 1-я 60 к. Обученіе церковно-славянской грамотѣ Ильменскаго 20 к. Картины Ветх. и нов. Завета, Сидоровскаго 3 р. 50 к.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1891 ГОДУ

ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА

Православный Собесѣдникъ будетъ издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался до сего, съ 1-го января, *ежемесячно*, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Журналъ „Православный Собесѣдникъ“ рекомендованъ Святейшимъ Синодомъ для выписыванія въ церковныя библіотеки, „какъ изданіе полезное для пастырскаго служенія духовенства“. (Синод. опред. 8 сент. 1874 г. № 2793).

Цѣна за полное годовое изданіе, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи — **СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.**

При журналѣ «Православный Собесѣдникъ» издаются
ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ,

выходящія два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатн. листа въ каждомъ удобнѣйшаго шрифта. Цѣна «ИЗВѢСТІЙ» для мѣствъ и лицъ другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ, за оба изданія вмѣстѣ десять руб. сер. съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редакціи *Православнаго Собесѣдника*, при Духовной Академіи, въ Казани.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 ГОДЪ

на издаваемыя при Св. Синодѣ

„ЦЕРКОВНЫЯ ВѢДОМОСТИ“

«Церковныя Вѣдомости», издаваемыя при Святѣйшемъ Синодѣ, имѣютъ выходить въ 1891 году (4-й годъ изданія) по утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ программѣ, въ объемъ 2—3 печатныхъ листовъ еженедѣльно. Программа ихъ: I. Узаконенія и распоряженія по духовному вѣдомству, узаконенія и распоряженія по другимъ вѣдомствамъ, имѣющія отношеніе къ церквамъ и причтамъ. II. Прибавленія къ «Вѣдомостямъ»: наиболѣе замѣчательныя слова и рѣчи, статьи научно-богословскаго содержанія, изложенныя просто и общепонятно, разъясненіе узаконеній и распоряженій по духовному вѣдомству, статьи о церковной жизни Россіи, православн. Востока и инославн. Запада, отзывы о книгахъ духовнаго содержанія, извѣстія и замѣтки и т. п.

«Церковныя Вѣдомости» — органъ Святѣйшаго Синода, изданіе обязательное для церковныхъ причтовъ и учреждений духовнаго вѣдомства.

Цѣна «Церковныхъ Вѣдомостей» съ доставкою и пересылкою три рубля. Иногородные частные подписчики адресуютъ свои требованія на «Церковныя Вѣдомости» въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ. Отъ частныхъ же лицъ, живущихъ въ С.-Петербургѣ, подписка принимается въ конторѣ редакціи (Конно-гвардейскій бульваръ, домъ № 5, кв. 7) отъ 10 час. утра до 4 час. ежедневно за исключеніемъ воскресныхъ, праздничныхъ и табельныхъ дней. Кромѣ конторы редакціи, отъ частныхъ лицъ подписка на «Церковныя Вѣдомости» принимается въ С.-Петербургѣ—въ Синодальныхъ книжныхъ лавкахъ и у книгопродавцевъ: Тузова, Мартынова, Луковникова и Карабасникова; въ Москвѣ—въ Синодальной книжной лавкѣ и у книгопродавцевъ: Думнова, торгующаго подъ фирмою наследн. братьевъ Салаевыхъ, и Сытина; въ Кіевѣ—у Оглоблина. въ Казани—у Дубровина.

Частныя объявленія, соотвѣтствующія назначенію изданія, принимаются съ платою по 30 к. за мѣсто, занимаемое строкою петита въ одинъ столбець.

Политическая, общественная и литературная газета

НА ГОДЪ . . . 5 р.
НА 8 МѢС. . . 4 р.
НА 6 МѢС. . . 3 р.

ДЕШЕВЪ

НА 4 МѢС. . . 2 р.
НА 2 МѢС. . . 1 р.
НА 1 МѢС. . . 60 к.

ЗА ГРАНИЦУ
НА ГОДЪ 10 р.

Объявленія по 10
коп. за строку.

Адресъ: С.-Петербургъ, (360 вып. въ годъ.) Редакторъ И. В. Скорницевъ.
Преображенская, 4. Издатель А. А. Гресе.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1891 ГОДУ

„Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстій“.

«Черниговскія Епархіальныя Извѣстія, Господу поспѣшествующу, будутъ издаваемы и въ 1891 г. по программѣ, утвержденной Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ, въ составѣ двухъ частей—официальной и неофициальной,—два раза въ мѣсяць.

Цѣна годовому изданію «Извѣстій» съ пересылкою 4 руб. 50 к.

Подписка принимается въ г. Черниговѣ, въ Редакціи Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстій, въ квартирѣ Каѳедральнаго Протоіерея.

Тамъ же продаются слѣдующія книги:

- 1) «Способы православно-христіанскаго воспитанія дѣтей въ семьѣ и обученія ихъ Закону Божію, въ начальной школѣ», изд. 3-е 1890 г. Цѣна съ перес. 55 к.
- 2) «Преподобный Ѳеодосій Углицкій, Архіепископъ Черниговскій, мѣстно-чтимый святитель» Ц. съ перес. 35 к.
- 3) «Новыя чудеса отъ мощей св. Ѳеодосія Углицкаго, Архіепископа Черниговскаго», Ц. съ пер. 21 к. (почтов. семикоп. марками).

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

въ 1891 году, (32-й годъ своего существованія) будетъ издаваться на прежнихъ основаніяхъ.

Православное обозрѣніе, учебно-литературный органъ богословской науки и философіи, особенно въ борьбѣ ихъ съ современнымъ невѣріемъ, церковной исторіи, критики и библіографіи, современной проповѣди, церковно-общественныхъ вопросовъ и извѣстій о текущихъ церковныхъ событіяхъ внутреннихъ и заграничныхъ, выходитъ ежемѣсячно книжками въ 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна съ пересылкою въ Россіи 7 руб., за границею 8 руб. Подписка принимается въ Москвѣ, у редактора журнала протоіерея при церкви Ѳеодора Студита, у Никитскихъ воротъ, II. Преображенскаго и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Иногородные благоволятъ адресоваться исключительно такъ: въ редакцію Православнаго Обозрѣнія въ Москвѣ.

Въ Редакціи можно получать:

Оставшіяся въ небольшомъ количествѣ экземпляры Писанія мужей апостольскихъ, изданныя въ русскомъ переводѣ со введеніями и примѣчаніями къ нимъ свящ. П. А. Преображенскимъ. Цѣна съ пересылкою 2 р.—Кромѣ того:

- 1) Указатель къ «Православному Обозрѣнію» за одиннадцать лѣтъ 1860—1870 гг., составленный П. А. Ефремовымъ. Цѣна Указателя 75 к. съ пересыл. 1 р.
- 2) Указатель къ «Православному Обозрѣнію» за 1871—1886 гг. Цѣна 75 к., съ пересылк.
- 3) Псалтирь въ новомъ славянскомъ переводѣ Амвросія архіепископа Московскаго (Зертысъ-Каменскаго). Москва 1878 г. Цѣна 50 коп.
- 4) Сочиненія древнихъ христіанскихъ апологетовъ: Татіана, Аѳинагора, Ѳеофила Антиохійскаго, Ермія философа, Мелитона Сардійскаго и Минуція Феликса. Изданіе прот. П. Преображенскаго. Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылк. 1 р. 50 коп.
- 5) Сочиненія св. Иринея Лионскаго. I. Пять книгъ противъ ересей. II. Отрывки изъ утраченныхъ сочиненій. Изданіе его же. Цѣна 3 руб. съ перес.
- 6) Христосъ. Публичныя чтенія Эрнеста Навиля Москва. 1881 г. Цѣна 75 к. съ перес.
- 7) Чудеса Господа нашего Иисуса Христа. Объяснительныя примѣчанія къ евангельскимъ повѣствованіямъ о чудесахъ Христовыхъ. Сочиненіе Дублинскаго архіеп. Тренча, персведен. А. З. Зинковскимъ. Москва 1883. Цѣна 1 р. 30 к. съ перес.
- 8) Теорія древле-русскаго церковнаго и народнаго пѣнія на основаніи аутентическихъ трактатовъ и акустическаго анализа. Сочиненіе Юрія Арнольда. Москва. 1880. Цѣна 2 р. съ перес.

Редакторъ прот. П. Преображенскій.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составить собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

➔ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.